
K 50 6/30

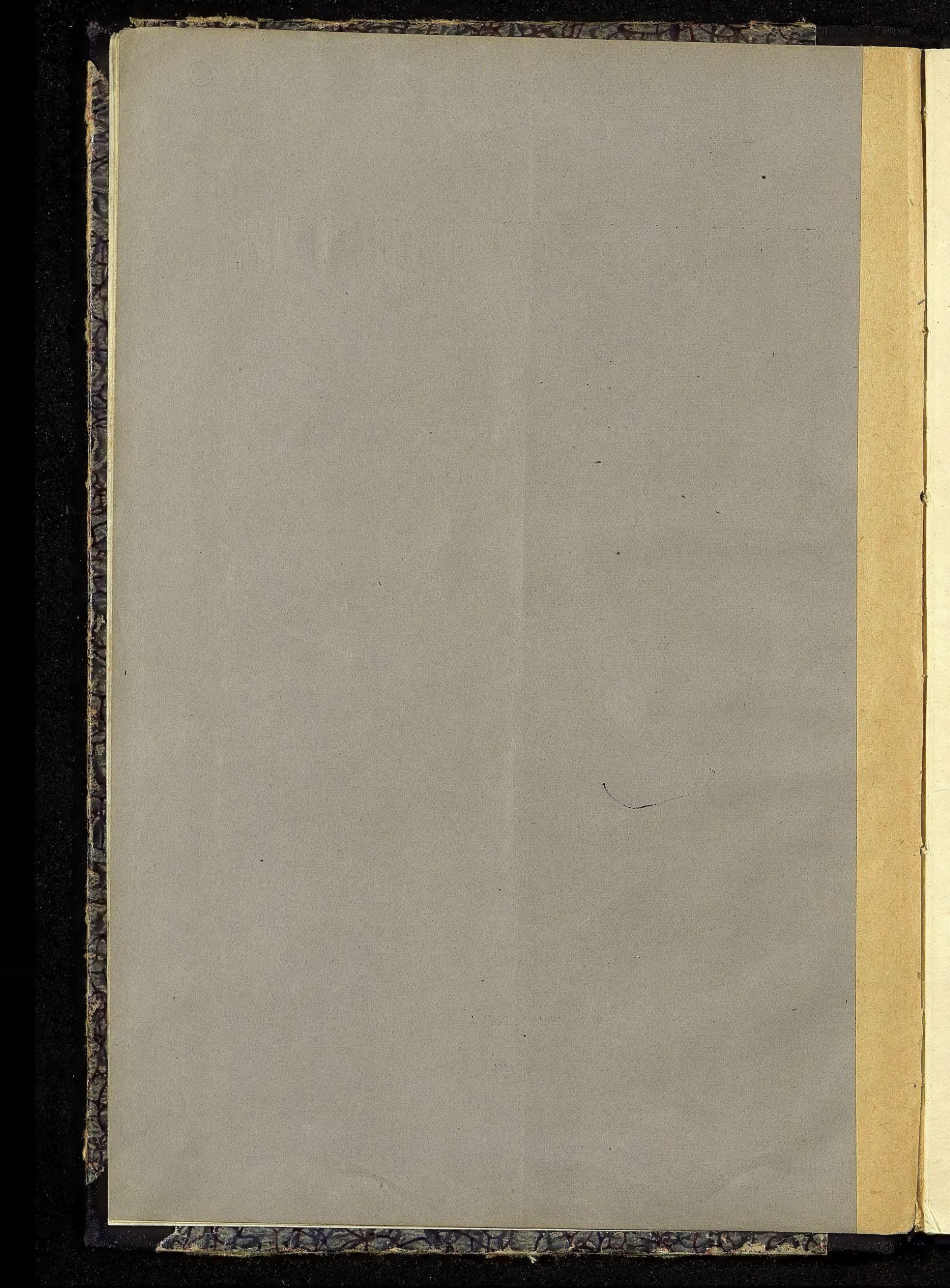
ПРАВДА О ЛЖЕДИМИТРІИ.

(Изъ № 8 „Русскаго Архива“).

Н. М. Павлова.

МОСКВА.

1886.



ПРАВДА О ЛЖЕДИМИТРІИ.

(Изъ № 8 „Русскаго Архива“).

Н. М. Павлова.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.
1886.

Дозволено цензурой. Москва, 12 Августа 1886 г.

ПРАВДА О ЛЖЕДИМИТРІИ.

Вопросъ о томъ, кто наслѣдуетъ Московскій престолъ послѣ бездѣтнаго Өеодора занималъ еще въ самое его царствованіе не только Русскихъ людей, но и сосѣднія государства. Польша, еще въ это время, выказывала съ своей стороны большую заинтересованность этимъ дѣломъ; Крымцы, сейчасъ по полученіи вѣсти о смерти Өеодора, заподымались на Москву походомъ. Ожидалось непремѣнныхъ смутъ въ Россіи по пресѣченіи многовѣковой, національной Рюриковой династіи.

Ко всеобщему удивленію, безъ всякихъ потрясеній въ государствѣ, избранъ на царство Борисъ. Въ извѣстіяхъ того времени намекается при этомъ, правда, на оппозицію со стороны бояръ; но порывъ народа былъ единодушный. Борисъ сдѣлался царемъ Россіи, такъ-какъ Богъ «въ немъ, въ царскомъ шуринѣ и его ближнемъ пріятелѣ, оставилъ единаго, истиннаго правителя Россійскому государству, а при государѣ князѣ Өеодорѣ Іоанновичѣ онъ же правилъ», или, по выраженію князя Оболенскаго, въ рѣчи князю Пожарскому «послѣ Өеодора всѣ единомышленно всею землею изобрали на государство Бориса Өеодоровича Годунова, *по его въ Россійскомъ государствѣ правительству*».

Со стороны народа было просто и естественно предлагать корону изо всѣхъ бояръ никому другому, какъ Борису. А самому Борису рѣшиться принять ее было затруднительнѣе, чѣмъ всякому другому: первый человѣкъ тогдашней Руси, Годуновъ, безъ сомнѣнія, лучше всѣхъ и понималъ тогдашнюю Русь; высота именно Русскаго престола должна была ужасать... Русскій царь, ничуть не походя на короля, выкрикнутаго сеймомъ (юридическое лицо съ временнымъ юридическимъ значеніемъ) весь былъ, по національному представленію, лицо бытовое, апотеозъ страны и народа. Въ періодѣ ли самой

крѣпкой національности, на смѣну-ли Васильевъ и Іоанновъ, могъ вчерашній *слуга*, наконецъ (въ виду Рюриковичей), потомокъ Татарина, принять престолъ также спокойно, какъ на поклонъ сосѣда отвѣтить поклономъ?

Бывъ притомъ въ постоянномъ антагонизмѣ съ боярами, чего долженъ былъ напередъ себѣ ожидать Годуновъ отъ этихъ «вѣрныхъ слугъ государевыхъ» какъ не того одного, что подставятъ поперекъ ногу? Прошлое его возвышеніе при Ѳеодорѣ, *бывъ по самой силѣ вещей оттѣсненіемъ всѣхъ ихъ на задній планъ*, давало ему не колеблясь угадывать, что ничье имя, увѣнчанное теперь царскимъ титуломъ, не раздражитъ столькихъ самолюбій и не расшевелитъ столько зависти, какъ его имя. Первый, самъ онъ не забылъ, конечно, и того, что ужъ и до сего времени довольно противъ него выказано злобы. Его щедрость и ласковость къ народу перетолкованы въ заискиванье популярности; всегдашняя, напротивъ, его враждебность къ инстинктамъ черни: его обычай брить бороду, его любовь къ иностранцамъ и къ западной наукѣ давно возведены въ «новшество» и въ желаніе искоренять духъ народный; наконецъ, вся его умная, блестящая дѣятельность и чудныя государственныя способности уже были не разъ обозваны злымъ властолюбіемъ и именно заблаговременными происками даже престола.

Въ добавокъ ко всему: видъ этого престола, стоявшаго празднымъ лишь за роковой кончиной, тому семь лѣтъ, Димитрія въ Угличѣ, царевичева смерть «отъ ножа», съ перваго же мига давшая и неизбѣжный поводъ къ глухому злорѣчію, притомъ исключительная полуцарская высота Бориса, естественно на него одного уже и притягивающая подозрѣнія, на него одного и наводящая удары молвы—вотъ трагизмъ Борисова положенія, и никто не понималъ того лучше самого Бориса, когда вся Россія предъ нимъ на колѣнахъ предлагала вѣнецъ и престолъ.

Однакожъ первые два года Борисова царствованія прошли славно и счастливо для Россіи. Не одинъ Крымскій ханъ, а какъ будто и всѣ ея «вороги», злорадостно ожидавшіе въ ней непремѣнныхъ смутъ по кончинѣ Ѳеодора, были теперь изумлены благополучнымъ исходомъ кризиса и чего-то притаились. Сношенія съ иностранными землями, веденныя Борисомъ, составляютъ вообще блестящую страницу въ лѣтописяхъ Русской дипломатіи; а въ самомъ государствѣ, по единогласнымъ свидѣтельствамъ современниковъ, въ эти первые два года Борисова царствованія, все стояло на высочайшей ступени благосостоянія и славы.

Съ 1600 года начинаются смуты.

Этотъ 1600 годъ имѣетъ важную, достойную изслѣдованія знаменательность въ исторіи Бориса. Событія, такъ страшно потомъ разыгравшіяся для него и цѣлой Россіи, едва примѣтными нитями уже связаны съ этимъ роковымъ годомъ; многія здѣсь таятъ свою необходимость. Что-то смутное и темное, чему еще сами современники не даютъ имени (но что̀ мы зовемъ интригой съ первымъ Лжедмитріемъ), что̀ потомъ увеличено въ народѣ бѣдствіями незапамятно-голодныхъ годовъ 1602 и 1603, и другими обстоятельствами, содѣйствовавшими страшному броженію умовъ и всеобщей шаткости, начинается именно отсюда, и день ото-дня обнаруживается все ощутительнѣе.

Этимъ же 1600 годомъ помѣченъ въ хроникахъ и переворотъ въ Борисѣ.

Прежде о немъ всѣ единогласно свидѣтельствуютъ: отличался милостью, ласковостью, былъ доступенъ, никого не казнилъ смертью, искалъ искоренить взятки и водворить правду въ судахъ, заботился объ улучшеніи общественныхъ нравовъ, правилъ съ удивительною мудростью, поставилъ Россію на такую ступень, что никогда еще она не была и такъ могущественна, и такъ облегчена въ податяхъ; онъ былъ мужъ чудный и сладкорѣчивый, свѣтлодушенъ, нищелюбивъ, онъ былъ всѣмъ любезенъ... И вдругъ по единогласнымъ же отзывамъ именно съ этого 1600 года, онъ-же, Борисъ становится непонятнымъ тираномъ. Вкрадывается подозрительность въ душу царя; онъ окружаетъ себя толпою тѣлохранителей, не оставляющихъ его даже при проходѣ въ церковь; онъ боится принимать пищу и во всемъ домашнемъ обиходѣ дѣлается осторожливъ; онъ силится проникнуть къ домашнему очагу своихъ подданныхъ, ищетъ вездѣ вызнать: какіе ходятъ слухи? о чемъ всѣ думаютъ, что̀ вездѣ говорятъ? наконецъ, всѣ дни занимается доносами, пытаетъ бояръ и ихъ слугъ, преслѣдуетъ и гонитъ. «Восхотѣвшу ему въ Московскомъ государствѣ все вѣдати, чтобы ничто у него утаено не было, и помышляше о семъ много: какъ бы, отъ кого бы вѣдати?» Этотъ поворотъ обыкновенно ставитъ въ тупикъ историковъ; для его объясненія съ самого начала присвоиваютъ Борису какой-то мелодраматическій характеръ. Разгадка очень проста.

Дѣло въ томъ, что именно съ этого, 1600 года, заслышиваясь то тамъ, то здѣсь, вдругъ начинаетъ всюду носиться въ воздухѣ вѣсть о Самозванцѣ, или—большая разница сказать это на тогдашнемъ языкѣ—громовая вѣсть о томъ, что *царевичъ Димитрій живъ*.

Главныя изъ событій этого 1600 года: дѣло Богдана Бѣльскаго, дѣло бояръ Романовыхъ и пріѣздъ въ Москву Литовскаго посольства съ канцлеромъ Львомъ Сапѣгой. Разберемъ каждое, по одиночкѣ.

Бояре, враги Годунова, долго вели противъ него глухую, бездѣйственную борьбу; съ Бѣльскаго повелась она и явно. Ни въ чемъ не переча царю, вчерашнему своему равному, не выказываясь противъ него явнымъ враждебнымъ поступкомъ, бояре втихомолку подкапывались подъ самыя основы Борисова престола. Сѣянія подъ рукой злостныхъ слуховъ и вѣчно насмѣшливые намеки, кривыя перетолкованья царскихъ стремленій, нелюбовь цѣлыми домами къ домамъ, бывшимъ у царя въ милости, полное нравственное разобщеніе и холодность съ преднамѣренной цѣлью—вотъ орудія тайнаго, нѣмаго боярскаго протеста, противъ котораго во всѣ времена правительство бываетъ безсильно бороться и не въ состояніи даже явно уличить его, именно за его, скорѣе фамильярный, чѣмъ оффиціальный характеръ. Съ Бѣльскаго эта борьба вышла наружу.

Обличеніе въ lèse-majesté застаетъ этого боярина уже въ Борисоградѣ; но еще и самая его ссылка въ эту степную мѣстность была началомъ опалы. За что онъ былъ туда сосланъ, неизвѣстно для самихъ современниковъ. Полная неизвѣстность хорошо даетъ угадывать, что съ его стороны не было прямаго беззаконнаго поступка, гласность котораго для самого правосудія была бы выгодна. Это просто былъ безпокойный человѣкъ, и въ той глухой, скрытной борьбѣ, въ томъ постоянномъ нѣмомъ протестѣ, неухватимомъ для правосудія, которые велись противъ Бориса боярами, царь больше всего отъ него терпѣлъ выходокъ. Его сослали въ Борисовъ, но подъ предлогомъ постройки тамъ крѣпости, и слѣдовательно, прямой опалы тутъ не было, казни еще менѣе. Гордый бояринъ тѣмъ не унялся и самую свою ссылку обратилъ въ шумную демонстрацію. Онъ выѣзжалъ въ ссыльное мѣсто, какъ бы на почетнѣйшее назначеніе; множествомъ подводъ, всякаго запаса и великихъ богатствъ, отправлявшихся съ нимъ въ степь, многолюдными толпами слугъ, которыхъ онъ бралъ съ собою, помимо стрѣльцовъ и казаковъ, отправленныхъ туда для водворенія, всѣмъ своимъ великолѣпнымъ поѣздомъ онъ произвелъ сильное впечатлѣніе на толпу. Пріѣхавъ на мѣсто, онъ началъ сооружать укрѣпленія руками одной собственной дворни. Уже только выведя башню и городки, онъ призвалъ все войско къ работѣ и сталъ задавать ежедневные пиры на весь міръ. Онъ кормилъ и поилъ отъ себя всѣхъ неимущихъ, раздавалъ еще деньги, платья и всякіе запасы. Слава о его пирахъ гуломъ домчалась до Москвы; сами ли по себѣ, поощряемые ли тѣми, кому это было нужно, только стрѣльцы и на Московскихъ улицахъ начали величать Бѣльскаго. Самъ ли онъ, какъ увѣряютъ иные, говорилъ о себѣ: Борисъ царь на Москвѣ, а я въ Борисоградѣ; прельщенный ли

имъ народъ позволялъ себѣ такое величаніе,—только Бѣльскій истинно получилъ видъ какого-то самодѣльнаго, *самозваннаго* (какъ его называетъ Бэръ) царя. По крайней мѣрѣ, Бѣльскій точно будто поставилъ себѣ какою-то задачей льстить инстинктамъ черни, прельщать толпу, стяжать славу популярнѣйшаго человѣка въ государствѣ. Къ этому примѣшалъ онъ и свою великую силу для подѣйствованія на народъ, темную темь фанатизма... Если тогдашній Московскій государь брилъ бороду и ославилъ себя любителемъ Нѣмцевъ, то, напротивъ того, окладистая борода «царя Борисоградскаго» была въ славѣ; о ненависти же его къ Нѣмцамъ и крѣпкомъ стоятельствѣ «за Русскій духъ» также давно было протрублено всему міру. Борисъ вдругъ поражаетъ поступкомъ, очевидно вызваннымъ всей страстностью его взволнованной души: Бѣльскаго привезли въ Москву въ каторжномъ уборѣ; Борисъ призвалъ цирюльника Габріеля и велѣлъ этому Нѣмцу по волоску выщипать всю длинную густую бороду «царя Борисоградскаго». Въ выходкѣ боярина Борисъ, очевидно, узналъ черты самаго стариннаго и заклятаго своего врага.

Этотъ врагъ, котораго, безъ сомнѣнія, еще въ страшную для себя минуту избранія, Борисъ съ ногъ до головы долженъ былъ измѣривать очами, конечно не состоялъ лично изъ того или другаго боярина, изъ того или другаго жителя Сѣверской украйны или Алексина. Общее грубое невѣжество вѣка, дикое и темное, возводившее на Бориса тучу клеветъ, въ родѣ тѣхъ, что онъ напримѣръ «поджигалъ Москву» или «наводилъ Крымскаго хана»—вотъ съ чѣмъ постоянно приходилось ратовать Борису. Условія того времени, въ силу которыхъ любовь къ образованности дѣйствительно еще совпадала съ предпочтеніемъ иноземцевъ, а желаніе искоренять грубые нравы дѣйствительно почти соприкасалось съ ненавистью къ внѣшней сторонѣ Русской народности—дѣлали роковымъ положеніе Бориса.

Вспомнимъ, что самого Ивана Грознаго толпа величала Англичаниномъ, и посла, пріѣхавшаго изъ Англіи для сватовства, провожала во дворецъ чуть не свистками. Каково жъ могло быть положеніе на престолѣ выскочки-Годунова, этого отчаяннаго любителя Нѣмцевъ, и съ этимъ же его «новшествомъ», говоря языкомъ раскольниковъ! Въ чемъ бы, впрочемъ, ни заключалась крамола Бѣльскаго, ясно одно: въ его смутномъ дѣлѣ проглянули несомнѣнныя черты потомъ разразившейся смуты, возбужденіе народныхъ страстей противъ Бориса, и какъ бы уже выкинуто знамя *національнаго царя.* Одно достовѣрно: Бѣльскій—другъ и сторонникъ Романовыхъ. Вслѣдъ за его дѣломъ открывается и ихъ дѣло, открывается цѣлый обширный ковъ въ самой

столицѣ. Въ дѣлѣ бояръ Романовыхъ уже гораздо болѣе обнаруживается солидарности съ заготовляющимся явленіемъ Самозванца.

Эта родовитая семья изначала соперничала съ Годуновымъ; она собирала вокругъ себя многочисленныхъ родственниковъ, князей Черкаскихъ, Сицкихъ, Репниныхъ, Шестуновыхъ и другихъ, одинаково не терпѣвшихъ Бориса. Не надо забывать, что именно старшій изъ Романовыхъ былъ и самъ претендентомъ въ цари, наравнѣ съ Борисомъ. Легенда, что ему Ѳеодоръ завѣщалъ свой престолъ при смерти, положеніе, которое занимаетъ его семья при Жолкѣвскомъ и множество другихъ обстоятельствъ доказываютъ это. Въ чемъ собственно заключалась вина Романовыхъ, чѣмъ именно такъ страшенъ показался Борису ихъ замыселъ—этого легко, можетъ быть, до-пряма и не знали современники; но что на нихъ положена опала не безъ поводу, въ этомъ всего лучше убѣждаютъ сами Романовы, говоря, что они *погибли отъ своей же братьи бояръ*, и что *бояре, ихъ великіе недруги, наносили на нихъ государю*. Къ тому же, въ самомъ судѣ, рѣшавшемъ ихъ участь, присутствовали, какъ извѣстно, не одни только доброжелатели Годунова. Если же упрекъ ссыльныхъ чѣмъ-нибудь и справедливъ относительно всего безъ исключенія боярства, такъ тѣмъ развѣ, что, охотно раздѣляя ихъ тайные замыслы, многіе сейчасъ выдали ихъ головами, едва грянула буря. Эти многіе бояре, едва козни обнаружились, сейчасъ отступились отъ Романовыхъ, прикрывая шумомъ своего негодованія собственное съ ними сообщество.

Обильный свѣтъ проливаетъ на загадочное дѣло Романовыхъ разсмотрѣніе бумагъ, дошедшихъ до насъ, объ ихъ ссылкѣ и ихъ опальной жизни. Къ сожалѣнію, это дѣло допущено въ печать съ великими пропусками; во многихъ мѣстахъ поставлены многоточія съ лаконическою надписью: «за ветхостью не разобрано»; а между тѣмъ не безъизвѣстно, что особенныхъ ветхостей нигдѣ нѣтъ.

Изъ бумагъ очевидно, что, удаляя и разсѣвая по разнымъ отдаленнымъ мѣстамъ бояръ Романовыхъ, князей Черкаскихъ и другихъ съ ихъ женами и дѣтьми, вовсе не того хотѣлось правительству, чтобы ихъ мучили и пытали: вездѣ поразительная забота, чтобъ имъ не было худа. А правительство главнымъ образомъ боится какихъ-то слуховъ и толковъ, распространенія которыхъ непремѣнно ждетъ отъ своихъ подсудимыхъ; оно запугано, наконецъ, ихъ тайными сносами и ссылками съ кѣмъ-то. Въ высшей степени знаменательны эти частыя предостереженія и опасенія о тайныхъ сносахъ, которыми сплошь переполнено все дѣло Романовыхъ и, собственно говоря, изъ нихъ однихъ и состоитъ оно. Не приводимъ доказательствъ; пришлось бы выписывать все дѣло.

Иногда даже царскія бумаги какъ бы прямо высказывали, что вся цѣль именно въ арестѣ, а не въ чемъ другомъ: «а ѣдучи дорогою и живучи въ Нижнемъ-Новгородѣ къ князю Ивану (Черкаскому) и къ Ивану (Романову) береженье держати великое, чтобъ одинаково имъ ни въ чемъ не было никакой нужды и жили бы они и ходили просты (безъ оковъ); а того-бъ берегли крѣпко, чтобъ къ князю Ивану и къ Ивану и къ сосѣдямъ ихъ никто не подходилъ и не разговаривалъ съ ними ни о чемъ, и письма-бъ никакого-бъ не поднесъ». Когда приставъ, донося о Ѳеодорѣ Никитичѣ, заключенномъ въ Сійскомъ монастырѣ, спрашивалъ: какъ быть при многолюдствѣ въ томъ монастырѣ всякихъ прохожихъ (иные изъ разныхъ городовъ приходятъ сюда на житье, другіе только помолиться чудотворцу) и для остереженія не запретить ли всѣмъ входъ въ монастырь? отвѣчено въ томъ же духѣ: еслибъ захотѣлъ даже заточникъ стоять на клиросѣ, и ты бъ ему на клиросѣ стояти позволилъ, только бъ съ нимъ никто изъ тутошнихъ и прихожихъ людей ни о чемъ не разговаривалъ; а которые люди учнутъ въ монастырь приходить молиться, прихожіе или тутошніе крестьяне и закладчики, и ты-бъ въ монастырь молиться всякихъ людей въ церкви пущати велѣлъ, только того смотрѣлъ накрѣпко, чтобъ къ измѣннику къ келіѣ никто не подходилъ и съ нимъ ничего не говорилъ и письма ни отъ кого не подносилъ и съ нимъ не сослался».

Въ заключеніе, приставамъ постоянно предписывалось доносить о всякомъ словѣ, которое проговорятъ заключенные; особенно же вмѣнялось въ обязанность стараться проникнуть въ ихъ тайныя бесѣды и вкрадываться въ ихъ мысли. Одинъ изъ приставовъ, бывъ самъ неграмотенъ, обращался по этому поводу къ государю, чтобъ выслали ему надежнаго таковскаго человѣка: безъ того онъ въ затрудненіи, какъ выполнить, что велѣно ему «къ тебѣ къ государю писати *про твои тайныя государевы дѣла*, что проявятся отъ твоего государева злодѣя и измѣнника?»

Послѣдовавшія событія и пристальныя соображенія тогдашней минуты одни приподнимаютъ завѣсу съ этихъ *тайныхъ государевыхъ дѣлъ*. Прежде всего должно замѣтить, что имя Гришки Отрепьева — имя столь громкое отсюда черезъ два года — связано съ самаго начала съ именами подсудимыхъ. Гришка Отрепьевъ, прежде чѣмъ уйти въ монастырь, укрывался во дворѣ князя Черкаскаго и боярина Романова: первое на него подозрѣніе Бориса именно и вызвано его укрывательствомъ на Варваркѣ въ палатахъ Романовыхъ. Драгоцѣнно въ связи съ этимъ свидѣтельство Маржерета, что пытки и доносы, къ которымъ Борисъ приступилъ будто по какому-то необъяснимому поводу, нача-

лись именно отъ «распространившихся въ народѣ слуховъ о живомъ Димитріи». Въ эту же пору, то-есть, когда судились Романовы—какъ онъ же свидѣтельствуетъ—Мареа, Димитріева мать, была удалена изъ Москвы верстъ за шесть сотъ. Наконецъ, самъ Ѳеодоръ Никитичъ, въ инокахъ Филаретъ, явно подтверждаетъ собственными словами личную заинтересованность дѣломъ имѣющаго возникнуть Самозванца. Невольный постриженикъ (о чемъ доносятъ изъ Сійскаго монастыря въ 1605 году, то-есть, когда дѣло Самозванца находится уже въ полномъ разгарѣ) вдругъ повеселѣлъ: живетъ не по монастырскому чину, заговариваетъ про мірское житье, всегда невѣдомо чему смѣется, бранится съ приставленными къ нему старцами, хочетъ ихъ бить и все приговариваетъ: «увидите, каковъ я скоро буду!» Извѣстно, наконецъ, что самъ Борисъ Годуновъ, когда Лжедмитрій пошелъ на него войною, собравъ бояръ, объявилъ имъ прямо въ лицо, что Самозванецъ ихъ дѣло!

И такъ, въ чемъ бы ни заключалась агитація Московскихъ бояръ, правительство, какъ видимъ, не только не считаетъ возможнымъ дѣйствовать открыто противъ ихъ агитаціи, а еще вынуждено утаивать самыя причины, возбудившія его подозрѣнія. Милостивымъ характеромъ ссылки правительство явно обнаруживаетъ замыслы подсудимыхъ болѣе ужасные именно единодушіемъ родственниковъ, уничтожимые только разобщеніемъ главныхъ заводчиковъ, наконецъ, замыслы, болѣе опасные будущими какими-то грозившими послѣдствіями, чѣмъ личнымъ, уже совершеннымъ кѣмъ нибудь злодѣяніемъ. Прибавить къ этому, что годъ цѣлый прошелъ съ тѣхъ поръ, какъ въ народѣ стало ходить, неизвѣстно кѣмъ пущенное въ ходъ, слово о Димитріи-царевичѣ, и что сама по себѣ эта глухая и странная вѣсть, заразъ пущенная и на Москвѣ, и на Украйнѣ, была надежнѣйшею въ ту пору агитаціей—и въ существованіи полной солидарности боярской крамолы съ слухами о живомъ царевичѣ не останется никакого сомнѣнія. (Между прочимъ, какъ уже мы сказали, еще глядѣли на старшаго изъ Романовыхъ, на Ѳеодора Никитича, какъ на законнѣйшаго, въ сравненіи съ Годуновымъ, «скиптроносца» и даже въ самомъ этомъ дѣлѣ могли хлопотать лично о немъ: не даромъ онъ и постриженъ сейчасъ же Борисомъ въ монахи).

Третье изъ главныхъ событій смутнаго 1600 года, какъ мы сказали, пріѣздъ въ Москву канцлера Льва Сапѣги. Проглядываютъ и въ этомъ посольствѣ не менѣе знаменательныя черты какой-то солидарности съ заготовляющейся интригой.

Сапѣга пробылъ въ Москвѣ съ Октября 1600 года до Августа слѣдующаго 1601 года: то самое время, когда судились и ссылались

Романовы, когда, не опредѣляя сущности ни доносовъ, ни крамолы, всѣ однакожъ на перерывъ другъ передъ другомъ свидѣтельствуютъ, что настала какая-то непонятная тревога въ государствѣ, зачиналась великая смута. Доносили попы и монахи, пономари, просвирни другъ на друга, жены на мужей (и послѣдніе, ужасаясь, таились уже отъ женъ), дѣти на отцовъ; производились пытки, казни и заточенія. Искусный Литовскій дипломатъ имѣлъ полный досугъ кое-что высмотрѣть за это время. Былъ ли онъ дѣйствительно, какъ склонны полагать иные, прямымъ агентомъ Польскихъ тайныхъ заводчиковъ интриги съ Самозванцемъ, или же они только таинственно скрывались въ нѣдрахъ его посольства, но то одно достовѣрно, что начинавшаяся шаткость Борисова престола при всеобщемъ волненіи умовъ, ненависть къ нему главныхъ бояръ, ихъ ропотъ противъ его жестокостей, всеобщее недоумѣніе въ людяхъ, порожденное страшною вѣстью о живомъ Димитріи и дальновидныя предположенія самихъ Русскихъ по этому поводу, зорко были высмотрѣны самимъ канцлеромъ и не безъ плода должны были представляться ему въ самомъ близкомъ будущемъ. Замѣчательно, что появившійся Самозванецъ, въ одномъ изъ своихъ послѣдовавшихъ манифестовъ, именно ссылался на Сапѣгино посольство. Тайно находясь среди его, онъ будто бы тогда уже съ печалью взиралъ на родную Москву, свою столицу. Не меньше замѣчательна и внутренняя сторона посольскихъ, цѣлый годъ тянувшихся, переговоровъ. Польша предлагала черезъ Сапѣгу вѣчный миръ Московскому государству; въ сущности же, это былъ іезуитами придуманный планъ религіознаго и государственнаго соединенія Россіи съ Польшей, никогда еще столь явно не направленный къ этой цѣли и никогда еще столь нагло не предложенный. Конечно, миръ съ такимъ іезуитскимъ оттѣнкомъ былъ сполна отклоненъ Русскими; не состоялось никакихъ рѣшеній и на счетъ Ливоніи и другихъ, вѣчно спорныхъ мѣстъ между нами и ими. Все ограничилось тѣмъ, что заключили на 20 лѣтъ перемиріе.

Никогда еще не происходило столь лютой и безпрерывной борьбы между Россіей и Польшей, какъ все это перемирное двадцатилѣтіе!

Приблизилось страшное время Борисова царствованія. Наступившій 1602 годъ безнадежно заволочилъ весь политическій горизонтъ Россіи. Съ него пошелъ рядъ непрерывныхъ бѣдствій, пока ростущій гулъ недовольства, всеобщая шаткость и новыя сгущавшіяся бѣды въ конецъ не пошатнули государства. Къ бѣдамъ отъ злыхъ людей присоединились естественныя бѣдствія: сталъ въ Русской землѣ незапамятный, небывалый, трехлѣтній голодъ; открылся моръ. Для народа все это злополучное трехлѣтіе смѣшалось въ одинъ черный періодъ

глухаго отчаянія. Всеобщее броженіе, свалки въ многочисленныя толпы и переходы изъ одного мѣста въ другое, составили цѣлую эпопею бѣдствій.

Были нѣкоторыя причины, придавшія тогдашнему злу еще соціальный характеръ. Помѣщики и дворяне, по случаю дороговизны хлѣба, стали отпускать толпами крестьянъ и дворовыхъ на волю, изъ чего возникли многіе безпорядки. Въ виду ихъ, шаткій законъ Өеодорова царствованія объ отмѣнѣ Юрьева дня былъ два раза поколебленъ въ это самое время. Какъ прежде законъ, такъ его теперешнія видоизмѣненія, не удовлетворяя ни крестьянъ ни помѣщиковъ, только пуще озлобляли всѣхъ противъ правительства. Много тогда-же слонялось безъ дѣла бывшихъ рабовъ Романовыхъ и другихъ опальныхъ бояръ: послѣ наказанія ихъ господъ они никѣмъ не принимались въ услуженіе. Какое было ихъ огромное множество, можно судить изъ того, что въ смутное время послѣдующихъ самозванцевъ, въ одной Тулѣ и Калугѣ, кромѣ всѣхъ остальныхъ воровъ, однихъ этихъ было захвачено до двадцати тысячъ.

Народное волненіе достигало своихъ крайнихъ предѣловъ; всѣ общественныя связи порушились. Было бы ужасно воскрешать раздирающую картину тогдашняго зла во всѣхъ подробностяхъ; ограничимся только однимъ образчикомъ. Показываютъ за достовѣрное, что въ одной Москвѣ отъ мора и голода погибло въ это трехлѣтіе до полмилліона человѣкъ. Допустимъ (примѣръ высшей смертности), что умирало по одному на десять, и тогда поразитъ цифра перебывавшаго въ столицѣ люда. Борисъ, какъ извѣстно, отворилъ было даровыя житницы для народа и скоро пришелъ въ ужасъ: села, области пустѣли, и все стекалось въ Москву. Онъ прекратилъ даровую раздачу: страшная хула тогда поднялась на царя. Бориса возненавидѣли и стали ему посылать проклятія тѣ, для кого не щадилъ ничего онъ въ собственномъ злополучіи. Рѣки милосердія, которыя онъ излилъ на народъ, обратились ему-же на погибель; все было теперь заглушено хулой этого самаго народа. Злополучіе, какъ извѣстно, преслѣдовало тогда Бориса и въ семейныхъ дѣлахъ; было ли это только злополучіе, не было ли тутъ чего похуже — это еще вопросъ. Изо всѣхъ дѣлъ и посольствъ за это время народъ живо запомнилъ пріѣздъ въ Россію Датскаго королевича Ягана. Это былъ женихъ Ксеніи; его полюбили всѣ, и даже въ народѣ. Уже назначенъ былъ день свадьбы, дѣлались послѣднія къ ней приготовленія. Борисъ, казалось, не могъ довольно нарадоваться на своего нареченнаго зятя; вдругъ онъ умираетъ. «Богъ казнитъ!» стали разглашать въ народѣ Борисовы враги; «само Небо обличаетъ

преступника!» Даже былъ распущенъ слухъ, что это самъ Годуновъ велѣлъ «отравить» отрока. Вскорѣ умерла нѣжно имъ любимая Ирина; стали его называть виновникомъ и сестриной смерти. Словомъ сказать, темная Украинская и Алексинская молва о наводѣ имъ самимъ Крымскаго хана, о поджигательствахъ Москвы для укрытія царевичева дѣла, уже заглушалась теперь страшною путаницей новораспущенныхъ обвиненій. Даже за двадцать лѣтъ назадъ стали на него оборачивать всякія преступленія, и въ самой смерти Ивана Васильевича обвиняли Бориса: вотъ откуда онъ проискивалъ себѣ престола! Онъ-же умертвилъ Θеодора, онъ только притворствовалъ тогда надъ его могилой! Онъ-же у Θеодора подмѣнилъ новорожденнаго сына дѣвочкой, да и ее умертвилъ! Самую любовь къ нему покойнаго государя истолковывали теперь волшебствомъ и нечистою силой: онъ давно водился съ волхвами, онъ колдовствомъ доискался престола, онъ тогда только отвелъ глаза всему народу... Молва, разносимая смущенными умами, закутывалась шире и шире въ сказочно-таинственные покровы; воображеніе мѣшалось. Гулъ народнаго недовольства смѣшивался еще со стонами умиравшихъ отъ грабежей и разбоевъ, всюду теперь обнаружившихся несмѣтно. Становилось ясно, что кто-то еще и мутилъ: въ украйныхъ городахъ, въ Сѣверѣ, на всемъ пограничьи съ Польшей, чернь начинала собираться въ огромныя свалки, подымалась цѣлыми массами... Оттуда доносился зловѣщій гулъ. Тамъ уже кипѣло, кѣмъ-то организованное въ большихъ размѣрахъ, повальное и никогда еще небывалое возстаніе.

Въ Январѣ 1604 года (значитъ, сообщаемое происходило еще въ 1603 г.), Іоаннъ Тирфельдъ писалъ изъ Нарвы къ Абовскому коменданту, что несправедливо разгласили, будто бы сынъ Іоанна-мучителя былъ умерщвленъ; что онъ живъ и здоровъ, *находится у казаковъ* и старается овладѣть престоломъ; въ Россіи же страшное волненіе. Это во всѣхъ отношеніяхъ подозрительное письмо попалось въ руки Русскаго правительства; гонца задержали въ Иванъ-городѣ и прислали въ Москву. Въ этомъ же году и того же мѣсяца (слѣдовательно, опять самое дѣло происходило въ 1603 г.) Степанъ Годуновъ былъ отправленъ царемъ съ тайнымъ порученіемъ въ Казань и Астрахань; онъ съѣхался въ дорогѣ *съ казацкими шайками* и вмѣсто того, чтобъ выполнить свое порученіе, вѣроятно и касавшееся *казацкихъ смутъ*, едва спасся бѣгствомъ: эти свирѣпые воины, какъ ихъ называетъ Бэръ, шли къ Бѣлоруссіи, т. е. къ тогдашней Польской границѣ, на помощь «*прирожденному царевичу*»; они избили спутниковъ Степана Годунова, многихъ захватили въ плѣнъ и нѣсколькихъ отправили въ Москву къ Борису сказать, что будутъ скоро и сами въ столицу съ *Димитріемъ*.

Въ лѣто, предшествовавшее войнѣ съ Самозванцемъ, явилась на небѣ въ самый полдень необычайная комета; на нее не могли безъ ужаса глядѣть даже тѣ, которые хвалились своимъ невѣріемъ въ знаменія. Прошелъ разсказъ по Москвѣ, что царь по этому поводу призывалъ къ себѣ одного Нѣмецкаго астролога и тотъ будто бы предрекалъ важныя бѣдствія всему государству. Между Татарами, проживавшими въ столицѣ, носилось какое-то прорицаніе, что скоро овладѣютъ Москвой многіе народы; явился между ними еще одинъ пророкъ, который прямо предсказывалъ лютое междоусобіе. Впрочемъ, не надо было и пророковъ, чтобъ по тогдашнимъ дѣламъ предсказывать это.

Вѣрнѣе прочихъ знаменій указывали уже на всеобщее разложеніе повсемѣстные разбои и именно дикія возстанія черни. Гнѣздомъ, откуда выползали эти «зміи», какъ ихъ называетъ лѣтописецъ, была все таже Украйна, стяжавшая себѣ за эту скорбную годину смутъ выразительное проименованіе «*преждепогибшей*».

Сволочь эта, подъ геройскимъ предводительствомъ Хлопки Косолапа, въ 1604 г. уже разбойничала въ виду столицы, заслонивъ къ ней всѣ дороги. Оскорбленный царь имѣлъ по этому поводу цѣлое совѣщаніе съ боярами; бояре все какъ-то отнѣкивались вступать въ бой съ такими партіями, отговариваясь дескать безчестіемъ драться съ ними; такъ или иначе, битвы съ ними до сихъ поръ самымъ подозрительнымъ образомъ всегда проигрывались. Царь выслалъ, наконецъ, противъ нихъ цѣлое войско, приставивъ къ нему Ивана Ѳедоровича Басманова. Воевода, едва вышелъ въ поле, сейчасъ и завидѣлъ ихъ сѣрыя толпы. Хлопко, въ этотъ послѣдній для себя день, дрался отчаянно. Битва долго колебалась въ пользу то тѣхъ, то другихъ. Басмановъ палъ; тогда его воины, отомщая смерть воеводы, всѣхъ воровъ перебили. Никто изъ нихъ не давался живымъ въ руки, рѣзня была ужасная; самъ Хлопко достался въ плѣнъ полумертвый и израненный по всему тѣлу. Его и сообщниковъ казнили,—единственный примѣръ смертной казни въ Борисово время! прибавляетъ современникъ. Замѣчательно въ высшей степени, что правительство видѣло связь между этимъ волненіемъ черни и дѣломъ Самозванца. Сами Московскіе бояре обличились по этому поводу и, при допросѣ Хлопкиныхъ сообщниковъ, многіе и изъ бояръ призывались къ отвѣту.

Наконецъ, Димитрій объявился наличнымъ въ Польшѣ; отъ мала до велика скоро узнали всѣ, что онъ водится съ богатыми Польскими панами, представлялся самому королю.

Отсюда начинается удивительная исторія перваго Лжедимитрія. Если сведемъ въ одно цѣлое все, что по этому поводу могло быть замѣчено еще изъ предыдущаго, то мы придемъ къ слѣдующимъ заключеніямъ.

Появленіе Самозванца вовсе не было ни внезапно, ни случайно. Ничуть оно не зародилось въ головѣ смѣльчака, переувѣрившаго потомъ весь міръ по своему; возможность появиться Димитріемъ назрѣвала годами; смута, еще неопредѣлившаяся, уже давно носилась въ воздухѣ; если не положительный заговоръ, то злой говоръ давно уже глухо зашептывался во всѣхъ углахъ. Напослѣдокъ, вдругъ онъ оказывается раскинутъ огромною, чрезвычайно - спутанной сѣтью заразъ и въ боярскихъ кружкахъ, и въ темныхъ гнѣздахъ людей Алексинскихъ и Сѣверскихъ, и въ Литвѣ, ощутимъ даже во взаимныхъ сношеніяхъ Литовцевъ съ Московскими боярами и бояръ съ чернью. Это была, безъ всякаго преувеличенія, колоссальная политическая интрига.

Жребій Бориса Годунова прямо вытекъ изъ жребія Димитрія царевича; отсюда ихъ имена возстаютъ слитно въ народномъ представленіи: одно какъ бы ужъ наводитъ на другое, и оба другъ безъ друга не мыслятся. Димитрій царевичъ! Борисъ! эти два имени составляютъ насущный толкъ не только цѣлой Россіи, ошеломленной страшнымъ событіемъ 1591 и 1598 годовъ, прекращеніемъ на Московскомъ престолѣ многовѣковой династіи, но еще и враговъ ея, особливо сосѣднихъ. Еслибъ Димитрій не умеръ, Борису не быть бы царемъ! Будь въ живыхъ Димитрій, Борисъ не былъ бы царемъ! Ужъ не Борисъ ли умертвилъ царевича, точно ли умерщвленъ царевичъ? Вотъ то, что зовутъ вѣяніемъ эпохи, о чемъ сами современники говорятъ: это носится въ воздухѣ, и этимъ сопровождалось, какъ бы непрерывнымъ гуломъ, непрерывное Борисово возвышеніе. Уже зароненные толки (при Московскихъ пожарахъ, и въ Сѣверѣ съ Алексинымъ) о темномъ злорадствѣ Годунова по поводу кончины Димитрія таятъ дремлющую возможность для появленія Самозванца... Тучно напитываясь смутными началами наступившихъ злополучныхъ годовъ, она шибко шла въ ростъ и зрѣла...

Три года къ ряду, начиная съ 1600 года, обнаруживается постепенное формированіе уже явнаго кова ради Димитрія; болѣе или менѣе въ каждомъ изъ тогдашнихъ событій и во всякой молвѣ, сопровождавшей то или другое событіе, проглядываютъ ощутительные слѣды этой интриги. Глухіе толки и слухи, ходившіе еще съ 1600 г. по площадямъ, монастырямъ и по всякимъ сборищамъ, подталкивали заводчиковъ Самозванца начинать свое предпріятіе; но нѣтъ сомнѣнія, что и сами же они еще плодили тогда эти слухи и толки, всюду ихъ разсѣявали и раздували, придавая надлежащій строй.

Борисъ, задолго передъ тѣмъ подозрѣвавшій бояръ въ подобномъ ковѣ, когда Самозванецъ пошелъ на него войною, прямо сказалъ боярамъ въ лицо, что Самозванецъ ихъ дѣло. Бояре слагали теперь

всю вину на Литву. Дѣло, какъ для нихъ потомъ оказалось, дѣйствительно было взаимное, и даже съ перевѣсомъ Литвы и (что окончательно всѣхъ изумило) не Литвы даже, а *нѣкоторыхъ ея исключительныхъ, совершенно-особенныхъ агентовъ.*

Появленіе Димитрія въ Польскихъ владѣніяхъ замѣчательно съ самаго начала выборомъ лицъ и обстановкой, среди которыхъ онъ очутился: какъ будто чья-то искусная рука постоянно наводитъ безвѣстнаго пришельца на домà тѣхъ именно пановъ, отъ которыхъ всего скорѣе ждать удачи, и дѣйствительно чьими руками потомъ устроилось дѣло.

Домъ воеводы Сендомирскаго можно поставить въ образецъ тогдашняго вельможескаго дома, который разстроенъ милліонными долгами, обремененъ взрослыми дѣтьми, претендующими на богатыя фамильныя связи, и хозяинъ котораго, для поддержанія обязательнаго блеска, готовъ на всякія сдѣлки. Такіе паны особенно дружились съ іезуитами, и дружествомъ съ ними Мнишекъ славился болѣе всѣхъ. Сигизмундъ, не отличавшійся умомъ, самъ былъ игрушкой іезуитовъ, и они наводняли его дворъ. Неуважаемый лучшими изъ Польской знати, король былъ постоянно въ разладѣ со всѣмъ, что составляло цвѣтъ государственной Польши; напротивъ, люди ничтожные, подобные Мнишку, имѣли у короля большой вѣсъ. Въ родствѣ съ Сендомирскимъ былъ знатный же вельможа, князь Адамъ Вишневецкій. Также пользуясь благорасположеніемъ короля и также отличаясь больше своей пышной и веселой жизнью, чѣмъ государственными доблестями, князь Адамъ къ тому же былъ дѣтски-простаго ума: іезуитамъ въ его домѣ велось большое гостепріимство. У этого-то князя, въ 1603 году, среди лѣта, появился, въ числѣ служителей, одинъ молодой человѣкъ, никому неизвѣстный. Надобно повѣрить нѣкоторымъ свидѣтельствамъ, что незнакомецъ рѣзко отличался отъ другихъ особенностію и своего поведенія, и своихъ манеръ: въ короткое время видимъ его уже приближеннѣйшимъ камердинеромъ князя. Какъ изобразить удивленіе простоватаго умомъ, но въ высшей степени тщеславнаго Вишневецкаго, когда вдругъ обнаружилась тайна этого загадочнаго лица! Слуга его былъ самъ Димитрій, сынъ Русскаго царя, мучителя Іоанна, тотъ младенецъ, котораго злые люди искали погубить въ Угличѣ, но котораго тогда спасли вѣрные люди, и Богъ его до сихъ поръ чудесно сохранялъ отъ враговъ. Это, наконецъ, тотъ самый претендентъ на Московскій престолъ, о которомъ въ это время всюду уже было слышно въ Польшѣ, и ради котораго дѣятельно волновалась въ эту самую минуту сосѣдняя Литовско-Русская Украйна. Слуга князя Адама мгновенно превратился въ его почетнѣйшаго гостя. Съ первой

же минуты князю вскружила голову мысль: какого чудеснаго, необычайнаго въ исторіи, жребія судьба поставила его быть первымъ свидѣтелемъ! Князь преобразилъ весь свой домъ, какъ бы для торжественнѣйшаго парада, обзавелъ для своего гостя цѣлое отдѣльное помѣщеніе съ особой прислугой, съ каретами, лошадьми, уборомъ и оружіемъ, поднесъ ему драгоцѣннѣйшее платье, самъ прислуживалъ «его величеству» и просилъ его принять все это отъ себя, какъ ничтожную бездѣлку, въ знакъ готовности служить еще всѣмъ, чѣмъ онъ можетъ.

Разсказывали, что тайна эта досталась князю такъ: слуга его будто отчаянно заболѣлъ и пожелалъ исповѣдаться, а духовникъ (случившійся въ домѣ князя іезуитъ) разболталъ пану исповѣдь больнаго. По другимъ ходившимъ слухамъ, самъ незнакомецъ не выдержалъ своего притворства. Разсердившись за какую-то его неловкость въ банѣ, князь далъ ему пощечину и выбранилъ; природа тогда взяла свое въ юношѣ и, залившись слезами, онъ высказалъ князю все. Достовѣрно одно: во всей этой Теренціевой комедіи, какъ ее называлъ Замойскій, съ самого начала обнаруживается дѣятельное участіе іезуитовъ, и лишь имъ она обязана, уже въ домѣ Вишневецкаго, блестящимъ успѣхомъ. Знаменіемъ своего происхожденія таинственный гость показалъ будто бы князю Адаму, на своей груди, осыпанный брилліантами, золотой крестикъ—еще крестильный, какъ говорилъ онъ, отъ крестнаго отца И. Ѳ. Мстиславскаго. Другимъ знаменіемъ, уже нравственнаго происхожденія, этого лица выступило на первыхъ же порахъ его явное полукатоличество. Устроенное потомъ сценически-торжественное его обращеніе Бернардинами, сдѣланное на показъ всему міру, само по себѣ; но уже, съ перваго выхода, въ немъ проглянуло явное и несомнѣнное уніатство.

Вѣсть о Московскомъ царевичѣ быстро распространилась между сосѣдними панами. Заискиваемый отовсюду богатѣйшими изъ нихъ, онъ переѣзжалъ съ роскошнѣйшею обстановкой изъ владѣній одного къ другому. Тотчасъ установилась прочная связь между нимъ и домомъ Сендомирскаго воеводы. Пышный замокъ Юрья Мнишка въ Самборѣ славился еще красотою его молодой паньи Маріанны или Марины. Гордая красавица, это была еще и истинная Полячка: пылкое, энергическое существо, соединявшее въ себѣ вмѣстѣ съ соблазнительно-утонченной свѣтскостью всю героическую рѣшимость. Младшая дочь Мнишка, Урсула, была за роднымъ братомъ Адама Вишневецкаго, за княземъ Константиномъ; теперь сразу устроилось какъ-то само собою, что старшая Марина стала глядѣть невѣстой молодаго и пылкаго Московскаго царевича. Нареченный Димитрій совсѣмъ по-

селился у нихъ въ домѣ и имѣлъ здѣсь все для дальнѣйшаго успѣха. Первыми изъ признавшихъ въ таинственномъ незнакомцѣ истиннаго Димитрія были двое Русскихъ: слуга канцлера Льва Сапѣги, Петровскій, бѣжавшій изъ Россіи отъ своего господина; другой самого Сендомирскаго, приведенный плѣнникомъ изъ-подъ Пскова. Оба, какъ очевидцы, свидѣтельствовали истинность Димитрія. Слуга Сендомирскаго сказывалъ, что его видѣлъ еще въ Москвѣ при Іоаннѣ; Сапѣгинъ же увѣрялъ, что находился при немъ на службѣ въ Угличѣ и узнаётъ сходство даже по его примѣтамъ: бородавка на лицѣ подъ правымъ глазомъ и одна рука короче другой. Вѣра въ появившагося Димитрія усиливалась съ каждымъ днемъ по всему околодку, и онъ пріобрѣталъ все больше поклонниковъ.

Но дѣйствительнѣе всѣхъ усердствовали ему все тѣже іезуиты; укрѣпляя искателя Московской державы одновременно искать и руки Марины, они вмѣстѣ съ Мнишкомъ хлопотали уже доставить ему свиданіе съ самимъ королемъ; чрезъ ихъ руки шла объ этомъ дѣятельная переписка съ Рангони, папскимъ нунціемъ при королевскомъ посольствѣ. Сигизмундъ, до котораго доходили разными путями чрезвычайные слухи, видимо интересовался Димитріемъ. Рангони приказалъ, наконецъ, іезуитамъ устроить пріѣздъ Сендомирскаго въ Краковъ вмѣстѣ съ царевичемъ. Замѣчательно, что нунцій, хотя уже вся Польша вѣдала въ то время про народное волненіе Московской Украйны, счелъ нужнымъ (и имѣлъ возможность) тайно справиться въ самой Москвѣ: есть ли тамъ надежда на успѣхъ Димитрію? Только по полученіи оттуда благопріятнаго отвѣта, онъ послалъ свое приглашеніе, и вотъ въ Январѣ 1604 года, съ воеводою Сендомирскимъ и съ княземъ Вишневецкимъ, Димитрій уже въ Краковѣ, и состоялось его знаменитое свиданіе съ Сигизмундомъ.

Рангони принялъ царевича въ своемъ домѣ съ распростертыми объятіями. Онъ долго говорилъ съ нимъ и какъ бы выпытывалъ, на сколько могутъ быть надежны виды всего католичества въ Россіи по дѣлу этого Русскаго царевича, и настолько ли дѣйствительно онъ самъ (Греческій, какъ онъ полагалъ, шизматикъ) наклоненъ къ католичеству, какъ о томъ все время сообщали іезуиты? Лжедимитрій въ слѣдующее же Воскресенье, въ присутствіи многихъ особъ, читалъ торжественную клятву, скрѣпленную рукоприкладствомъ, что будетъ послушнымъ сыномъ апостольскаго престола. Послѣ этого Рангони торжественно его причастилъ и мѵропомазалъ по католическому обряду; исповѣдалъ же его опять одинъ іезуитъ. Честимый въ столицѣ Польскаго королевства уже всѣми, какъ истинный царевичъ, онъ былъ привезенъ во дворецъ и представленъ королю самимъ нунціемъ. Си-

гизмундъ, обыкновенно важный и величавый, принялъ Димитрія въ кабинетѣ стоя и съ ласковою улыбкой. Димитрій поцѣловалъ у него руку и увлекательно разсказывалъ въ самыхъ общихъ чертахъ свои приключенія. Онъ ссылался на классическій примѣръ Рема и Ромула, на судьбу младенца Кира, воспитанныхъ пастухами и сдѣлавшихся основателями великихъ монархій; онъ заключилъ примѣненіемъ, относившимся уже лично до короля. «Вспомните, ваше величество», сказалъ Сигизмунду Димитрій, «что сами вы родились плѣнникомъ въ темницѣ. Небесный Промыслъ спасъ васъ. Посудите же о людской превратности и помогите несчастному, угнетенному знакомымъ для васъ злополучіемъ». Отецъ Сигизмундовъ Іоаннъ (какъ это, оказывается, откуда-то хорошо зналъ Самозванецъ) былъ заключенъ въ темницу своимъ братомъ Эрикомъ; въ этомъ заточеніи родился у него Сигизмундъ отъ Екатерины, изъ дома Ягеллоновъ.

Поведеніе Сигизмунда въ этомъ дѣлѣ съ самаго начала было двуличное. Онъ постарался всячески выгородить свою оффиціальную неприкосновенность къ этому дѣлу, а самъ обѣщалъ Лжедимитрію дѣятельную помощь, назначилъ ему денежное вспомоществованіе и пр.

Въ Краковѣ же, слѣдуя совѣту Рангони, Самозванецъ написалъ собственноручно къ папѣ Клименту VIII-му краснорѣчивое Латинское письмо, испрашивая его покровительства. Отъ папы пришелъ отвѣтъ въ самомъ благопріятномъ духѣ.

Старецъ Замойскій, Жолкѣвскій, Збоpажскій и князь Острожскій не хотѣли пристать къ интригѣ. Напрасно король тайно сносился съ ними, доказывая, что это великое для всего католичества дѣло будетъ не безъ выгоды и въ политическомъ отношеніи для Рѣчи Посполитой: оно ей отворитъ дверь, чрезъ Московскую державу, на Мусульманскій Востокъ. Напрасно онъ ихъ уговаривалъ приступить къ предпріятію въ строгой тайнѣ, чтобы не дать времени Московскому государю изготовиться: вельможи, давая совѣтъ не спѣшить рисковать войною, оговаривали еще во всякомъ случаѣ необходимость на нее согласія сейма, ясно выражая притомъ и свое мнѣніе объ обманѣ во всемъ этомъ темномъ дѣлѣ.

Замѣчательна, будто кѣмъ нарочно устроенная, блистательная манифестація въ пользу Димитрія, въ эту пору. Еще когда Самозванецъ былъ у Сигизмунда въ Краковѣ, явились къ нему съ письмами и дарами депутаты Донскихъ казаковъ, два атамана. Признавъ его царевичемъ, они спѣшили обрадовать своихъ и вызывались первые придти на помощь; ненависть Донцовъ къ Годунову могла только поровняться съ ненавистью развѣ самого Годунова къ нимъ. Тѣмъ искреннѣе казалась теперь ихъ ревность къ «прирожденному цареви-

чу». Если съ одной стороны такая депутація должна была убѣдительно подѣйствовать на Сигизмунда, то еще и на самихъ козаковъ королевскій пріемъ Самозванцу произвелъ выгодное же дѣйствіе. Насчитывалось уже и безъ нихъ довольно Русскихъ въ сборной дружинѣ. На пограничьѣ жило множество Московскихъ бѣглецовъ, выжидавшихъ только случая безопасно и съ выгодой возвратиться въ отечество; многіе изъ нихъ пріѣхали и пали къ ногамъ будто ими узнаннаго царевича.

Самъ Самозванецъ, окрыленный неимовѣрнымъ успѣхомъ, твердо вошелъ въ ту пору не только для другихъ, а, какъ казалось, даже самъ для себя въ непмовѣрную роль. Никогда еще его не видали такъ безпечно веселымъ и такъ граціозно самоувѣреннымъ, какъ эти дни въ вельможномъ дому Сендомирскаго, у ногъ своей царицы-невѣсты, и наканунѣ похода за трономъ. Страстно влюбленный, онъ уже мечталъ о нарядахъ, бриллiантахъ, столовомъ серебрѣ и несмѣтныхъ драгоцѣнностяхъ, которыя онъ пришлетъ своей невѣстѣ изъ Кремлевской казны; даже не сомнѣваясь о коронаціи, онъ весь будущій походъ выставлялъ легкимъ дѣломъ. Города, говорилъ онъ, будутъ одинъ за другимъ сдаваться безъ выстрѣла; при преданности къ нему Россіи, все подымется на встрѣчу, и все пойдетъ съ нимъ заодно противъ общаго врага Годунова. Имени послѣдняго онъ не могъ произносить безъ волненія, и чуть заходила рѣчь о царствующемъ въ Россіи домѣ, всегда впадалъ въ какую-то страстность. Къ этому времени относятся его двѣ записи Мнишкову дому, выданныя въ Самборѣ. Сендомирскій позаботился придать имъ строго-актуальный видъ и закрѣпилъ торжественно всѣми, какія только существуютъ, формальностями государственныхъ договоровъ. Одна заключала въ себѣ брачный контрактъ съ Мариной, другая благодарственное обязательство самому воеводѣ. По первой онъ отдавалъ Маринѣ, *даже въ случаѣ ея неплодія*, Новгородъ и Псковъ; по второй уступалъ въ потомственное владѣніе самому Мнишку Смоленское и Сѣверское княжества.

Беззавѣтная щедрость составляла видную черту въ его характерѣ; ратники-ли, собиравшіеся подъ его знамена, другіе-ли поклонники изъ Русскихъ или Литовцевъ, приходившіе со всѣхъ сторонъ толпами, всѣ единогласно утверждали, что царевичъ добръ и радъ со всякимъ дѣлиться и послѣднимъ.

Современники, описывая его портретъ (тоже бываетъ съ портретами и всѣхъ историческихъ людей) больше передаютъ свое собственное, произведенное на нихъ впечатлѣніе, чѣмъ дѣйствительныя черты и лишь поэтому слегка разнорѣчатъ; вообще же его можно нарисовать, по ихъ отзывамъ, довольно живо. Средняго или почти низкаго роста, сухощавый, онъ былъ сложенъ атлетически; некрасивое, но

довольно моложавое лицо съ темно-голубыми глазами; зачесанъ по-студенчески, съ малыми по сторонамъ свѣтлорусыми кудрями. Онъ неточно произносилъ нѣкоторыя Русскія слова, то и дѣло вставлялъ въ рѣчь, какъ бы для прикрасы или оживленія, Польскія фразы, и въ немъ просвѣчивало знакомство съ высшимъ свѣтомъ. Его самоувѣренность и какая-то граціозная наглость, его пылкость и славолюбіе, не знавшія границъ, замѣняли въ немъ то неизъяснимое величіе, въ которомъ другіе, пожалуй, готовы были ему отказывать. Въ устройствѣ-ли эффектныхъ парадовъ, въ политическихъ-ли своихъ замыслахъ, онъ любилъ все дѣлать en grand и являлся истиннымъ артистомъ. Онъ былъ знатокомъ въ драгоцѣнныхъ камняхъ и рѣдкихъ вещахъ и отличался вкусомъ; впрочемъ, какая-то беззавѣтность составляла отличительную и самую выдающуюся сторону его характера. Въ счастливыхъ обстоятельствахъ жадный къ роскоши, къ чувственнымъ удовольствіямъ, напоминавшій по безумію безумныхъ Римскихъ императоровъ, онъ, въ походѣ, лучше другаго казака подкладывалъ себѣ подъ голову сѣдло вмѣсто подушки и засыпалъ спокойно. Являясь въ царственной обстановкѣ горделивѣе и неприступнѣе всѣхъ другихъ монарховъ въ мірѣ, онъ при случаѣ и самъ обидѣвшему его сорванцу давалъ оплеуху и ссѣкалъ голову. Когда въ Тайнинскомъ выпустили медвѣдя, онъ не утерпѣлъ, чтобъ не налетѣть на него съ рогатиной и убилъ на мѣстѣ. Эта-то беззавѣтная лихость кидается въ немъ въ глаза и со стороны нравственной. Трудно представить себѣ въ одномъ и томъ же лицѣ болѣе капризливое, какое-то исключающее всякій характеръ, сочетаніе и злыхъ и добрыхъ свойствъ: въ немъ поражаетъ легкомысліе разврата и почти безразличіе къ добру и злу. Отличаясь рѣдкой проницательностью въ людяхъ, онъ являлся сущимъ младенцемъ относительно самого себя; вмѣстѣ съ тѣмъ, часто видали на его лицѣ подолгу останавливавшееся какое-то угрюмое, глубоко-задумчивое выраженіе. Онъ былъ воинъ: когда подводили лошадь къ его крыльцу, онъ едва ухватывался за поводъ, и уже его видѣли мчавшимся.

Борисъ, какъ мы видѣли, уже нѣсколько лѣтъ подъ рядъ разыскивавшій слѣды какого-то, тогда еще неяснаго для самихъ современниковъ, таинственнаго кова между боярами, а въ 1603-мъ году знавшій уже положительно о народныхъ волненіяхъ, и на Дону, и всюду, въ пользу Димитрія—никакую вѣсть въ этомъ родѣ не долженъ бы принять за неожиданную. Но невѣроятная вѣсть, что въ Польшѣ явился такой человѣкъ, котораго самъ дворъ торжественно призналъ за Димитрія, необычайно смутила Бориса.

Получая отовсюду извѣстія о столь торжественныхъ манифестаціяхъ и о томъ, что Польша за *него* встаетъ войною, Борисъ пришелъ въ великое недоумѣніе и первыя минуты даже колебался: не точно ли это Димитрій? Въ столицу была возвращена Мареа, удаленная еще когда судили Романовыхъ, за шестьсотъ верстъ отъ Москвы; совѣщались съ Василіемъ Ивановичемъ Шуйскимъ, слѣдователемъ по дѣлу въ Угличѣ. Къ Димитріевой матери царь съ патріархомъ сами пріѣзжали въ монастырь Ново-Дѣвичій и долго бесѣдовали на единѣ; Шуйскій выходилъ на Красную площадь и съ Лобнаго мѣста заклиналъ народъ не вѣрить злобно - распространяемому обману. Дальнѣйшія справки изъ самой Литвы подтвердили злостный обманъ; никакого сомнѣнія не оставалось, что это лишь исполненіе давно задуманнаго кова и ничего больше, какъ преступная игра самозванцемъ. Правительство было за разъ вынуждено и готовиться къ позорной борьбѣ съ обманщикомъ, и вести о немъ постыдные переговоры съ сосѣднею державой, и соблюдать о немъ строгую тайну внутри, и дѣятельно же собирать справки въ народѣ для обличительной огласки. Втайнѣ стягивалось войско къ Югозападной границѣ подъ предлогомъ нападенія Крымцевъ (впрочемъ Польскій король дѣйствительно побуждалъ и хана противъ Россіи въ связи съ движеніемъ Самозванца); послали увѣщаніе къ Донскимъ казакамъ отстать отъ вора и прекратить волненія; велѣно было крѣпить заставы на Литовско-Русскомъ пограничьѣ... Изъ нѣсколькихъ заподозрѣнныхъ хватились Григорія Отрепьева, памятнаго царю своимъ укрывательствомъ въ дворахъ Романова съ Черкаскимъ. Потомъ онъ былъ осужденъ самимъ Государемъ къ ссылкѣ на Бѣлоозеро за неоднократные доносы со всѣхъ сторонъ объ его во всѣхъ отношеніяхъ подозрительномъ поведеніи, пуще же за вранье о себѣ, что онъ царевичъ Димитрій и за подобные слухи, которые онъ вездѣ распространялъ. Оказалось, что такъ или иначе, но царское повелѣніе не было тогда приведено въ исполненіе: Гришка свободно слонялся съ тѣхъ поръ по разнымъ монастырямъ, разсѣвая всюду прежніе смутные толки, а къ этой порѣ его и слѣдъ простылъ: изъ Москвы, Кіевскою дорогою, онъ выбылъ въ Польшу. Немедленно тогда отправили изобличительные листы въ этомъ духѣ ко всѣмъ воеводамъ Литовскаго пограничья, предписывая распространить ихъ и въ Польскихъ владѣніяхъ.

Но эти спѣшныя и наскоро составленныя изобличенія надѣлали только пуще вреда, давъ возможность ихъ сбивчивостью и противорѣчіями уличать показанія Московскаго правительства. Такъ, въ грамотѣ, присланной отъ Черниговскаго воеводы князя Кашина-Оболенскаго къ старостѣ Остерскому говорилось, что царевичъ Димитрій зарѣзался въ Угличѣ тому лѣтъ 16-ть, ибо случилось это въ 1588

году, и погребли его въ Угличѣ же, въ соборной церкви Богородицы; а теперь монахъ изъ Чудова монастыря, вышедшій въ Польшу въ 1593-мъ году, называется царевичемъ. Преданные Самозванцу, Русскіе же, на это справедливо возражали, что соборной церкви Богородицы въ Угличѣ вовсе нѣтъ, а есть церковь Спаса; не въ 1588 году, прибавляли они, а въ 1591 году совершилось въ Угличѣ убійство ребенка, но то не былъ царевичъ; царевичъ же, говорили, вышелъ въ Польшу въ 1601-мъ году, а до 1593 нѣтъ дѣла. Потомъ, уже въ слѣдующемъ году, пришла грамота, въ которой говорилось, что царевичъ умеръ въ Угличѣ тому лѣтъ 13; а князь Татевъ писалъ изъ Чернигова, что это происшествіе случилось тому 14 лѣтъ назадъ. Горячѣе всего Литовскіе приверженцы Самозванца защищались противъ того довода, что будь ихъ Димитрій даже истинный, онъ все-таки незаконенъ, какъ сынъ седьмой жены Іоанна. Отстаивали, что законенъ во всякомъ случаѣ: мать была вѣнчана.

Въ Польшѣ, между прочимъ, иначе и не выставляли этого дѣла, какъ предпринимаемымъ въ интересѣ самихъ Русскихъ, какъ прежде всего желаемымъ и даже задуманнымъ ими самими. Приводились тому явныя доказательства. Къ явившемуся царевичу изъ Россіи постоянно приходили какія-то просьбы идти скорѣе, являлись прошенія отъ Русскихъ и къ Польскому королю—поторопить дѣло. Борисъ придумалъ было послать въ Польшу, отъ имени Московскихъ бояръ, роднаго дядю Гришки, Смирнаго-Отрепьева; что̂ же случилось? Въ грамотѣ, привезенной Смирнымъ, не оказалось отъ бояръ ни одного слова о Самозванцѣ! Даже, вопреки всѣмъ обычаямъ, въ бумагахъ Григорья Смирнаго-Отрепьева, боярами не было означено имени гонца: страшной для нихъ фамиліи Отрепьева! Любопытно еще и другое извѣстіе: бояре отправили къ королю тайно Ляпунова, племянника знаменитаго впослѣдствіи Прокофья, который крѣпко обнадеживалъ Поляковъ и отъ имени бояръ просилъ еще короля, чтобы тотъ помогъ Самозванцу.

Только по выступленіи Лжедимитріевыхъ шаекъ въ походъ, во главѣ съ Польскими магнатами, Борисъ, преодолѣвъ свой стыдъ, формально обослался съ Сигизмундомъ. Постникъ-Огаревъ привезъ къ королю грамоту, исполненную царскаго негодованія. Въ вашемъ государствѣ, писалъ Борисъ, явился воръ-разстрига, а прежде онъ былъ дьякономъ въ Чудовомъ монастырѣ и у тамошняго архимандрита въ келейникахъ. Описывая всю біографію этого безпутнаго монаха и бѣгство его въ Польшу, Годуновъ требовалъ, чтобъ король велѣлъ тотчасъ казнить Отрепьева съ совѣтниками, и прямо бы объявилъ, чего онъ хочетъ: войны или мира?

Огареву отвѣчено: правительство не принимаетъ никакого участія въ мятежахъ, происшедшихъ въ Россіи и намѣрено вѣрно соблюдать договоръ. Тотъ, который зоветъ себя сыномъ Ивана Васильевича, обращался, правда, къ королю за помощью; но въ томъ ему отказано. Впрочемъ, нельзя-де запрещать въ вольной республикѣ свободному дворянству подавать помощь, кому оно хочетъ.

Подобное же обличительное посольство патріарха Іова въ Кіевъ къ князю Острожскому и къ Польскому духовенству просто было задержано въ Литвѣ и оставлено безъ всякаго отвѣта. На дѣлѣ, однакожъ, король тѣмъ рѣшительнѣе прилѣплялся къ этой интригѣ, что самъ папа благословлялъ и укрѣплялъ на это. Климентъ VIII-й, къ самому Самозванцу неоднократно посылая поздравительныя грамоты, увѣщевалъ и Сигизмунда усерднѣе поревновать его дѣлу. Самыя попытки Годунова потушить интригу въ зародышѣ подверглись въ Польшѣ іезуитскимъ толкованіямъ. «Значитъ», говорили, «Димитрій истинный, если Годуновъ тревожится такими важными опасеніями! Даже принимая противъ него великія мѣры, Годуновъ не пуще ли только всѣхъ убѣждаетъ въ истинности своего соперника?» и пр. и пр.

Въ Москвѣ, наконецъ, торжественно было обнародовано подробное изобличеніе рода и племени предполагаемаго Самозванца. Оффиціально признавая его за Отрепьева, обстоятельно описывали исторію этого бѣглаго дьякона, всю безпутную жизнь этого разстриги-монаха до бѣгства его изъ Москвы, самое бѣгство въ Кіевъ и оттуда пропажу въ Польшу. Замѣчательно, что подробное, обстоятельное изобличеніе похожденій Отрепьева, смутивъ Московскихъ бояръ, не произвело ни малѣйшаго впечатлѣнія на Литовскихъ заводчиковъ Самозванца. Какъ будто, произнося имя Отрепьева, Московское правительство открыло тайну и обезоружило первыхъ, порадовало промахомъ и ободрило вторыхъ. Когда очевидцы Литовскаго Самозванца вѣрить не хотѣли, чтобъ въ благообразныхъ чертахъ созерцаемаго ими Димитрія скрывался Русскій монахъ, бѣглый дьяконъ, и это считали чистѣйшею выдумкой,— увѣренность, напротивъ того, что показавшійся Самозванецъ никто другой, какъ Отрепьевъ, между Московскими боярами была во всеобщемъ ходу.

Въ Литвѣ даже пренебрегали указаніемъ въ Самозванцѣ Гришки. Въ Краковъ явился старецъ Варлаамъ, подлинный спутникъ подлиннаго Гришки въ его бѣгствѣ изъ Москвы и въ странствіяхъ до Кіева, тотъ самый попъ Варлаамъ, о которомъ упоминалось, между прочимъ, и въ грамотѣ къ королю съ Огаревымъ. Онъ, зная продѣлки за своимъ собратомъ, брался на очной ставкѣ уличить въ Самозванцѣ Отрепьева. Тогда же явился къ королю другой обличитель, изъ Русскихъ же, но проживавшій въ самой Литвѣ. Этого сейчасъ предали

смерти; того только больно высѣкли и потомъ (въ началѣ Самозванецъ подозрѣвалъ, что онъ подосланъ убить его) выпустили на всѣ четыре стороны. Другой еще болѣе замѣчательный случай разсказанъ современникомъ. Трое монаховъ изъ Москвы, подлинные же товарищи подлиннаго Гришки, явились изобличать въ Самозванцѣ своего бывшаго собрата. Ихъ подвергнулъ испытанію самъ Лжедимитрій. По его приказу шляхтичъ Иваницкій нарядился въ его цвѣтное платье и сѣлъ на его мѣстѣ; монаховъ ввели. Тогда, болѣе не утверждая, что это Отрепьевъ, монахи однакожъ стояли на своемъ, что это же и не царевичъ. Одного изъ нихъ, послѣ того, Лжедимитрій принялъ самъ лично. Что же? Монахъ повалился въ ноги Самозванцу и въ смятеніи долго не находилъ словъ. «Подлинный Иванъ—Васильевичевъ сынъ! Истинный, прирожденный царевичъ!» восклицалъ онъ теперь въ недоумѣніи.

Изобличенія въ Самозванцѣ Отрепьева менѣе всего подѣйствовали, какъ это оказывается, на самого Самозванца. Увѣдомившій къ этому времени уже многіе дворы о своемъ чудесномъ жребіи, онъ, въ отвѣтъ на Московскія о себѣ вѣсти, самъ еще послалъ въ Москву письмо къ Борису. Письмо это, котораго мы здѣсь не приводимъ единственно за длиннотою, замѣчательно въ высшей степени. Оно, совмѣщая въ себѣ въ удивительномъ подборѣ всѣ слухи и полуслухи, когда либо пущенные въ ходъ противъ Бориса, переноситъ ко временамъ еще Ѳеодорова царствованія, а Димитріева малолѣтства, и явно обличаетъ чье-то подробное изученіе тогдашней эпохи, чью-то обдуманную зоркость и памятливость отнюдь не малолѣтнаго возраста. Тонъ письма, при іезуитски-обдуманной разсчитанности и сообразительности каждой отдѣльной строчки, сплошь поражаетъ отъ начала до конца еще полной, очевидной искренностью самого Самозванца.

Едва Лжедимитрій выступилъ въ походъ—и самое его выступленіе было ознаменовано примѣромъ блистательнѣйшаго признанія въ немъ царевича. Донскіе казаки, вызвавшіеся еще въ Краковѣ черезъ двухъ атамановъ первые придти къ нему на помощь, сдержали казацкое слово. Они нагнали его на первой стоянкѣ въ числѣ двухъ тысячъ человѣкъ, объявляя, какъ прежде, что войско находится въ готовности и подданствѣ, и ведя еще съ собою знатнаго плѣнника. Это былъ скованный теперь въ цѣпяхъ дворянинъ Петръ Хрущовъ, посланный было Борисомъ изъ Москвы на Донъ именно для усмиренія тамошнихъ волненій. Самозванецъ захотѣлъ видѣть этого перваго, представленнаго къ нему, *знатнаго* Русскаго. Еще когда Польскіе ратники вели скованнаго Хрущова передъ лицо своего государя, тотъ не переставалъ выражать недовѣріе, сказывая, что царевичъ умеръ, а въ Самозванцѣ подозрѣвая Отрепьева. Когда же привели, Хрущовъ взглянулъ на него... вдругъ залился слезами и упалъ на

колѣни, воскликнувъ: «Вижу Іоанна въ лицѣ твоемъ, я твой слуга навѣки!» Онъ восторженно признавалъ въ немъ своего законнаго государя; онъ еще, какъ за себя, такъ и за всѣхъ бояръ, винился, что такъ долго всѣ они ходили въ потемкахъ: никто изъ нихъ даже и помыслить не могъ, чтобы воистину самъ прирожденный царевичъ уцѣлѣлъ отъ смерти.

Тронутый Лжедимитрій обласкалъ Хрущова и велѣлъ съ него снять желѣзы (хотя чья-то попечительность и держала его первое время подъ карауломъ). Потомъ онъ часто призывалъ его къ себѣ, распрашивалъ о расположеніи умовъ въ Россіи и о намѣреніяхъ Бориса. Дошедшіе до насъ записанные отвѣты Хрущова со всею свѣжестью вчерашняго дня переносятъ въ тогдашнюю эпоху, и если въ нихъ быль перемѣшана съ небылицами, таково было состояніе умовъ. Отвѣты эти для исторіи Лжедимитрія, также какъ и то любопытное письмо, замѣчательны въ высшей степени.

Чрезвычайное признаніе и обращеніе Хрущова не только не было единственнымъ или исключительнымъ, а напротивъ лишь составило образецъ для всѣхъ послѣдующихъ признаній; даже по мѣрѣ того, какъ все высшіе и высшіе сановники подступали къ его лицезрѣнію, иллюзія поражала сильнѣе. Вѣримъ Борису: они, бояре, заводили Самозванца; но потомъ они сами не вѣрятъ своимъ глазамъ, когда на мѣсто знакомца-Отрепьева вдругъ сталкиваются лицомъ къ лицу съ креатурою Литовцевъ... этимъ incognito, подлиннымъ, съ виду, Иванъ-Васильевичевымъ сыномъ, не по ихъ милости, да и не въ шутку, а съ полной самоувѣренностью идущимъ за вѣнцомъ Мономаха.

Убѣжденіе, что это не Отрепьевъ, вскорѣ до того стало всеобщимъ, что само правительство нашло нужнымъ вовсе вычеркнуть это обличительное имя изъ своихъ листовъ. Оказалось, что оффиціальное признаніе въ Самозванцѣ Отрепьева, явною своею несообразностью, только вредило дѣлу, пуще совращая вѣру людей. Сейчасъ по смерти Бориса пришли въ войско присяжные листы на имя его сына, и въ нихъ вмѣсто прежняго увѣщанія «не вѣрить вору-разстригѣ Гришкѣ Отрепьеву» уже глухо говорилось: «не вѣрить тому, кто зоветъ себя Димитріемъ Углицкимъ». Русскіе того времени сами признавались Самозванцу, что эта съ виду ничтожная поправка смутила ихъ. Дѣло въ томъ, что, передаваясь явленному царевичу, прежде никто себя и не считалъ измѣнившимъ клятвѣ не вѣрить Отрепьеву; выходило иное при присягѣ: «не вѣрить тому, кто зоветъ себя Димитріемъ Углицкимъ». Отрепьевъ тогда уже проклинался во всѣхъ церквахъ.

Дѣло заключается въ томъ, что, по прекрасному изъясненію митрополита Платона (въ его Церковной Исторіи), сей первый Самозванецъ «не былъ... Гришка Отрепьевъ, дворянина Галицкаго сынъ, но

нѣкто подставной, отъ нѣкоторыхъ хитрыхъ злодѣевъ выдуманный и подставленный, чужестранный или Россіянинъ, или можетъ-быть и самый Гришка Отрепьевъ, Галицкаго мелкаго дворянина сынъ, но давно къ тому отъ злоумышленниковъ приготовленный, расположенный и обработанный, а не тотъ, каковаго наши лѣтописцы выдаютъ... Скоро по убіеніи царевича Димитрія, какъ многіе поражены были слухомъ о его неповинной смерти, и что чрезъ сіе царскій корень пресѣкся и, ненавидя царя Бориса, и потому почти общее было неудовольствіе и роптаніе. Сіе неудовольственное народа расположеніе слыша и видя, нѣкоторые враждебные конечно изъ Поляковъ, (яко всегдашнихъ Россіи враговъ), скоро по убіеніи царевича Димитрія, подхватили къ себѣ въ Польшу сходнаго съ лѣтами царевича, лѣтъ девяти или десяти и нѣсколько похожаго лицомъ; взявъ его къ себѣ, изучивъ его въ Польшѣ наукамъ, Латинскому и Польскому языку, и вложивъ въ него мысли, чтобъ ему себя назвать царевичемъ Димитріемъ, и показавъ ему всѣ тѣ способы и хитрости, какими ему сіе дѣло производить, отправили его въ Россію... Или по крайней мѣрѣ не такимъ образомъ все сіе дѣло происходило, какъ лѣтописи описываютъ, утверждая свое описаніе только по однимъ наружнымъ и открывшимся обстоятельствамъ, а не проницая въ глубину сего злохитраго и огромнаго замысла».

Еще одинъ шагъ впередъ въ этомъ замѣчательномъ объясненіи, и мы, наконецъ, получимъ истинное понятіе о Самозванцѣ, сразу разрѣшающее безъ того неразъяснимыя противорѣчія. Не отвергая Отрепьева, подлиннаго Самозванца, обличеннаго Годуновымъ и вѣрно охарактеризованнаго нашими лѣтописями, въ тоже время не надо съ нимъ смѣшивать этого, изъ Польши явившагося Лжедимитрія, т.-е. самозванца Литовскихъ заводчиковъ. Дѣло именно въ томъ, что, воспользовавшись смутнымъ состояніемъ умовъ въ тогдашней Россіи, Литовскіе злоумышленники замыслили столь злохитрый, по выраженію Платона, и огромный планъ, что въ глубину его не скоро вдумались сами бояре. Простодушно довѣрясь двуличнымъ пріятелямъ, враги Годунова какъ будто сообща съ ними заводили на Москвѣ свой боярскій ковъ, не имѣвшій другой цѣли, кромѣ сверженія Бориса; боярами для этой цѣли изготовляемый Самозванецъ и былъ извѣстный Гришка Отрепьевъ. Литовскіе же заводчики, сами заинтересованные ихъ Гришкой и всюду имъ плодимой вѣрой въ Димитрія, съ виду во всемъ потакали имъ; а на самомъ дѣлѣ, до времени загребая жаръ чужими руками и тѣмъ еще ослѣпляя глаза и связывая языки мнимымъ сообщникамъ, они только прокладывали путь Лжедимитрію собственнаго издѣлія, давно изготовленному ими для цѣлей болѣе широкихъ. Его-то появленіемъ они и

готовили двойной обманъ, столько же неожиданный Годунову съ цѣлой Россіей, какъ еще и самимъ боярамъ. Когда приспѣло время, смѣнивъ одного другимъ, явить міру уже всѣмъ народомъ чаемаго Димитрія, они и привели гостя въ Россію: смѣшавшимся боярамъ, сбитымъ съ толку и уже болѣе ничего не понимавшимъ «въ этомъ колдовствѣ», оставалось только молча ему покоряться; а имъ, какъ понятно, и вовсе не предстояло повода для лишнихъ объясненій.

Болѣе простодушные изъ нашихъ увидали сейчасъ же въ такомъ превращеніи и во всемъ этомъ дѣлѣ волшебство и нечистую силу. Такіе не въ шутку повѣрили и другихъ старались увѣрить, что оборотень-Отрепьевъ-колдунъ и чернокнижникъ; этимъ для нихъ изъяснялось все. Другіе же сразу поняли въ чемъ дѣло; но спохватясь, что, въ этой съ двухъ сторонъ нечистой игрѣ, ихъ сообщники—Литва только не чище и только еще хитрѣе ихъ играли, они были принуждены волей-неволей или закончить всю игру молчанкой, или къ обоюдной выгодѣ громко весь грѣхъ потомъ свалить на злодѣя Отрепьева, къ тому же и оффиціально признаннаго злодѣемъ. Въ этомъ хитромъ дѣлѣ всѣ концы, такимъ образомъ, были ловко спрятаны—и даже для самихъ современниковъ еще болѣе, чѣмъ для насъ потомковъ.

Именно такимъ пассивнымъ характеромъ признанія Самозванца отличалось его невольное признаніе хотя бы Романовыми, или Голицыными, Мосальскими, Салтыковымъ и имъ подобными; потомъ и со стороны Мстиславскаго, Шуйскаго и другихъ. Признавая Лжедимитрія, лжетъ ли Мароа, что это не Отрепьевъ, искренно ли вѣритъ, что это ея сынъ? Ни то, ни другое. Не видя въ немъ сына, не видитъ же и Отрепьева: вотъ все.

Не иначе какъ этимъ, и только однимъ этимъ, совершенно объясняется и внезапная, безъ того непостижимая, перемѣна Басманова. Изъ вѣрнаго слуги Бориса онъ вдругъ, измѣнивъ при Өеодорѣ Борисову дому, превращается въ вѣрнѣйшаго же слугу Самозванца, и не Гришкѣ же знакомцу онъ такъ служилъ! Онъ остается ему вѣренъ даже до послѣдней капли крови и еще, идя за него на вѣрную смерть, говоритъ: «Мятежъ! Я умру, а ты спасайся!» Выраженіе «признать въ Самозванцѣ *истиннаго царевича*» совпало по тогдашнимъ обстоятельствамъ съ другимъ правильнѣйшимъ выраженіемъ: «*не признавать въ немъ Отрепьева*». Тутъ оба понятія граничатъ, и вотъ откуда примѣры той непоколебимой, какой-то восторженно-пламенной вѣры въ Димитрія, которою способны удивить міръ, напр. Паэрле и Маржеретъ.

Согласятся или не согласятся съ такимъ объясненіемъ біографы Басманова, важность въ томъ, что самъ Басмановъ какъ нельзя болѣе съ нимъ согласенъ. Въ зенитѣ Лжедимитріевой славы, когда Петръ

Өедоровичъ находился съ нимъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ, онъ былъ спрошенъ пасторомъ Бэромъ, по довѣренности: «Имѣетъ ли всемилостивѣйшій государь нашъ законное право на престолъ Россійскій?» Басмановъ отвѣчалъ такими уклончивыми словами, что въ нихъ слышится даже болѣе обычнаго тогда недоумѣнія, выражавшагося фразой: «кто бы онъ ни былъ». «Вы, Нѣмцы», отвѣчалъ Басмановъ Бэру, «имѣете въ немъ отца и брата; онъ васъ жалуетъ свыше всѣхъ прежнихъ государей; молитесь же вмѣстѣ со мною о его счастіи. Хотя и не истинный царевичъ, однакожъ нашъ государь; мы присягнули ему, да лучшаго царя и не найти бы намъ».

Другой подобный отзывъ приводитъ тотъ же пасторъ Бэръ. На его вопросъ о Лжедимитріи одному столятилѣтнему старцу (послѣ Московской ночи, въ которую убитъ Самозванецъ), этотъ ему отвѣтилъ такъ: «Убитъ государь весьма храбрый; въ одинъ годъ онъ заставилъ трепетать всѣхъ сосѣдей; онъ былъ человѣкъ съ разумомъ, хотя не Ивана Васильевича сынъ». Таковы отзывы о Самозванцѣ самихъ тѣхъ, кто и не признавалъ въ немъ истиннаго Димитрія: никто изъ нихъ не признавалъ въ немъ однако и Отрепьева. Приводить ли еще увѣренія, что это не Отрепьевъ—всѣхъ тѣхъ, для кого Самозванецъ былъ прежде всего истиннымъ Іоанновымъ сыномъ?

Одинаково и все поведеніе Лжедимитрія обличаетъ въ немъ не сознательнаго обманщика, не завѣдомаго Самозванца, какимъ непремѣнно былъ бы Отрепьевъ, а человѣка безгранично самоувѣреннаго, полнаго невѣжду о самомъ себѣ.

Довольствуясь о своемъ, будто бы царственномъ, дѣтствѣ общими свѣдѣніями, которыя легко могли быть внушены посторонними, онъ не выдумываетъ о себѣ никакихъ подробностей: все такое ему самому легче представляется смутно-позабытымъ. Довѣренность къ Русскому народу, съ которой онъ вторгался въ Россію и шелъ навстрѣчу стотысячному Борисову войску, дивила самихъ очевидцевъ; рѣчи передъ битвой, въ которыхъ обыкновенно онъ призывалъ само Провидѣніе рѣшить: кто же, наконецъ, изъ двухъ правъ? эти его рѣчи поразительны. Къ матери Марѳѣ онъ выказываетъ неподдѣльную, какую-то мечтательную нѣжность. Къ Годунову одинаково же питаетъ какую-то неподдѣльную ненависть. Даже во время бунта на вопросъ: «Кто ты?» отвѣчаетъ боярамъ: «спросите у матери!» Во время же самаго бунта, врываясь въ толпу съ палашемъ въ рукѣ, кричитъ: «Я вамъ не Годуновъ!» На лицѣ его однакожъ замѣчали по временамъ какую-то странно-угрюмую задумчивость... Если кто изъ друзей осмѣливался приступить къ нему съ малѣйшимъ предостереженіемъ или самымъ незначущимъ намекомъ, онъ сейчасъ уже впадалъ въ какую-то страст-

ность, выказывалъ раздраженіе, будто тѣмъ еще задѣвали самый point d'honneur его; а между тѣмъ видимо для него самого постоянно оставалось что-то недоговореннымъ въ его необычайномъ жребіи, чего какъ будто и другимъ онъ избѣгалъ договаривать... Во время бунта, бояре, окруживъ его стѣною, долго выпытывали признаніе: кто онъ? Но не захотѣли же по его просьбѣ на людяхъ допрашивать Мареу. Пуще обступаемый и тѣснимый всѣми, неотступно преслѣдуемый грознымъ запросомъ: «да кто жъ ты, наконецъ, чортовъ сынъ, говори!» онъ вдругъ, напослѣдокъ, со слезами крикнулъ: «Пустите меня къ народу!.. Я хочу говорить съ площади!» И когда, быть можетъ, все досказалось бы до конца въ этой необыкновенной жизни, въ тотъ самый мигъ раздался пистолетный выстрѣлъ. Самозванецъ упалъ и затрясся смертельно раненый, и навѣки унесъ въ могилу свою недоговоренную тайну. Самый пепелъ «прелестника, колдовствомъ смутившаго міръ», развѣяли люди; всыпавъ въ заряженную пушку, навели ее въ ту сторону, откуда пришелъ онъ, и выпалили—«на Литву».

«Кто бы онъ ни былъ, а только и самъ воевода Сендомирскій не знаетъ его рода!» «коварный былъ плутъ!» «не Русскій, а на Поляка похожъ», «очевидный иноземецъ!» «самъ собою не могъ бы такое большое дѣло предпринять!» «всякій объ немъ свое толкуетъ; неизвѣстно никому, кто онъ!» вотъ подлинныя выраженія, которыя мы съ буквальною точностью выписываемъ изъ непосредственныхъ памятниковъ тогдашней эпохи. Вотъ отзывы, которые—и на площадяхъ, и на улицахъ, и въ лагерныхъ стоянкахъ, и въ явныхъ бесѣдахъ за пирами, и въ тайныхъ келейныхъ шептаніяхъ—сейчасъ же заслышиваются о Самозванцѣ. Оффиціально признанный Отрепьевымъ и такимъ именуемый во всѣхъ дѣлахъ оффиціальныхъ, онъ вездѣ въ другомъ мѣстѣ, тѣми же самими лицами, то просто называется «хищникомъ нецарской крови», то еще неопредѣленнѣе и глуше. Безусловнымъ Отрепьевымъ, послѣ того, Самозванецъ остается лишь для массы. Показанія Отрепьевыхъ-родственниковъ, Чудовскихъ монаховъ и самого патріарха, будто узнавшихъ въ немъ своего бѣглаго дьякона; непосѣщеніе, будто бы, имъ самимъ ни разу Чудовской обители, и многое въ этомъ родѣ оказывается изъ исторіи—существовавшимъ именно въ воображеніи той массы, а не въ дѣйствительности. Ближе замѣшанные въ это дѣло, какъ Русскіе, такъ и иностранцы, говорили другое. Подозрѣвая въ немъ то Трансильванца, то Волоха, то Поляка, то Иллирійца, даже побочнаго сына знаменитаго Стефана Баторія, дѣлали тысячи догадокъ по поводу Самозванца. И вотъ, изъ всѣхъ ходившихъ на этотъ счетъ мнѣній, тогда же утвердилось одно: что,

едва ли Русскій, хотя и Славянинъ по происхожденію, Самозванецъ былъ во всемъ этомъ темномъ дѣлѣ орудіе лишь чужой интриги, и осуществлялъ собою огромный замыселъ другихъ лицъ.

Всякое темное дѣло принимаетъ мѣры не къ тому, конечно, чтобъ для современниковъ и потомства ясно обнаружить тайну, а чтобы схоронить концы въ воду. Если въ самозванцево дѣло примѣшались іезуиты—а они непремѣнно примѣшались—то можно и напередъ знать, что это схороненіе концовъ въ воду произведено съ безподобною ловкостью. Укрывательство принадлежало съ самого начала «зловѣрной», т.-е. католической Литвѣ, разоблаченье—Борису. Укрыватели, для достиженія хитрой цѣли, могли еще сообразоваться съ духомъ Борисовыхъ изобличеній и по ихъ буквѣ только пуще запутывать дѣло. «Будемъ надѣяться», говорятъ иные, «что когда-нибудь изъ тайныхъ архивовъ іезуитовъ мы получимъ какія-нибудь объясненія этого удивительнаго явленія Русской исторіи». Нѣтъ. Если главный источникъ, откуда слѣдуетъ ожидать вѣрныхъ извѣстій объ не-Отрепьевѣ сводится къ архивамъ іезуитовъ, то предполагать, что много еще можетъ разъясниться этимъ путемъ, значитъ вовсе предаться отчаянію когда-либо разъяснить дѣло: братство давно ославлено укрывательствомъ историческихъ актовъ даже посредствомъ ихъ поддѣлки, выпускомъ документовъ мнимыхъ и редакціей разныхъ бумагъ съ характеромъ встрѣчныхъ исковъ. Извѣстно и по самозванцеву дѣлу нѣсколько свидѣтельствъ, обличающихъ именно подобный характеръ. Нельзя, притомъ, довольно надивиться и ходу послѣдующихъ обстоятельствъ: всѣ они сложились именно такъ, чтобы вовсе укрыть изъ виду главныхъ зачинщиковъ, а потомъ укрывателей самозванцева дѣла, и совершенно замели ихъ слѣдъ!...

Вопросъ не о простомъ участіи іезуитовъ въ этомъ дѣлѣ; оно несомнѣнно. Исповѣдывавшій Самозванца, первый, сказавшій другимъ, что это истинный Димитрій—іезуитъ. Сводятъ Самозванца съ Вишневецкимъ и знакомятъ съ Сендомирскимъ—іезуиты; убѣждаютъ Польскаго короля дать ему помощь—іезуиты; Рангони торжественно помазуетъ мνромъ, исповѣдуетъ же опять—іезуитъ; изъ Кракова ему сопутствуютъ—іезуиты; въ походѣ его совѣтчики—іезуиты; въ Москвѣ, послѣ коронаціи, привѣтствуетъ его Латинскою рѣчью—іезуитъ; лучшій домъ въ Кремлѣ занимаютъ по самозванцеву приказу и тамъ служатъ Латинскую обѣдню—іезуиты, и т. д. Вопросъ заключается въ томъ, что самый фактъ Самозванца въ Россіи—изначала собственный ихъ іезуитскій умыселъ и таилъ въ себѣ по самой малой мѣрѣ колоссальнѣйшій планъ всемірнаго Римскаго католичества.

Въ самомъ дѣлѣ, присоединить Лжедимитріевыми руками Великую Россію къ Римской церкви (подобно тому, какъ это устроивалось около того же времени съ Русью Малой и Бѣлой), потомъ черезъ своего католическаго царя Россіи освободить отъ Турокъ Константинополь и, распространивъ путемъ Россіи унію въ самой Византійской имперіи, вести ее далѣе на Индійскій Востокъ—не есть ли же это именно та политическая система, которая одна, самыми ясными и несомнѣнными чертами, рѣзко заявила себя, въ краткое, еще ничѣмъ другимъ не ознаменованное, Лжедимитріево царствованіе? Вспомнимъ, что братство, прославленное изначала духомъ любоначалія и ревностью къ обращенію всѣхъ въ папежство, находилось тогда въ зенитѣ своей славы и простирало происки и вліяніе почти на всѣ государства обоихъ полушарій. Вспомнимъ, что съ особенною силой оно подвизалось тогда именно въ Польшѣ, что причиною чрезвычайнаго здѣсь авторитета іезуитовъ было именно православіе Русскихъ провинцій, тогда подвластныхъ Рѣчи Посполитой, которыя іезуиты и были призваны къ этому времени обратить въ латинство. Примемъ еще въ соображеніе, что по естественному ходу событій, для прочной однакоже побѣды надъ православіемъ въ Руси Малой, предвидилось необходимымъ нанести ему главнѣйшій ударъ именно въ Руси Великой; притомъ именно около времени казни Наливайки и вообще самой тогда ожесточенной пропаганды католицизма на Югѣ Руси, зачиналось и на ея Сѣверѣ великое національное движеніе отъ прекращенія династіи. Если къ тому прибавить, что съ самаго уже паденія Византійской имперіи, Русская церковь, какъ первенствующая изъ православныхъ, не переставала на себя навлекать жадные взоры Римскаго первосвященника, и унія во всѣ времена составляла тутъ неутолимѣйшее алканіе Рима, представляя какъ бы многовѣковой оселокъ и для геніальности усердныхъ слугъ папы,—то мы получимъ еще самыя первоначальныя комбинаціи, уловимъ тончайшія нити, которыми завязывалась и приводилась въ дѣйствіе великая интрига. Примѣры самозванцевъ уже существовали въ исторіи, и вотъ въ виду всѣхъ благопріятныхъ обстоятельствъ, тогда скопившихся въ Россіи, созрѣла, наконецъ, мысль, достойная ордена, который, можетъ быть, именно ею (по выраженію М. П. Погодина) показалъ nec plus ultra своей хитрости и предпріимчивости.

Вопросъ объ участіи іезуитовъ, заключаемъ, сводится къ тому, что, наряду съ подозрительными отводами ихъ же собственнаго, или ужъ во всякомъ случаѣ, католическаго издѣлія о томъ напр., что Самозванецъ былъ обращенъ въ католичество уже послѣ, Бернардинами и тому подобными, существуетъ въ томъ же вѣкѣ положитель-

ное свѣдѣніе совсѣмъ о другомъ. Въ Гофмановомъ Лексиконѣ, напечатанномъ въ Лейденѣ въ 1698 году, на который ссылается митрополитъ Платонъ, читаемъ: «Псевдо-Димитрій І-й, по кончинѣ Өеодоровой, Московское государство возмутилъ. Повѣствуютъ, что іезуиты въ Польшѣ сіе злодѣяніе предпріять дерзнули. Имѣли они въ нѣкоторой коллегіи своей младаго юношу (Отрепьева), котораго отъ самыхъ младыхъ лѣтъ къ будущей трагедіи изрядно приготовили, и правилами какъ государствовать так напоили, что онъ нѣсколько времени всю прельстилъ Россію. И такъ онъ, сими хитростями наставленный, а притомъ стараніемъ Литовскаго князя Адама Вишневецкаго и старосты Сендомирскаго вспомоществуемый, по смерти царя Өеодора, въ Россіи до того дѣла свои довелъ, что (какъ восхитившій престолъ Борисъ Годуновъ, между тѣмъ, умеръ) отъ всѣхъ за истиннаго Димитрія, за сына царя Ивана Васильевича и за наслѣдника имперіи принятъ и публично былъ коронованъ лѣта Господня 1605 г. Іюня 29 дня». Это же самое, лишь съ оговоркою, какъ мы знаемъ, что пріемышъ не былъ и Отрепьевъ, даже вовсе не Русскій, а иноземецъ, громко высказывалось и на Московскихъ улицахъ.

Названіе «езовитъ», которое по смерти Самозванца не перестаетъ повторяться въ изобличительныхъ актахъ правительства, было для Русскихъ самое страшное изъ всѣхъ подозрительныхъ названій въ мірѣ,—о томъ сами іезуиты знали первые. Если же всегда они не иначе могли появляться въ Россіи, какъ прилѣпляясь къ какому-нибудь католическому посольству, и всегда же их окружали строжайшимъ надзоромъ: то какъ иначе, какъ не въ совершенной тайнѣ, должны были они являться къ намъ въ ту исключительную пору, когда ужъ въ головѣ у нихъ созрѣвалъ огромный замыселъ противъ цѣлаго государства? И вотъ отвѣтъ на возраженіе, напримѣръ Маржеретово, что іезуиты слишкомъ рѣдко бывали въ Россіи и слишкомъ же мало себя проявили при Лжедимитріи, чтобъ предполагать въ нихъ его заводчиковъ *). При томъ, сами іезуиты (въ своихъ совѣтахъ второму Самозванцу), по поводу уніи, по вопросу о числѣ католиковъ въ Москвѣ, объ употребленіи Латинскаго языка и всего, словомъ, что ихъ обличаетъ, выражаются такъ: «Надо съ осторожностью выбирать людей, съ которыми объ этомъ говорить, ибо преждевременное разглашеніе и теперь повредило. Государю держать при себѣ очень малое число духовенства католическаго. Письма, относящіяся къ этому дѣлу, какъ можно осторожнѣе принимать, писать, посылать,

*) Вспомнимъ еще, что вся нынѣшняя Югозападная и Сѣверозападная Россія находилась тогда подъ владычествомъ Польши и кишила іезуитами.

особенно изъ Рима и пр. и пр. Должно употреблять скорѣе народный языкъ, чѣмъ Латинскій, особенно потому, что латинь считается у туземцевъ поганою, однако нужно» и пр.

Болѣе того. Внимательно изучая памятники тогдашней эпохи, какъ нарочно, видимъ (еще съ Ѳедорова и Борисова времени вплоть до Самозванца, съ 1595 г. по 1604) какой-то неслыханный и ежегодный наплывъ къ намъ Римскаго католичества, во всѣхъ его многообразныхъ видахъ. Соглядатайство, за этотъ періодъ, Россіи со стороны іезуитовъ могло быть непрерывное и самое дѣятельное, сколь ни тайно производилось оно, прикрытое въ благонадежныя формы то посольствъ отъ папы, то монашескихъ миссій для пропаганды на Востокъ, то будтобы исканія торговыхъ связей съ Персіею и проч. и проч. Можно бы составить цѣлый отдѣльный эпизодъ изъ длиннаго перечня этихъ замѣчательныхъ посольствъ и сношеній, и поимокъ Московскимъ правительствомъ какихъ-то подозрительныхъ католическихъ монаховъ, сновавшихъ тогда по Россіи. Если мы этого не дѣлаемъ въ настоящей статьѣ, такъ именно потому, что этотъ перечень вышелъ бы слишкомъ длиненъ.

Даже если допустить съ митрополитомъ Платономъ, что «Самозванецъ, на нѣкоторое время, до своего объявленія, тайно былъ отправленъ въ Москву,» то и самое мнѣніе, что «отправленъ не одинъ, а въ сопровожденіи одного или двухъ хитрѣйшихъ духовъ, кои бы его во всемъ наставляли и руководствовали, и кои хотя очень скрытно, но неотступно тамъ близко были, гдѣ онъ находился», получаетъ сильнѣйшую достовѣрность.

«Если же онъ воспитывался у іезуитовъ», возражаетъ католикъ Маржеретъ, «то безъ сомнѣнія долженъ былъ знать языкъ Латинскій!» Французъ берется доказать противное, и что же приводитъ? Въ подписи своего имени и титула Самозванецъ, видите ли, дѣлалъ ошибку: въ одномъ мѣстѣ пишетъ in Peratoг, въ другомъ Демиустри. Но кто-же, послѣ всего, поручится намъ и за то, что не наводили глаза на подобнаго рода незнанье латини въ Самозванцѣ, даже еще Маржерету, первые сами же іезуиты? Замѣчаемъ, что этимъ грубымъ опискамъ постоянно придавали какой-то преувеличенный вѣсъ и на нихъ тыкали пальцемъ. Несмотря на то, что Самозванецъ хорошо научился латынѣ и даже могъ написать собственноручно довольно-складное письмо къ его святѣйшеству папѣ Клименту VIII, какъ свидѣтельствуетъ Де-Ту; несмотря на то, что, получивъ высшее свѣтское образованіе (конечно Польское), Самозванецъ тѣмъ самымъ, по свидѣтельству самаго же Маржерета, долженъ былъ знать и Латинскій языкъ, языкъ Польскаго свѣта; несмотря на то, что pater Черниковскій читаетъ напр. ему въ Успенскомъ соборѣ Латинскую проповѣдь не затѣмъ-же конечно,

чтобы въ ней Самозванецъ не понялъ ни слова; несмотря на все это, и на ряду-же съ этимъ, постоянно проглядываетъ какое-то отчаянное желаніе доказать, во что бы то ни стало, что Лжедимитрій плохо зналъ латинь. Такъ какъ о ненависти Русскихъ къ «поганой» латини сами іезуиты дали на себя обличительную, нами уже приведенную запись, то цѣль такого утаиванія вполнѣ понятна. Но если оказалась надобность отклонять отъ Самозванца подозрѣнія въ латини путемъ орѳографіи, то именно ужъ въ выборѣ, для того, титула и имени окончательно проглядываетъ какая-то умышленность. Не эти ли два слова: Деметріусъ, императоръ, предвидилось ему наичаще подписывать? Этой ли же пары словъ орѳографія такъ затруднительна, что Самозванцу приходилось ее въ Латинской подписи коверкать, во первыхъ, на зло Русскому выговору, во вторыхъ, даже совершенно вопреки нашему Русскому народному обычаю, замѣнять самое *н* буквою *м* въ словахъ, какъ Микола и пр.! Прибавить надо, что самозванцевъ императорскій титулъ, въ связи съ завоеваніемъ, для того, Константинополя—вотъ именно то, что̀, составляя въ Самозванцѣ главнѣйшее наущенье іезуитовъ, составляетъ и главнѣйшее же мѣсто въ проявленной имъ политикѣ.

Гдѣ и когда былъ похищенъ ребенокъ, гдѣ и какъ вдали отъ всѣхъ соблюдался пріемышъ? Какимъ постепеннымъ воспитаніемъ готовили его къ необычайной, долженствовавшей изумить міръ, роли? Какъ, воспитывая до времени въ слѣпотѣ, даже нарочно путая и напитывая таинственными о себѣ мнѣніями, вдругъ ему открыли глаза къ двойному обману?... Не даетъ на это отвѣта исторія Лжедимитріева царствованія. Только во всѣхъ легендахъ уцѣлѣвшій намекъ на какого-то «*злаго*» монаха, который какимъ-то образомъ «*открылъ ему все*», обязавъ для собственной его безопасности, можетъ быть, изо всего сказаннаго именно только одного этого «какимъ образомъ ему было открыто все» не договаривать по конецъ жизни, — да еще по временамъ долго останавливавшаяся на лицѣ Самозванца какая-то угрюмо-мечтательная задумчивость, даютъ поводъ ко множеству самыхъ романтическихъ догадокъ.

Этотъ-то самый «злой монахъ» для вѣрившихъ въ истинность Димитрія и былъ, указанный Борисомъ, Отрепьевъ, который, говорятъ они, лишь вывелъ царевича изъ Россіи; для другихъ Отрепьевъ же, но не Димитрію, а Самозванцу помогавшій своими волненіями въ Украйнѣ; еще другіе зовутъ его Леонидомъ; четвертые, допуская и Леонида, и Отрепьева, ни съ тѣмъ, ни съ другимъ не смѣшиваютъ однакожъ «злаго». И вообще, какъ замѣтно, въ легендахъ о Самозванцѣ поражаетъ въ одномъ мѣстѣ какая-то двойственность или даже тройствен-

ность одного и того же лица. Для настоящаго же Самозванца, для Лжедимитрія, какъ мы его понимаемъ, этотъ «злой монахъ», который, выведя ли его въ поле и заранѣ подготовивъ къ чему-то чудесному, другимъ ли какимъ образомъ одурманивъ его голову, «открылъ ему все»,—для Самозванца этотъ «злой монахъ» пропалъ навсегда. Наканунѣ, какъ ему появиться у Вишневецкаго, Самозванецъ могъ только по слухамъ угадывать своего благодѣтеля въ томъ инокѣ, который ради его тогда дѣятельно волновалъ Украйну; да еще могли ему напоминать того благодѣтеля... тѣ, неотступно возлѣ его трона сверкавшіе глаза іезуитовъ.

Самый выборъ ребенка, оказывается, былъ сдѣланъ не на обумъ. Лжедимитрій имѣлъ нѣкоторое дѣйствительное сходство съ Углицкимъ младенцемъ. Сходство или несходство не могло тутъ много значить при пробѣлѣ въ 13 или 14 лѣтъ; но Литовскіе заводчики съ горячностью ссылались и на смуглоту юноши, напоминавшую царицу - Мароу, и на бородавку подъ правымъ глазомъ, и на одну руку будто короче другой. Когда Москвитяне, точно не помня этихъ примѣтъ и въ самомъ Углицкомъ младенцѣ, не придавали никакой имъ цѣны въ Самозванцѣ, сами Литовцы, напротивъ того, и постоянно на нихъ указывали, и непремѣнно ихъ всѣ вычисляли. Даже и атлетическое сложеніе ребенка, его сухощавая крѣпость, сулившая долгое здоровье, о чемъ всѣ свидѣтельствуютъ единогласно, не должны ускользнуть отъ внимательнаго взора, особливо въ виду той іезуитской предусмотрительности, которая выказана напр. въ записи Мнишку, отдававшей Маринѣ, на случай даже ея неплодія, Псковъ и Новгородъ, и въ подобныхъ обстоятельствахъ исторіи Самозванца всюду. Наконецъ, и личный Лжедимитріевъ характеръ, нѣкоторая избалованность и необузданность природы равнодушной къ добру и злу и въ тоже время съ явной способностью увлекаться, со всегда готовой рѣшимостью на великія дѣла, также изобличаютъ какой-то характеръ «сдѣланный», легко образуемый въ ребенкѣ его особеннымъ воспитаніемъ.

Остается послѣдній доводъ, которымъ защитники іезуитовъ пытались снять съ нихъ отвѣтственность за Самозванца. Лжедимитрій, говорятъ они, никогда особенно не благоволилъ іезуитамъ, а если цѣль его возведенія на престолъ—унія, то зачѣмъ онъ не ввелъ ея? Хотя краткость Лжедимитріева царствованія одна отстраняетъ такой запросъ; хотя сами же іезуиты дали по этому поводу на себя, нами уже приведенную обличительную запись «вести это дѣло осторожно»: но мы сами хотимъ какъ бы на мигъ принять сторону нашихъ противниковъ и еще усилимъ дѣло. Самозванецъ, точно, не потакалъ іезуитамъ. Мало того: возведенный ихъ содѣйствіемъ на тронъ при помощи короля

Польскаго, онъ вездѣ потомъ относится къ нимъ и къ ихъ уніи съ какою-то злою страстью. Онъ, какъ будто, постоянно за что-то мститъ окружающимъ его благодѣтелямъ, и вѣчно нахальнымъ обращеніемъ съ ними, когда принимаетъ за-просто, и своимъ же трицарственнымъ блескомъ и великолѣпіемъ, когда допускаетъ до сіянія трона. Тѣ уже досадуютъ, благоразумно перешептываются между собою, что «царевичъ не оказываетъ знаковъ истиннаго благочестія», «что онъ видимо начинаетъ уклоняться отъ своихъ прежнихъ намѣреній», «что должно бы было ему, кажется, хранить почтеніе къ усердно ему помогавшимъ»..; тотъ, при всякомъ ему на то намекѣ съ ихъ стороны, и топаетъ ногою въ полъ, и грызетъ себѣ ногти, будто заразъ и хочетъ оттолкнуть, и роковыми связанъ нитями. Но эта-то самая страстность и составляетъ еще для насъ въ Самозванцѣ его знаменательнѣйшую, психологическую черту. Если когда нибудь и въ чемъ нибудь проглянула въ Самозванцѣ *честность*, такъ въ этихъ именно движеніяхъ его души, во дни царственнаго, въ Кремлѣ, величія, когда самовѣріе готово было парить на высоту зенита, а тутъ объ руку сверкали глаза его благодѣтелей-іезуитовъ.

Остается упомянуть, что между болѣе или менѣе правильными показаніями о Самозванцѣ, ищущими дознать объ немъ истину, существуютъ еще баснословія тѣхъ, для которыхъ тутъ вся цѣль сбить всѣхъ съ толку. Разсѣянныя по сочиненіямъ авторовъ, вѣрившихъ въ Самозванцѣ истинному Димитрію, они важны въ томъ именно отношеніи, что легковѣрные писали ихъ прямо со словъ интригановъ, которые во всемъ этомъ дѣлѣ желали, прежде всего, скрыть самихъ себя. Такимъ образомъ, вся эта подложная біографія, соображенная на основаніи тѣхъ данныхъ, которыя проглядывали въ Самозванцѣ и ищущая вѣрно отвѣчать подробностямъ Лжедимитріева образа, на самомъ дѣлѣ служитъ только къ отводу вниманія отъ истинныхъ его заводчиковъ, уловкою не дать напасть на ихъ слѣдъ, а чрезъ это ихъ-то самихъ и выводитъ наружу.

Проглядывала въ Самозванцѣ не Русская, а какая-то смѣшанная Славянская національность. Иные его прямо называли Полякомъ, другіе и Трансильванцемъ, и Волохомъ, и Итальянцемъ, правильнѣе же Иллирійцемъ. Той біографіи, слѣдовательно, надо было отклонить о Самозванцѣ столь рѣзко всѣмъ въ глаза бросавшійся признакъ,—и вотъ она даетъ Димитрію въ спасители и въ наставники доктора, какого-то Волоха, заставляетъ нѣкоторое время и его самого скитаться по Влахіи. При его самостоятельности было выгодно запутывать дѣло нѣкоторыми сопоставленіями съ нимъ еще и самого (потомъ сгинувшаго) Отрепьева: вотъ та біографія и удерживаетъ предварительныя

странствованія Димитрія по разнымъ Русскимъ монастырямъ. Самозванецъ говорилъ по-польски; кромѣ того, прежде чѣмъ явиться къ Вишневецкому, надо же было ему таиться гдѣ-нибудь по близости; объ Отрепьевѣ полагали, что онъ Польскому языку учился въ Гощѣ: вотъ та біографія заставляетъ Димитрія быть домашнимъ учителемъ у дѣтей какого-то Польскаго пана. Надо было, наконецъ, главное, той біографіи отклонить подозрѣніе объ латини, сильно обличавшей въ ученикѣ уже прямо вліяніе іезуитовъ: вотъ въ той біографіи встрѣчается любопытнѣйшее въ своемъ родѣ извѣстіе о томъ, что Димитрій, спасшись изъ Углича, углубился далѣе на Сѣверъ, подходилъ даже къ морю. Зачѣмъ это нужно, сейчасъ объяснится. Онъ странствовалъ, такимъ образомъ выходитъ, еще и въ Ливоніи; а въ Ливоніи, еслибъ Димитрій Углицкій былъ въ ней, дѣйствительно уже немудрено бы ему было выучиться и латини. У Де-Ту это извѣстіе особенно выдается. «Сложивъ съ себя клобукъ», говоритъ знаменитый историкъ (почерпавшій о Лжедимитріи свѣдѣнія прямо изъ рукъ іезуитовъ), «Самозванецъ нѣсколько времени скрывался въ Ливоніи, научился тамъ изрядно Латинскому языку и даже могъ написать собственноручно довольно складное письмо къ папѣ Клименту VIII-му.» И такъ, если для Де-Ту самое знаніе Самозванцемъ латини не было опровергаемо указаніемъ на его описки in Peratог и Демиустри, то по крайней мѣрѣ отводилось отъ него подозрѣніе на учителей-іезуитовъ понадобившейся для того Ливоніей. Важно такое свидѣтельство и въ другомъ отношеніи. Несомнѣнно извѣстно, что собственно Отрепьевъ никогда не былъ въ Ливоніи; еще несомнѣннѣе то, что явившійся подъ именемъ Димитрія былъ Самозванецъ; извѣстіе, такимъ образомъ, что Самозванецъ въ латини получилъ свѣдѣнія въ Ливоніи, только и можетъ значить одно: желаніе укрыть отъ міра его истинныхъ учителей-латинистовъ!

Заключаемъ.

Подробныя свѣдѣнія объ Отрепьевѣ, обнародованныя правительствомъ, и потомъ еще пополненныя свидѣтельствами многихъ современниковъ, по своей строгой вѣрности самимъ себѣ и опредѣлительности, не оставляютъ никакого сомнѣнія насчетъ подлинной характеристики этого подлиннаго же лица. Но эта біографія бѣглаго монаха, безпутствующаго по монастырямъ растриги, вполнѣ вѣрная сама себѣ, рѣшительно неприложима къ Самозванцу Литовскому, въ которомъ, кромѣ другихъ поразительныхъ свойствъ и признаковъ, кидалось еще въ глаза (его неотъемлемая черта) знакомство съ высшимъ свѣтомъ,— выраженіе о немъ Француза-Маржерета. Вся Лжедимитріева исторія постоянно же противорѣчитъ такому образу лѣтописнаго Отрепьева и идетъ съ нимъ врозь. Уже при самомъ появленьи у Вишневецкаго,

Мнишка и короля, становится невозможно слить Отрепьевскую біографію въ одно съ біографіею этого загадочнаго лица. Обѣ, не противорѣча себѣ порознь, взаимно уничтожають одна другую. Это—особыя біографіи двухъ совершенно особыхъ лицъ. Невозможно біографію бѣглаго дьякона Отрепьева, извѣстнаго Самозванца Гришку и того Самозванца, который появился предъ Польскимъ королемъ—невозможно, говоримъ, соединить въ одну, какъ бы въ біографію одного лица: сводная, она, кромѣ того, что распадется на двѣ непримиримыя половины, но въ двухъ мѣстахъ поразитъ еще рѣшительною нелѣпостью.

Отрепьевъ, по положительному и не одинъ разъ повторенному показанію лѣтописей, постригся 14-ти лѣтъ. Молодость его и дѣйствительно кидается въ глаза: во всѣхъ монастыряхъ онъ помѣченъ какъ «молодъ сый» и вездѣ же отдается старику подъ началъ; «чернецъ молодъ»—было первымъ впечатлѣніемъ и Варлаама, когда незнакомый Григорій нагналъ старца на Варварской улицѣ и склонялъ къ побѣгу. По несомнѣнному-же показанію, Отрепьевъ, *«распускавшій о Борисѣ злые толки вмѣстѣ съ другими крамольниками»*, принужденъ былъ постричься, избѣгая царскаго гнѣва въ то время, когда были заподозрѣны въ извѣстномъ ковѣ укрывавшіе его Романовы и Черкаскіе. И такъ, постригся онъ никакъ не раньше 1601 года. Значитъ, когда Самозванецъ объявился въ Польшѣ, Отрепьеву было 16 лѣтъ; когда Самозванецъ вступилъ въ Московское государство, 17 лѣтъ. Хотя въ описаніи самозванцева портрета мы сами удержали выраженіе «некрасивое, но довольно моложавое лицо», хотя тутъ мы слѣдовали только увѣренію очевидца Маржерета, что «царевичъ, вступивъ въ Москву, былъ 23-хлѣтнимъ или 24-хлѣтнимъ юношей»: должно однакожъ замѣтить, что Маржеретъ, приводя этотъ счетъ, хочетъ именно выгадать все доказательство объ его молодости; а въ тоже время другой очевидецъ, какъ напр. Петрей, даетъ, напротивъ того, Самозванцу «по крайней мѣрѣ тридцать лѣтъ»,—и сколько бы ни зависила такая сбивчивость показаній отъ лично-произвольнаго впечатлѣнія каждаго, ясно, однакожъ, что Литовскій Самозванецъ не могъ быть ни въ какомъ случаѣ 17-тилѣтній Отрепьевъ.

Кромѣ того, обстоятельно разсказанная біографія бѣглаго Чудовскаго монаха даетъ возможность, если не съ точностію дневника, однакожъ довольно точно, слѣдить за его переходами, особливо-же со дня бѣгства къ Сѣверу. Выбѣжавъ изъ Москвы въ Февралѣ 1602 года, онъ изъ остальныхъ 10-ти мѣсяцевъ его, семь провелъ въ странствіяхъ до Кіева, въ самомъ Кіевѣ и у князя Острожскаго. Около Октября онъ изъ Кіева пропадаетъ; зимніе мѣсяцы Ноябрь, Декабрь, и уже слѣдующаго 1603 года, Январь и Февраль (много если и Мартъ съ

Апрѣлемъ) проводитъ онъ частію въ мѣстечкѣ Гощѣ, частію же неизвѣстно гдѣ. Вскорѣ вновь показываютъ его мѣстопребываніе уже Самозванцемъ у Вишневецкаго. Но тутъ и невозможность. Самозванецъ у Вишневецкаго отличался порядочными манерами, былъ ловкій наѣздникъ, хорошо владѣлъ оружіемъ, говорилъ какъ Полякъ по-польски, писалъ и говорилъ по-латини, отличался образованіемъ даже классическимъ и пр. и пр.; а Отрепьеву, такимъ образомъ, если даже положить съ иными, что онъ ко всему этому приготовился именно въ Гощѣ да между Запорожскими козаками, достанется на все это 4 мѣсяца, или сколько бы мы ни старались преувеличивать, едва семь по самому точному счету мѣсяцевъ: въ концѣ еще 1603 года Самозванецъ вызванъ уже королемъ въ Краковъ, и до сюда отъ перваго помысла вступить въ слуги къ Вишневецкому прошло же сколько нибудь времени!

Притомъ, едва изъ Кіева Отрепьевъ ушелъ въ Гощу, показанія о немъ начинаютъ путаться и сбиваться; замѣчательно свидѣтельство, что тутъ, между прочимъ, онъ водился съ какими-то «католическими монахами»... Вслѣдъ за этимъ, послѣ Святой, онъ, по всеобщему показанію, сгинулъ. Вотъ этотъ-то знаменательный мигъ (по предварительномъ его окруженіи католическими монахами), совершенной пропажи Отрепьева въ Гощѣ не только не обязываетъ дальнѣйше видѣть въ немъ Литовскаго Самозванца, а еще служитъ убѣдительнѣйшею уликой того именно мига, когда одинъ Самозванецъ былъ украденъ изъ міра, а другой выпущенъ въ міръ. Самая пропажа Отрепьева становится еще подозрительнѣе отъ слѣдующаго обстоятельства. Наканунѣ Лжедимитріева появленія у Вишневецкаго, или почти одновременно съ тѣмъ, вдругъ распространяется прежде слухъ, а потомъ доходитъ и фактическое тому доказательство, что Отрепьевъ производитъ волненіе между козаками. Что-жъ сейчасъ оказывается? Это, во 1-хъ, уже кѣмъ-то подставленный Отрепьевъ, монахъ Леонидъ, или еще другой, уже третій. Во-2-хъ, само волненіе между козаками и по всей Литовско-Русской Украйнѣ оказывается организованнымъ слишкомъ въ большихъ размѣрахъ, изобличающихъ никакъ не одного монаха, а многочисленныхъ, какихъ-то могущественныхъ и всюду имѣющихъ связи агентовъ. Распространяютъ всюду несмѣтное множество подметныхъ грамотъ, перевозятъ ихъ и въ глубь Россіи въ мѣшкахъ съ хлѣбомъ, который тогда шелъ изъ Литвы по случаю дороговизны отъ голода; по всѣмъ странамъ Европы, при всѣхъ дворахъ единовременно начинаются агитаціи по поводу «Димитрія»; его собственная домашняя канцелярія сразу оказывается организованной для самыхъ широкихъ, сложныхъ и актуальнѣйшихъ сношеній, даже съ дворами, и пр. и пр.

Пусть на Литовской Украйнѣ тогда дѣйствовалъ монахъ Леонидъ, принявшій только, какъ говорятъ, на себя имя Гришки: это еще больше запутываетъ дѣло. Если и предполагать, что было кому нибудь можно и должно подмѣнить Отрепьева Леонидомъ, то не тогда ли именно подмѣнъ этотъ получаетъ свой наибольшій смыслъ, когда предположимъ, что именно на мѣсто Самозванца Отрепьева былъ выпущенъ Димитрій-*невѣдомо кто*, а истребившіе Отрепьева нуждались еще двойнымъ обманомъ прикрыть и самое это? Куда сгинулъ Отрепьевъ—неизвѣстно; неизвѣстно это тѣмъ больше, что разные свидѣтели сказываютъ его живымъ еще въ царствованіе Шуйскаго. Какой-то монахъ (разсказываетъ одинъ изъ нихъ), заключенный въ Ярославлѣ, въ домѣ Англійской компаніи, услыхавъ о Московской ночи, въ которую убитъ Самозванецъ и о восшествіи на престолъ Шуйскаго, божился и клялся про себя, что онъ Гришка Отрепьевъ и что этого у него никто не можетъ отнять, а что убитый въ мятежѣ былъ истинный царевичъ Димитрій, котораго самъ онъ своими руками и вывелъ изъ Россіи. Вообще, повторяемъ, замѣчательна въ исторіи Самозванца, какъ постоянная молва о какомъ-то «зломъ» монахѣ, который подучалъ его «и открылъ ему все», такъ во всѣхъ же легендахъ о немъ и показаніяхъ уцѣлѣвшая по одному и тому же поводу, постоянно проглядывающая, какая-то двойственность или даже тройственность, а иногда и вовсе сбивающая съ толку какая-то многократность—одного и того же лица.

Годуновъ въ первыя минуты появленія Литовскаго Самозванца думалъ: не настоящій ли это Димитрій. Онъ вызвалъ сейчасъ же Маѳу въ Москву и умолялъ, заклиналъ ее подтвердить истину. Охотно вѣримъ такому всеобщему свидѣтельству современниковъ. Ради всѣхъ основъ человѣческой души и вѣры въ человѣческое достоинство, онъ долженъ былъ полагать, что тутъ не скрывается столь святотатственнаго обмана и долженъ былъ для себя лично желать, чтобы то былъ настоящій Димитрій. Явленіе тогда истиннаго Димитрія только въ конецъ смыло бы съ его души самый даже незначущій полунамекъ на какую-то неискренность въ его отношеніяхъ къ святому младенцу; онъ могъ бы еще торжественно, передъ всѣмъ міромъ, съ престола шагнуть опять въ монастырь, и для него довольно было бы его бурной, чрезвычайной жизни. Смѣна законнаго законнѣйшимъ могла бы еще совершиться безкровно *), и міръ остался бы лишь свидѣтелемъ одного лишняго событія, которыя дивятъ міръ. Но подлогъ, но появ-

---

*) Намеки на то постоянно проглядываютъ въ исторіи за ту минуту.

леніе Самозванца—безповоротно осуждали Бориса. Когда же стало подлинно извѣстно, что во всей этой преступно-задуманной игрѣ имя Димитрія дѣйствительно только святотатственная кража, что это безсовѣстнѣйше-наглый обманъ—Борисъ всю Русь поднялъ на ноги противъ Самозванца, а самъ, парализованный душевно и тѣлесно, лишился силъ. Когда открылось, что будто еще само колдовство замѣшалось во все это дѣло, и неимовѣрная какая-то сила тутъ двигала всѣмъ, и недоумѣнье великое открылось въ людяхъ, и самъ царь, по выраженію одного современника, не переставалъ до конца раздумывать, чтобы это значило.... кровь хлынула носомъ у Годунова и, почти въ виду допущенныхъ къ аудіенціи пословъ, онъ упалъ какъ мертвый. Часъ, другой—онъ уже и былъ мертвъ. Между современниками ходили разные толки о его смерти: что онъ принялъ ядъ (легко угадать чувство, подсказавшее современникамъ такое подозрѣніе), что его отравилъ Отрепьевъ или преданные Самозванцу бояре. И съ него, и съ нихъ охотно снимаемъ эту лишнюю охулку. Что довольно было его душевныхъ мученій для того, чтобы пресѣчь его жизнь—это несомнѣнно.

Н. М. Павловъ.

*

Выше-напечатанная „Правда о Лжедимитріи" первоначально была помѣщена въ 1864 году въ газетѣ „День", издававшейся И. С. Аксаковымъ. Въ то время, какъ Иванъ Сергѣевичъ уже сдалъ рукопись для печати, получилъ онъ изъ Петербурга только что вышедшую брошюру: „Кто былъ первый Лжедимитрій?" Это была докторская диссертація Н. И. Костомарова. Почтенный профессоръ, такимъ образомъ, и авторъ „Правды о Лжедимитріи" одновременно сошлись на одной и той же темѣ.

Какъ редактору „Дня", такъ и самому автору казалось уже неловкимъ обойти молчаніемъ только что огласившееся мнѣніе такого выдающагося ученаго, какимъ былъ г. Костомаровъ. Поэтому, печатаніе „Правды о Лжедимитріи" на нѣсколько нумеровъ тогда задержалось въ газетѣ, притомъ самая статья появилась въ ней съ соотвѣтственнымъ предисловіемъ на счетъ новой брошюры и съ нѣкоторыми подстрочными примѣчаніями, именно для г. Костомарова. Мы помѣстили статью, удержавъ первоначальную ея редакцію, въ томъ самомъ видѣ, какъ она была прислана И. С. Аксакову, когда еще брошюра г. Костомарова не вышла въ свѣтъ. Въ №№ 51 и 52 газеты *День* 1864 года „Правда о Лжедимитріи" начиналась, какъ слѣдуетъ ниже. П. Б.

Предлагаемая статья была уже сдана въ типографію газеты *День* и набиралась въ ближній нумеръ, какъ мы получили брошюру г-на Костомарова: „Кто былъ первый Лжедимитрій?" Наши мнѣнія на этотъ счетъ могли, вопервыхъ, совершенно сходиться; мнѣніе Петербуржскаго профессора, вовторыхъ, могло точно также предъявить данныя и для опроверженія нашей мысли. Но мы теперь прочитали брошюру г-на Костомарова и ни одного слова изъ собственнаго нашего разсужденія о Лжедимитріи не беремъ назадъ. Въ нѣкоторыхъ положеніяхъ мы дѣйствительно сходимся; но

именно послѣ софизма г-на Костомарова на счетъ Отрепьева, наше собственное мнѣніе о Самозванцѣ представляется намъ, сколько можемъ судить, вполнѣ умѣстнымъ и едва-ли не наиболѣе доказаннымъ.

Вопросъ о Лжедимитріи, можно сказать, имѣетъ у насъ цѣлую литературу, если не богатую, однакожъ довольно полную. Для незнакомыхъ со всѣми трудностями этого вопроса и съ ходомъ самой полемики по этому предмету, скажемъ кратко, въ чемъ тутъ дѣло. Лжедимитрій, вышедшій изъ Польскихъ владѣній и коронованный въ Москвѣ, съ одной стороны, какъ своей наружностью, манерами, всѣмъ поведеніемъ, такъ еще и политическими стремленіями, образованіемъ, наконецъ всѣмъ своимъ историческимъ характеромъ, постоянно наводитъ на мысль о себѣ, что онъ никакъ не сознательный обманщикъ, что онъ кто-то другой, *„нѣкто подставной“*, какъ выразился объ немъ митрополитъ Платонъ, а ничуть не Гришка. Съ другой стороны, существуютъ неопровержимыя свидѣтельства, что около того времени, какъ появиться Самозванцу, проживалъ въ Москвѣ мелкаго Галицкаго дворянина сынъ, Григорій Отрепьевъ; безпутный и подозрительный во всѣхъ отношеніяхъ, онъ разглашалъ о себѣ, что онъ царевичъ Димитрій, сулилъ себѣ скорое царствованіе и для достиженія такой карьеры, дѣйствительно, изъ Москвы побѣжалъ въ Польшу.

Вотъ двѣ стороны одного и того же дѣла. Ясно, вопервыхъ, что тутъ нѣтъ еще никакого логическаго основанія для окончательнаго вывода, что тотъ Самозванецъ, который царствовалъ на Москвѣ и этотъ, который только на Москвѣ заготовлялся, во что бы то ни стало, одно и тоже лицо. Ясно, вовторыхъ, что нѣтъ же никакой надобности и отвергать біографію одного Самозванца непремѣнно на счетъ другаго, какъ будто это не могутъ быть двѣ особыя біографіи, одинаково достовѣрныя, двухъ совершенно разныхъ лицъ. Однакожъ, первую ошибку повторяютъ всѣ, безъ исключенія, наши историки, писавшіе о Лжедимитріи до г-на Костомарова; а вторую дѣлаетъ самъ г-нъ Костомаровъ въ своей брошюрѣ. Вопросъ о Лжедимитріи, такимъ образомъ, у насъ представляется колеблющимся у всякаго автора по своему. Никакъ не напавъ до сихъ поръ на истинный слѣдъ Самозванца, а постоянно только кружась возлѣ него, каждый изъ нихъ настолько вноситъ свѣта и новыхъ опредѣлительныхъ чертъ въ свое изображеніе Самозванца, насколько еще самъ тутъ же невольно и затемняетъ его, вслѣдствіе вѣчно одной и той же главной, нами сейчасъ указанной, ошибки. Развивая нашу собственную мысль о Самозванцѣ, мы не станемъ прерывать плавности разсказа ссылками и сносками на всѣ такія разнорѣчія. Все, что представлялось намъ невѣрнымъ въ книжкѣ г-на Костомарова, укажемъ въ своемъ мѣстѣ, въ выносках. Что касается до мнѣній остальныхъ писателей по этому предмету, отъ Карамзина до г-на Соловьева включительно, мы предполагаемъ ихъ извѣстными.

Вслѣдъ за тѣмъ начинался текстъ, и въ разныхъ его мѣстахъ сдѣланы были слѣдующія подстрочныя примѣчанія въ выноскахъ. Въ мѣстѣ, гдѣ говорится о крамолѣ Бѣльскаго, было вставлено:

Первое примѣчаніе: „Г-нъ Костомаровъ полагаетъ Бѣльскаго однимъ изъ главныхъ заводчиковъ Самозванца. Прямаго подтвержденія на это нѣтъ въ источникахъ. Довольно уже того, что въ его смутномъ дѣлѣ проглянули несомнѣнныя черты потомъ разразившейся боярской интриги; на нихъ мы и указываемъ".

Второе примѣчаніе: „Что въ такъ называемомъ дѣлѣ *бояръ Романовыхъ* явно проглядываетъ солидарность съ заготовляющимся явленіемъ Самозванца—это-то, страннымъ образомъ, и проглядываетъ г-нъ Костомаровъ".

Третье примѣчаніе: „Для г-на Костомарова, который не хочетъ вѣрить, что Гришка Отрепьевъ былъ обвиненъ въ самозванствѣ, и патріархомъ, и Борисомъ, не безъ достаточнаго основанія, слѣдуетъ по крайней мѣрѣ отмѣтить подлинное выраженіе Бэра, что Гришка „наравнѣ съ другими крамольниками распространялъ злые толки о Борисѣ".

Четвертое примѣчаніе по поводу посольства въ Польшу роднаго дяди Гришки, *Смирнаго Отрепьева*, чье имя бояре даже скрыли въ грамотахъ: „Г-нъ Костомаровъ самое *отсутствіе имени гонца* принимаетъ за достаточный поводъ отвергать это посольство, какъ изобличающее Григорья Отрепьева. Но при нашемъ объясненіи Самозванца, опущеніе имени Отрепьева боярами въ этомъ случаѣ получаетъ свой наибольшій смыслъ".

Пятое примѣчаніе: „Еслибъ г-нъ Костомаровъ вообще отвергалъ письмо, будто писанное самимъ Самозванцемъ къ Борису, мы никакъ не согласились бы съ нимъ; но онъ опровергаетъ лишь эту „его Польскую редакцію". При нашемъ объясненіи нѣтъ никакого основанія опровергать и самое это".

*

Какъ только „Правда о Лжедимитріи" появилась, г-нъ Костомаровъ далъ объ ней отзывъ въ 1865 г. въ газетѣ *Голосъ*, № 30, на что авторъ „Правды о Лжедимитріи" возразилъ немедленно въ томъ же году въ газетѣ *День*, въ № 6. Г-нъ Костомаровъ вторично возразилъ въ *Голосѣ* въ № 56; на это послѣдовалъ ему новый отвѣтъ автора въ газетѣ *День* № 15; и на этомъ полемика окончилась. Перепечатавъ въ нашемъ изданіи статью, подавшую поводъ къ этой полемикѣ, мы прилагаемъ тутъ же самую эту полемику, какъ потому, что безъ того не доставало бы статьѣ ея естественнаго добавленія, такъ и въ силу изъявленнаго на то согласія самого г-на Костомарова, о чемъ ниже въ своемъ послѣсловіи упоминаетъ авторъ. П. Б.

СТАТЬЯ Н. И. КОСТОМАРОВА.

По вопросу о личности перваго Самозванца и Гришки Отрепьева.

Въ ряду статей, появившихся въ послѣднее время по отечественной исторіи, не должна пройти безъ вниманія статья г. Павлова, напечатанная въ „Днѣ“: „Правда о первомъ Лжедимитріи“. Эта статья замѣчательна по таланту, который такъ и свѣтится отъ первой строчки до послѣдней—а талантъ въ нашей литературѣ, въ настоящее время, все равно, что дождь въ засуху. Тѣмъ неменѣе, однако, надобно сознаться, что этотъ талантъ употребленъ на защиту произвольнаго мнѣнія, лишеннаго неоспоримыхъ научныхъ доказательствъ и, потому, невыдерживающаго критики. Г. Павловъ проводитъ о первомъ Лжедимитріи такую догадку. Враги Бориса хотѣли подстроить ему Самозванца подъ именемъ Димитрія, и нашли его въ Гришкѣ Отрепьевѣ; но когда его выпустили изъ Московскаго государства и ожидали, какъ онъ явится съ именемъ Димитрія ниспровергать тронъ Бориса—вдругъ, неожиданно для нихъ, является совсѣмъ другое лицо съ тѣмъ же именемъ; лицо это было твореніе хитрыхъ іезуитовъ, которые устроили такой ковъ для того, чтобъ, посредствомъ подготовленнаго и въ ихъ духѣ воспитаннаго лжецаревича, ввести католичество въ Россію. Вотъ смыслъ статьи г. Павлова. Затѣмъ, все, что встрѣчается въ характерѣ Самозванца и другихъ прикосновенныхъ къ его исторіи лицъ такого, что противорѣчить можетъ его іезуитству, г. Павловъ объясняетъ хитростію и притворствомъ. На какомъ же основаніи почтенный и талантливый авторъ хочетъ, во что бы то ни стало, сдѣлать іезуитовъ творцами нашего Самозванца? На томъ, что іезуиты способны были на такую продѣлку, и слѣдовательно это могло быть. Но если они были на то способны, то изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ они непремѣнно и сдѣлали это, и эластическому *можетъ быть* всегда съ равною силою можно противопоставить *можетъ не быть*. Пусть бы г. Павловъ считалъ за своимъ мнѣніемъ нѣкоторую степень вѣроятія, нѣтъ! онъ увлекается до того, что считаетъ его несомнѣнною истиною. А мы увѣрены, что если г. Павловъ посмотритъ на свое мнѣніе хладнокровнѣе, то самъ скажетъ, что оно очень сомнительно. Самозванство въ Московскомъ государствѣ было подъ руку іезуитамъ—правда; іезуиты спѣшили воспользоваться явленіемъ Самозванца—и это правда. Но изъ этого слѣдуетъ только, что іезуиты умѣли употреблять въ свою пользу представлявшіеся имъ случаи; но слѣдуетъ ли изъ этого, что они непремѣнно должны быть устроителями и творцами всѣхъ случаевъ, которые имъ были полезны? Вѣдь іезуиты, ухватившись за Димитрія, которому нужно было содѣйствіе къ достиженію престола, точно также ухватились бы за десять другихъ случаевъ совсѣмъ иного рода, лишь бы проникнуть въ Московское государство. Таковъ ли фактъ явленія Самозванца, чтобъ его могли

создать одни іезуиты? Нѣтъ; самъ г. Павловъ говоритъ противное, полагая, что разомъ творилось двое фальшивыхъ Димитріевъ: одного готовили въ Москвѣ враги Годунова, другаго—іезуиты. Слѣдовательно, не одни іезуиты были способны работать Самозванцевъ. Былъ ли нашъ Самозванецъ первый въ своемъ родѣ? Нѣтъ; въ Молдавіи ихъ было до того времени, одинъ за другимъ, пять, и всѣ они находили себѣ помощь въ Украйнѣ, гдѣ нашелъ себѣ ее и нашъ Лжедимитрій; не іезуиты, однако, творили Молдавскихъ! Желательно знать, какъ бы отвѣтилъ намъ г. Павловъ, еслибъ мы ему сказали: положимъ, что приготовленный врагами Бориса Самозванецъ не имѣлъ успѣха, и вмѣсто его явился другой; но почему же вы знаете, что этотъ другой былъ подстроенъ іезуитами? Можетъ быть, онъ подготовленъ другимъ враждебнымъ Борису кружкомъ, не знавшимъ о подготовкѣ перваго? Вѣдь у Бориса было много враговъ; а такое дѣло, какъ подготовка Димитрія, было дѣло тонкое; его нужно было производить въ большой тайнѣ, объ этомъ знать могло нѣсколько лицъ; что же дивнаго, если въ одно и тоже время готовилось въ Москвѣ двое Димитріевъ, и творцы ихъ не знали взаимныхъ трудовъ для одной и той же цѣли? А вы, г. Павловъ, непремѣнно одного изъ нихъ хотите сдѣлать іезуитскимъ твореніемъ!

Г-нъ Павловъ, для подтвержденія своей любимой мысли, прибѣгаетъ къ самому некритическому способу пользованія источниками и готовъ опираться на всякое произвольное искаженіе фактовъ, какое ему попадается въ книгахъ, лишь бы это служило ему въ пользу. Вотъ онъ указываетъ на мнѣніе митрополита Платона, который упирался на Гофмановъ Лексиконъ, изданный почти чрезъ столѣтіе послѣ Самозванца—какъ будто это источникъ первой руки! Мысль о томъ, что Самозванецъ подстроенъ іезуитами существовала ранѣе и, по всей вѣроятности, явилась у протестантовъ, которые, изъ злобы къ іезуитамъ, готовы были клеймить ихъ всевозможнѣйшими способами, точно также какъ іезуиты протестантовъ. Подобную мысль мы встрѣчаемъ у Шведа Шаума, современника описываемой эпохи: онъ не считаетъ Самозванца воспитанникомъ іезуитовъ, онъ признаетъ его Гришкою Отрепьевымъ, но замыселъ назваться царевичемъ Димитріемъ приписываетъ іезуитамъ. Въ началѣ XVII вѣка, между прочими способами толкованія, кто была загадочная личность подъ именемъ Московскаго царевича, было въ ходу подозрѣніе, не воспитанъ ли и не подготовленъ ли онъ іезуитами. На существованіе этого подозрѣнія указываетъ и Маржеретъ, посвятившій нѣсколько страницъ опроверженію этого подозрѣнія. Намъ кажется, вмѣсто того, чтобъ подтверждать свои догадки примѣромъ митрополита Платона и Гофмана, г. Павлову слѣдовало бы прослѣдить всѣ раннія извѣстія, показывающія существованіе мнѣнія объ іезуитизмѣ Лжедимитрія, показать степень достовѣрности источниковъ, заключающихъ въ себѣ эти мнѣнія, и тогда уже приступить къ изложенію собственнаго мнѣнія по этому поводу.

Г-нъ Павловъ говоритъ, что исповѣдникъ Лжедимитрія, первый сказавшій другимъ, что онъ истинный царевичъ—былъ іезуитъ; г. Павловъ, конечно, разумѣетъ здѣсь священника, который исповѣдывалъ больнаго

или притворившагося больнымъ Самозванца въ домѣ Адама Вишневецкаго. Но пусть г. Павловъ переберетъ всѣ варіанты этого сказанія: онъ найдетъ, что во многихъ онъ называется священникомъ православной вѣры, а въ нѣкоторыхъ—Латинской, но, очевидно, по незнанію. Здравая критика заставляетъ признать этого священника православнымъ. Вѣдь князь Адамъ Вишневецкій былъ православной вѣры и даже заявилъ себя противодѣйствіемъ Уніи. Съ какой стати быть у него во дворѣ іезуиту? И съ какой стати претенденту на званіе Московскаго царевича, въ домѣ православнаго пана, призывать іезуита? Вѣдь если допустить, что онъ желалъ со временемъ ввести католичество въ Московскомъ государствѣ, то всетаки надобно признать, что онъ, до поры до времени, сохранялъ это намѣреніе втайнѣ отъ православныхъ, и заявить объ немъ съ самаго начала въ православномъ домѣ значило подвергать опасности собственный замыселъ: изъ православнаго двора вѣсть понеслась бы по Украйнѣ, зашла бы въ Московское государство и, вмѣстѣ съ слухомъ о спасеніи Димитрія, понесся бы слухъ о томъ, что этотъ Димитрій принялъ Латинскую вѣру. Безъ сомнѣнія, замѣнили православнаго священника въ домѣ Вишневецкаго Латинскимъ, да еще іезуитомъ, тѣ, которые не знали, что Вишневецкіе въ тѣ времена были паны православные.

Г-нъ Павловъ говоритъ, что іезуиты свели Самозванца съ Мнишкомъ. Откуда это? Сколько извѣстно, къ Мнишку привезъ Самозванца Константинъ Вишневецкій, также панъ православной вѣры, какъ и братъ его Адамъ. Откуда знаетъ г. Павловъ, что Мнишекъ славился дружествомъ съ іезуитами болѣе всѣхъ пановъ? Если у г. Павлова есть неизданныя біографическія свѣдѣнія о Мнишкѣ, то не дурно было бы подѣлиться ими со всѣми нами. А изъ тѣхъ данныхъ, которыя намъ извѣстны, и особенно изъ писемъ самого Мнишка, видно, что онъ, хотя былъ вѣрный сынъ римско-католической церкви, но меньше думалъ о какихъ либо всесвѣтныхъ замыслахъ іезуитовъ, чѣмъ объ устройствѣ своихъ семейныхъ, домашнихъ и финансовыхъ дѣлъ. Дочь свою Урсулу онъ выдалъ за православнаго и не обратилъ его чрезъ то въ католичество. Это не показываетъ въ немъ фанатика. Г-нъ Павловъ говоритъ, что Самозвенецъ написалъ первый письмо къ папѣ, и при томъ собственноручно. Въ томъ-то и дѣло, что не онъ обратился первый къ папѣ, а папа къ нему *).

Г-нъ Павловъ не хочетъ видѣть тѣхъ обстоятельствъ, которыя противорѣчатъ его любимой мысли объ іезуитствѣ Самозванца. Это, вопервыхъ —его медленность и равнодушіе ко введенію католичества, вовторыхъ — его незнаніе Латинскаго языка. Первое у г. Павлова объясняется осторожностію, второе – притворствомъ. Что касается перваго, то естественно было Самозванцу соблюдать осторожность съ своими подданными, но не было ему причины быть осторожнымъ по отношенію къ папѣ, нунцію въ Польшѣ и вообще по отношенію ко всѣмъ, желавшимъ введенія католичества въ Московщинѣ. А между тѣмъ и папа, и нунцій, и кардиналы обвиняли его

*) Это мы узнаёмъ изъ неизданныхъ писемъ, за сообщеніе которыхъ приносимъ благодарность почтенному библіотекарю Императорской Публичной Библіотеки, г. Минцлову.

за медленность и неискренность въ этомъ дѣлѣ, и не довѣряли ему. Когда, вопреки ожиданіямъ католиковъ, полагавшихъ надежды на бракъ его съ Мариною, Лжедимитрій, напротивъ, потребовалъ, чтобъ папа дозволилъ Маринѣ исполнять обряды Греческой вѣры и соблюдать обычаи той земли, куда она вступила царицею, папа не дозволилъ ей этого, а кардиналъ Боргезе объяснялъ нунцію въ Польшѣ причину недозволенія: чтобъ не дать Димитрію повода оправдывать свое упорство. Ясно, что католическая церковь не довѣряла ему, и даже стала терять на него надежду. Папа укорялъ его за сообщество съ протестантами, что̀ и дѣйствительно было: его домашній секретарь Бучинскій былъ протестантъ; царь не только предоставлялъ протестантамъ отправлять свободно богослуженіе, но дозволилъ протестантскому пастору говорить проповѣди въ Кремлѣ. Его отзывы о религіи, возмущавшіе Московское благочестіе, скорѣе отзываются религіозною терпимостію и вообще вольнодумствомъ, чѣмъ исключительною преданностію папизму; онъ оказывалъ католикамъ благосклонность не потому, что предпочиталъ ихъ вѣру другимъ вѣрамъ, а потому, что принялъ принципъ равенства убѣжденій и свободы совѣсти. Этихъ идей онъ, конечно, набрался въ Польшѣ, почерпнувъ ихъ изъ духа старой Польши, которую тогда уже перевоспитывали на новый ладъ іезуиты. Еслибъ Димитрій былъ лицо, приготовленное съ дѣтства къ своей роли, для чего ему въ письмахъ къ папѣ ограничиваться общими выраженіями преданности, почему не высказать явно и рѣзко рѣшимости поступать по волѣ папы? Почему онъ не давалъ папѣ отчета въ своихъ дѣйствіяхъ и не представлялъ проектовъ объ удобнѣйшемъ введеніи католичества или Уніи? Г. Павловъ думаетъ, что Лжедимитрій зналъ по-латини и только притворялся незнающимъ. Странно! Притворялся! Предъ кѣмъ? Предъ Москвичами, для которыхъ все равно было, что̀ инператоръ, что́ императоръ? Нѣтъ! его ошибочная подпись „in Perator“ находится въ писаніи къ Мнишку—передъ нимъ ему незачѣмъ было притворяться не знающимъ по-латини; да притомъ же есть въ другомъ письмѣ къ Мнишку его же подпись правильная: Demetrius intimus filius et amicus. Почему въ этой подписи онъ не притворился незнающимъ, когда она въ письмѣ къ тому же самому лицу, къ которому было писано то письмо, гдѣ онъ подписался неправильно? Не скорѣе ли ошибка его объясняется такимъ образомъ: Лжедимитрій мороковалъ кое-что по-латини, да не твердо; когда пришлось подписаться императоромъ, въ памяти его сбились правила Латинской орѳографіи; зналъ онъ, что много словъ начинаются съ предлога in; показалось ему въ то время, что титулъ императора составленъ съ этимъ предлогомъ, и подмахнулъ онъ in Perator, да еще предлогъ отставилъ, букву P написалъ прописной, воображая, что слово императоръ двойное и существуетъ безъ предлога in одно—Perator. Ошибка чисто школьника, не твердо выучившаго чужой языкъ. Что касается подписи *Демеустри*, то подпись эта очень неразборчива, и мы не беремся теперь объяснять ее. Но кто говоритъ о свѣдѣніяхъ Лжедимитрія въ Латинскомъ языкѣ? Г. Павловъ ссылается на Де-Ту. Да развѣ Де-Ту видалъ его, говорилъ съ нимъ? Вѣдь почтенный Французъ руководствовался только

тѣмъ, что другіе ему передавали, и часто просто молвою. Точно также Вассенбергъ, увѣряющій, что Димитрій зналъ хорошо по-латини и научился этому языку въ Ливоніи, не былъ лично знакомъ съ Самозванцемъ. Какъ не повѣрить скорѣе Маржерету, который былъ близокъ къ нему и который положительно увѣряетъ, что онъ былъ плохой знатокъ латини, или почти ничего не зналъ?

Что касается предположенія, будто враги Бориса подготовляли ему Димитрія и этотъ подготовляемый былъ—Гришка Отрепьевъ, то здѣсь представляются намъ слѣдующія несообразности. Вопервыхъ, лицо это было черезчуръ извѣстно въ Москвѣ. Онъ вѣдь былъ у патріарха Іова; иностранцы говорятъ, что онъ находился у него въ качествѣ домашняго секретаря. Русскія повѣствованія, согласно съ этимъ, говорятъ, что онъ, живя у Іова, *съ нимъ въ думу царскую хождаше.* Если враги Бориса задумали свергнуть его съ престола, подставивъ ему Димитрія, то, безъ сомнѣнія, могли найти для этой цѣли лицо, которое бы не стояло до такой степени на виду, какъ Гришка Отрепьевъ. Тысячи народа могли перебывать у патріарха во дворѣ, видѣть Гришку и признать его въ лицо. Притомъ, еслибъ Гришка, будучи въ Москвѣ, проявилъ свои самозванническія наклонности и бѣжалъ вслѣдствіе необходимости спасать себя отъ преслѣдованія властей, то объ этомъ было бы сказано въ патріаршей грамотѣ; а также и въ переговорахъ бояръ съ Польскими панами, они упомянули бы объ этомъ обстоятельствѣ. Гришка былъ подозрѣваемъ въ чернокнижествѣ, и оттого убѣжалъ.

Г. Павловъ укоряетъ меня: зачѣмъ я не предалъ важности извѣстію хроники Буссова, что Гришка распускалъ злые слухи о Борисѣ въ числѣ другихъ? Я отвѣчу на это: потому, что не считаю этого обстоятельства важнымъ по отношенію къ вопросу о личности перваго Самозванца, кѣмъ бы послѣдній ни былъ. Мало ли кто въ то время худо отзывался о Борисѣ, иногда поплачиваясь за неосторожность? Не за это хотѣли схватить Гришку, а за вѣдомое знакомство съ бѣсами. Хроника Буссова тутъ, можетъ-быть, ошиблась. На Гришку Отрепьева, какъ на козла отпущенія, взвалили грѣхъ Самозванца потому, что нужно было, во что бы то ни стало, назвать народу собственнымъ именемъ лицо, принявшее на себя имя Димитрія. Такіе люди, какъ Борисъ, Іовъ и ихъ клевреты, способны были выдумать на Гришку самозванство; но мы думаемъ, что они сами повѣрили, что Самозванецъ, явившійся подъ именемъ Димитрія и шедшій изъ Польской Украйны въ предѣлы Московскаго государства, былъ Гришка. Трое бродягъ, которымъ, ради собственной шкуры, полезно было наговорить что нибудь о явившемся Димитріи, объявили его Гришкою. Патріархъ и духовныя особы знали о Гришкѣ, что онъ чернокнижникъ, съ бѣсами за панибрата и убѣжалъ въ Польшу: какъ же не быть ему способнымъ на такую бѣсовскую продѣлку?

Неудачный выборъ имени способствовалъ гибели Годуновыхъ. Россія отступала отъ нихъ, по мѣрѣ того, какъ обманъ исчезалъ, и оказывалось, что пришедшій подъ именемъ Димитрія вовсе не Гришка. Самозванецъ

сѣлъ на престолъ Московскаго государства и смѣло глядѣлъ въ лицо народу, безопасно ходилъ по улицамъ одинъ самъ-другъ, чего до него не дѣлалъ ни одинъ царь, довѣрчиво принималъ два раза въ недѣлю просьбы отъ Московскаго народа. Ему бояться было нечего: Гришка, за котораго его выдавали, былъ съ нимъ; онъ присталъ къ нему въ Польскихъ владѣніяхъ, какъ вообще приставали изгнанники, служилъ ему и былъ ему необходимѣе, чѣмъ кто-нибудь. Понятно, что когда этотъ Гришка находился на лицо въ Москвѣ, Самозванцу легко было отдать вопросъ о своей личности на сужденіе лицъ всѣхъ сословій; по дѣлу Василія Шуйскаго понятно, почему судьи должны были осудить Шуйскаго: Гришка былъ на лицо, и царь, очевидно, могъ доказать, что онъ не тотъ, за котораго его хотѣли выдать. Пьяное и безпутное поведеніе Гришки Отрепьева стало невыносимо: по свидѣтельству Маржерета, Самозванецъ сослалъ его въ Ярославль. Это была одна изъ важныхъ ошибокъ самозванцева легкомыслія. Ему слѣдовало, во что бы то ни стало, держать этого забулдыгу въ Москвѣ. Самозванца убили, и снова провозгласили его Гришкою. Настоящаго Гришку въ Ярославлѣ поспѣшили отправить туда, откуда онъ не могъ болѣе своимъ присутствіемъ заявлять, что царь, теперь уже убитый, былъ не Гришка. Но какъ же, спросятъ, Москвичи-то послѣ того повѣрили, что надъ ними царствовалъ Гришка, когда настоящаго показывали народу? Увѣрили народъ, что тутъ Гришка, усѣвшись на престолѣ, при помощи сатаны, подставилъ вмѣсто себя другаго... кого? Этого, кажется, хорошенько не выучили: кто говорилъ—Пимена, кто говорилъ—Леонида. Знавшіе Гришку прежде, когда онъ находился еще въ патріаршемъ дворѣ, конечно, должны были замѣтить сходство между тѣмъ, который нѣкогда занимался книжнымъ письмомъ и съ патріархомъ *въ думу царскую хождаше* и между тѣмъ, кого показывалъ народу царь, вошедшій въ Московское государство подъ именемъ Димитрія. Но вѣдь Гришка былъ чернокнижникъ, вѣдунъ, и поэтому легко могъ отвести глаза людямъ и навести на всѣхъ такой туманъ, что Леонидъ или Пименъ сталъ показываться Гришкою Отрепьевымъ. Такъ, вѣроятно, и утвердилось на Руси мнѣніе, будто царствовавшій подъ именемъ Димитрія былъ Гришка Отрепьевъ, а тотъ, котораго онъ показывалъ подъ именемъ Гришки Отрепьева—былъ иной.

Такъ мы понимаемъ значеніе Гришки Отрепьева на основаніи современныхъ указаній, и если Самозванецъ не былъ Гришка Отрепьевъ (въ чемъ мы сходимся съ г. Павловымъ), то мысль о томъ, что Гришка Отрепьевъ бѣжалъ изъ Москвы съ внушеннымъ ему врагами Бориса намѣреніемъ—назваться Димитріемъ, столь же мало выдерживаетъ критику, какъ и то, что царствовавшій подъ именемъ Димитрія былъ предуготовленное заранѣе орудіе іезуитской пропаганды.

Отвѣтъ Н. М. Павлова Н. И. Костомарову.

Наша историческая замѣтка „Правда о Лжедимитріи" (напечатанная въ „Днѣ" №№ 51 и 52), обратила на себя вниманіе г-на Костомарова. Въ 30-мъ нумерѣ „Голоса" этотъ нашъ извѣстный ученый дѣлаетъ объ ней лестный отзывъ. Не отвѣчать Петербуржскому профессору, какъ согласится всякій, кто прочиталъ замѣтку г-на Костомарова, было бы съ нашей стороны не простительно уже въ смыслѣ простой учтивости. Но г-нъ Костомаровъ находитъ еще, что тѣмъ не менѣе талантъ, съ которымъ, по его словамъ, эта статья написана, „употребленъ на защиту произвольнаго мнѣнія, лишеннаго неоспоримыхъ научныхъ доказательствъ"; прямѣе говоря: г-нъ Костомаровъ предпочитаетъ свое собственное мнѣніе о Самозванцѣ и опять возвращается къ своему любимому софизму на счетъ Отрепьева. Отвѣчать уважаемому профессору послѣ того становится уже для насъ обязательно въ томъ смыслѣ, что иначе мы прямо бы уклонились отъ диспута.

Выписавъ наши слова о томъ, что Самозванца съ Мнишкомъ свели іезуиты, г-нъ Костомаровъ дивится и спрашиваетъ: „Откуда это?" Вотъ единственное съ его стороны возраженіе; другихъ возраженій, строго говоря, нѣтъ никакихъ въ замѣткѣ г-на Костомарова: читатель увидитъ, что все остальное, имъ приводимое противъ насъ, или не имѣетъ ровно никакого отношенія къ тому, чтò мы сказали или даже служитъ тому подтвержденіемъ. Мы жалѣемъ только объ одномъ, жалѣемъ, что лишь однимъ этимъ спросомъ и ограничиваетъ г-нъ Костомаровъ всѣ свои возраженія. Спросовъ на цитаты мы ничуть не боимся; если мы въ своемъ дидактическомъ изложеніи событія избѣгали всякихъ ссылокъ и выносокъ, то никакъ не произвольность нашего о немъ мнѣнія была тому причиной. Со стороны тѣхъ, кто незнакомъ съ источниками и не изучалъ непосредственныхъ памятниковъ эпохи, мы лучше хотѣли подвергнуться обвиненію въ дилетантизмѣ, чѣмъ въ педантствѣ. Кто, напротивъ того, сотни разъ читалъ и перечитывалъ эти памятники, сличая и провѣряя ихъ другъ съ другомъ, тотъ, надѣялись мы, безъ всякихъ съ нашей стороны указаній, будетъ поминутно видѣть откуда чтò мы брали. Въ каждой нашей строкѣ, думали мы, такой желанный цѣнитель будетъ только угадывать знакомыя и презнакомыя для себя строки самихъ памятниковъ, самихъ источниковъ. Если, наконецъ, въ чемъ нибудь и полагали мы видѣть какой-нибудь „талантъ" въ статьѣ „Правда о Лжедимитріи", такъ въ томъ именно, что въ этой статьѣ нѣтъ ни одного періода, который бы не былъ только простымъ перифразисомъ самихъ источниковъ, или не былъ бы, такъ сказать, кристализованъ изъ двухъ-трехъ подлинныхъ выраженій, тщательно между собою сличенныхъ. Это до такой степени справедливо, что даже тѣ мѣста или, по крайней мѣрѣ, тѣ отдѣльныя фразы, которыя оказывались по тщательномъ разборѣ вѣрными и у нашихъ новѣйшихъ историковъ, мы не

отказывались вносить въ свой трудъ почти безъ измѣненій, не находя нужнымъ передѣлывать того, что уже разъ было хорошо сдѣлано.

Наше мнѣніе о Самозванцѣ (г-нъ Костомаровъ передаетъ его не слишкомъ вѣрно) состоитъ вотъ чемъ. Дѣло съ первымъ Лжедимитріемъ, говоримъ мы, цѣлая интрига, интрига сложная и запутанная. Повидимому она заразъ завязывалась съ двухъ разныхъ сторонъ; заводится она на Москвѣ боярами, заводилась въ тоже время или еще и ранѣе, на Литвѣ иными заводчиками; какъ тѣ, такъ и другіе заводчики притомъ, повидимому, другъ съ другомъ солидарны; вся суть интриги однакожъ подъ конецъ всего въ томъ и оказывается, что Литовскіе заводчики тутъ перехитрили; въ этой съ двухъ сторонъ хитрой и нечистой игрѣ Литва съ самаго начала хитрѣй и нечище играла. Бояре, довѣрясь двуличнымъ пріятелямъ, заводили на Москвѣ своего Самозванца никакъ не для того, чтобы онъ и въ самомъ дѣлѣ царствовалъ, а единственно, чтобъ пошатнуть престолъ Бориса; ясное дѣло, что при такой ограниченной цѣли имъ всякій „забулдыга“ былъ на руку, и запроса на героя, который былъ бы не въ шутку способенъ или достоинъ вѣнчаться вѣнцомъ Мономаха—тутъ нѣтъ и не было. Литва, напротивъ того, изготовляла своего собственнаго Самозванца для цѣлей болѣе широкихъ; ей нужно было именно то, чтобы ея Самозванецъ царствовалъ; она, пользуясь боярскимъ заводомъ Самозванца и плодимой имъ вѣрой въ Димитрія, до времени только загребала жаръ чужими руками. Когда приспѣло время, Литовскіе заводчики украли боярскаго Самозванца изъ міра, а своего выпустили въ міръ; они, на мѣсто ожидаемаго боярами Гришки Отрепьева, привели совсѣмъ инаго гостя въ Россію.

Таково наше мнѣніе. Мы доказали его сличеніемъ Отрепьевской біографіи съ біографіей того Самозванца, который царствовалъ; ограничились при этомъ только эпохой самого Лжедимитрія. Но мнѣніе это оправдывается еще всей послѣдующей исторіей; можно его доказать всѣмъ ходомъ переговоровъ бояръ съ Поляками, послѣ того, какъ Самозванецъ былъ убитъ; истинность токого объясненія, кромѣ того, поминутно оправдывается всѣмъ смутнымъ временемъ.

Мнѣніе, что Лжедимитрій изначала орудіе іезуитовъ, ничуть не ново. Мы остановились преимущественно на толкованіи митрополита Платона потому только, что онъ полнѣе другихъ развилъ это мнѣніе и привелъ блистательныя доказательства тому, что царствовавшій Самозванецъ не былъ на самомъ дѣлѣ такимъ, „каковымъ его наши лѣтописцы выдаютъ“. Чѣмъ же возражаетъ на это г-нъ Костомаровъ? „Мысль о томъ, что Самозванецъ подстроенъ іезуитами, существовала ранѣе“, говоритъ онъ. Развѣ мы въ этомъ сомнѣвались? „Въ началѣ XVII-го вѣка“, продолжаетъ онъ, оговоривъ, что упрекъ въ этомъ дѣлѣ іезуитовъ пожалуй одна клевета на нихъ со стороны протестантовъ, „въ началѣ XVII-го вѣка между прочими способами толкованія, кто была загадочная личность подъ именемъ Московскаго царевича, было въ ходу подозрѣніе, не воспитанъ ли и не подготовленъ ли онъ іезуитами. На существованіе этого подозрѣнія указываетъ и Маржеретъ“. Тѣмъ лучше для насъ, что Маржеретъ указы-

ваетъ; но мы развѣ сомнѣвались въ томъ, что еще въ началѣ тысяча шестисотыхъ годовъ существуютъ на это указанія? Помнится, мы даже ссылались на то, что наше мнѣніе о Лжедимитріи, какъ о питомцѣ іезуитовъ, раздѣлялось самими современниками, и неужели-жъ намъ это принимать себѣ за возраженіе?

Кромѣ подробнаго исчисленія всѣхъ случаевъ видимаго участія іезуитовъ въ этомъ дѣлѣ, мы въ своей статьѣ привели еще нѣсколько новыхъ соображеній, которыя невольно наводятъ подозрѣнія на нихъ же. „Наканунѣ Лжедимитріева появленія у Вишневецкаго, сказали мы, или почти одновременно съ тѣмъ, вдругъ распространяется прежде слухъ, а потомъ доходитъ тому и фактическое доказательство, что Отрепьевъ производитъ волненіе между казаками. Что-жъ сейчасъ оказывается? Это вопервыхъ, уже кѣмъ-то подставленный Отрепьевъ, монахъ Леонидъ, или еще другой, уже третій. Вовторыхъ, само волненіе между казаками и по всей Украйнѣ оказывается организованнымъ слишкомъ въ большихъ размѣрахъ, изобличающихъ никакъ не одного монаха, а многочисленныхъ, какихъ-то могущественныхъ и всюду имѣющихъ связи агентовъ. Распространяютъ всюду несмѣтное множество подметныхъ грамотъ, перевозятъ ихъ и въ глубь Россіи въ мѣшкахъ съ хлѣбомъ, который тогда шелъ изъ Литвы по случаю дороговизны отъ голода, по всѣмъ странамъ Европы, при всѣхъ дворахъ единовременно начинаются агитаціи по поводу „Димитрія“; его собственная домашняя канцелярія сразу оказывается организованной для самыхъ широкихъ, сложныхъ и актуальнѣйшихъ сношеній даже съ дворами и пр. и пр.“. Мы, притомъ, обращали вниманіе, что задолго еще до 1604 года уже по всей Русско-Литовской Украйнѣ кѣмъ-то плодились и распускались смутные толки, кѣмъ-то постоянно производились здѣсь агитаціи; еще въ концѣ 1602 года, еще въ 1603 году становилось уже ясно, помимо всѣхъ другихъ соціальныхъ бѣдствій за то время, что кто-то еще и мутилъ. Мы наконецъ сдѣлали весьма важную замѣтку, что во всѣхъ подложныхъ біографіяхъ Лжедимитрія, ищущихъ выдать его за истиннаго, постоянно просвѣчиваетъ желаніе отклонить подозрѣніе въ томъ, что Лжедимитрій зналъ по-латини или, по крайней мѣрѣ, отклонить подозрѣніе, что латини научили его іезуиты. Г-нъ Костомаровъ, повидимому, проглядываетъ все это въ нашей статьѣ, какъ и многое другое.

„Желательно знать“, говоритъ онъ, „какъ бы отвѣтилъ намъ г-нъ Павловъ, еслибъ мы ему сказали: положимъ, что приготовленный врагами Бориса Самозванецъ не имѣлъ успѣха, и вмѣсто его явился другой; но почему же вы знаете, что этотъ другой былъ подстроенъ іезуитами? Можетъ быть, онъ подготовленъ другимъ враждебнымъ Борису кружкомъ, не знавшимъ о подготовкѣ перваго?“ Отвѣтъ нашъ на это очень простъ: если г-нъ Костомаровъ знаетъ какой-нибудь другой кружокъ, который помимо іезуитовъ тутъ принималъ бы участіе, пусть онъ намъ и откроетъ его. А мы съ своей стороны, какъ въ этой агитаціи по всей Литовско-Русской Украйнѣ и при всѣхъ Европейскихъ дворахъ, также точно и въ

подмѣнѣ Отрепьева Леокидомъ, и въ самомъ отклоненіи, наконецъ, подозрѣній въ латиңи, кромѣ кружка іезуитовъ, никакого инаго кружка заподозрить, на основаніи историческихъ данныхъ, не можемъ.

„Вѣдь князь Адамъ Вишневецкій былъ православной вѣры!" восклицаетъ г-нъ Костомаровъ. „Вишневецкіе въ тѣ времена были паны православные!..." А мы развѣ утверждали, что въ тѣ времена іезуиты уже успѣли ихъ совратить въ католичество? Мы развѣ ставили какой нибудь вопросъ объ исповѣданіи Вишневецкаго? Больше того: слѣдуетъ ли даже ставить вопросъ о православіи или неправославіи подобныхъ Вишневецкимъ, тогдашнихъ пановъ, сегодня еще православныхъ, завтра уніатовъ, поутру уніатовъ—къ вечеру того же дня усердныхъ католиковъ? „Священникъ, исповѣдавшій Самозванца у Вишневецкаго, говоритъ г-нъ Костомаровъ, во многихъ варіантахъ сказанія называется священникомъ православной вѣры". Хорошо, по крайней мѣрѣ, что г-нъ Костомаровъ не отвергаетъ того, что „въ нѣкоторыхъ онъ дѣйствительно называется священникомъ Латинской вѣры". Но послѣднее, говоритъ г-нъ Костомаровъ, произошло отъ незнанія. Нѣтъ, отвѣчаемъ ему съ большей основательностью, послѣднее вѣрно, а вотъ то̀ первое показаніе даже не отъ незнанія могло произойти, а очень и сознательно, и умышленно.

„Все, что̀ встрѣчается въ характерѣ Самозванца и другихъ прикосновенныхъ къ его исторіи лицъ такого, что̀ противорѣчить можетъ его іезуитству, говоритъ г-нъ Костомаровъ, г-нъ Павловъ объясняетъ хитростію и притворствомъ". Объяснять все хитростью и притворствомъ, конечно, уже слишкомъ простодушно; но что же такое это все, что̀ мы объясняемъ такъ простодушно? „Г-нъ Павловъ не хочетъ видѣть, говоритъ г-нъ Костомаровъ, тѣхъ обстоятельствъ, которыя противорѣчатъ его любимой мысли объ іезуитствѣ Самозванца. Это, вопервыхъ, его медленность и даже равнодушіе по введенію католичества, вовторыхъ, его незнаніе Латинскаго языка. Первое у г-на Павлова объясняется осторожностью, второе притворствомъ". И папа, и нунцій, и кардиналы, продолжаетъ г-нъ Костомаровъ, обвиняли Самозванца за медленность и неискренность въ этомъ дѣлѣ, и не довѣряли ему. Зачѣмъ намъ это доказываетъ г-нъ Костомаровъ? Развѣ, скажемъ опять, мы сомнѣвались когда-нибудь во всемъ этомъ? „Остается послѣдній доводъ, сказали мы въ своей статьѣ, которымъ защитники іезуитовъ пытались снять съ нихъ отвѣтственность за Самозванца. Лжедимитрій, говорятъ они, никогда особенно не благоволилъ іезуитамъ, а если цѣль его возведенія на престолъ Унія, то зачѣмъ онъ не ввелъ ея? Хотя краткость Лжедимитріева царствованія одна отстраняетъ такой запросъ, хотя сами же іезуиты дали по этому поводу на себя, нами уже приведенную обличительную запись „вести дѣло осторожно"; но мы сами хотимъ какъ бы на мигъ принять сторону нашихъ противниковъ и еще усилимъ дѣло. Самозванецъ точно не потакалъ іезуитамъ! Мало того, возведенный ихъ содѣйствіемъ на тронъ при помощи короля Польскаго, онъ вездѣ потомъ относится къ нимъ и къ

ихъ Уніи съ какою-то злою страстью. Онъ какъ будто постоянно за что-то мститъ окружающимъ его благодѣтелямъ и вѣчно-нахальнымъ обращеніемъ съ ними, когда принимаетъ за-просто, и своимъ же трицарственнымъ блескомъ и великолѣпіемъ, когда допускаетъ до сіянія трона. Тѣ уже досадуютъ, благоразумно перешептываются между собою, что „царевичъ не оказываетъ знаковъ истиннаго благочестія“, что „онъ видимо начинаетъ уклоняться отъ своихъ прежнихъ намѣреній“, что „должно бы было ему, кажется, хранить почтеніе къ усердно ему помогавшимъ“..; тотъ, при всякомъ ему на то намекѣ съ ихъ стороны, и топаетъ ногою въ полъ, и грызетъ себѣ ногти, будто заразъ и хочетъ оттолкнуть, и роковыми связанъ нитями. Но эта-то самая страстность и составляетъ еще для насъ въ Самозванцѣ его знаменательнѣйшую, психологическую черту. Если когда-нибудь и въ чемъ-нибудь проглянула въ Самозванцѣ честность, такъ въ этихъ именно движеніяхъ его души, во дни царственнаго въ Кремлѣ величія, когда самовѣріе готово было парить на высоту зенита, а тутъ объ руку сверкали глаза его благодѣтелей-іезуитовъ!“ Гдѣ-жъ тутъ съ нашей стороны объясненіе осторожностью всего того, что противорѣчитъ въ Самозванцѣ его іезуитству? Не сами ли мы еще усиливаемъ въ Самозванцѣ эту неискренность въ дѣлѣ Уніи, и не при нашемъ ли именно объясненіи Лжедимитрія эта неискренность дѣлается, наконецъ, вполнѣ понятна? Одинаково и знаніе-ли незнаніе-ли латини объясняемъ мы въ Самозванцѣ ничуть не притворствомъ. Маржеретъ при всемъ томъ, что знаніе Латинскаго языка Лжедимитріемъ всѣмъ было хорошо извѣстно, берется доказать противное тѣми ошибками, которыя встрѣчались въ его подписяхъ. Мы, оговоривъ, что этимъ ошибкамъ постоянно придавали какой-то преувеличенный вѣсъ, предложили только догадку: не сами-ли еще іезуиты и Маржерету-то наводили глаза на эти ошибки и описки? Имъ, и только имъ однимъ, было особенно нужно отводить глаза отъ знанія латини въ ученикѣ ихъ Лжедимитріи; имъ, слѣдовательно, было въ радость и тыкать пальцемъ на эти ошибки.

Но ошибка въ подписи in Perator, говоритъ г-нъ Костомаровъ, встрѣчается въ письмѣ Самозванца къ его тестю; за то въ другомъ письмѣ есть его же подпись совершенно правильная: Demetrius intimus filius et amicus. Совершенно справедливо. Мы и не выдавали, что эту подпись in Perator приводитъ Маржеретъ въ своихъ указаніяхъ, ибо Маржеретъ, сколько намъ извѣстно, ни одной не приводитъ; но такъ какъ, напримѣръ, г-нъ Соловьевъ въ своей Исторіи ссылается именно на эту подпись, то мы и остановились на ней. Мы склонны подозрѣвать въ этой неправильной орѳографіи титула умышленность; но развѣ правильность другой подписи amicus и пр. опровергаетъ сколько нибудь нашу догадку о томъ, что неправильность подписи титула здѣсь умышленная? Она только увеличиваетъ ее. Такъ-какъ мы еще оговаривали, что именно императорскій титулъ— вотъ что въ Лжедимитріи составляло главнѣйшее наущеніе іезуитовъ, при томъ титулъ здѣсь исковерканъ на зло даже орѳографіи Русской, то

ясно, кажется, что самую эту умышленность въ извращенiи ороографiи мы ставили никакъ не въ вину ученику iезуитовъ, т. е. Лжедимитрiю, а его учителямъ—латинистамъ. „Въ Молдавiи было нѣсколько самозванцевъ, говоритъ г. Костомаровъ, не iезуиты же ихъ подстроивали!"—„Примѣры самозванцевъ", сказали и мы въ своей статьѣ, „уже существовали въ исторiи." Гдѣ-жъ опять тутъ возраженiе?

Читатель видитъ, послѣ всего, что всѣ возраженiя г. Костомарова, и вправду сказать, мало къ намъ относятся; они даже подчасъ являются подтвержденiемъ нашихъ словъ, а не опроверженiемъ. Никакъ, точно также, за опроверженiе нашего мнѣнiя мы не можемъ принять всего того, что разсказываетъ г. Костомаровъ о томъ, какъ самъ онъ понимаетъ Гришку Отрепьева. Съ одной стороны, все, что тутъ говорится объ увѣренности многихъ въ томъ, что явленный Димитрiй—отнюдь не Гришка, говоримъ и мы; съ другой—все, что г. Костомаровъ говоритъ уже о собственной своей, личной увѣренности, въ томъ наприм., что Гришка никогда даже и не помышлялъ о самозванствѣ, а обвинили его въ томъ безъ всякаго основанiя, или еще, что монахи, которые на него показывали, были просто на просто лгуны, или, наконецъ, что не подложный, а подлинный Гришка Отрепьевъ самъ находился въ Москвѣ на-лицо при коронованномъ Лжедимитрiи... все это, говоримъ, какъ чисто-субъективное вѣрованiе г-на Костомарова, пусть при немъ и останется.

Одно только возраженiе, такимъ образомъ, и остается намъ теперь опровергнуть, возраженiе, которое мы уже и указали съ самаго начала. „Г-нъ Павловъ говоритъ, что iезуиты свели Самозванца съ Мнишкомъ. Откуда это?" спрашиваетъ г-нъ Костомаровъ. „Сколько извѣстно, къ Мнишку привезъ Самозванца Константинъ Вишневецкiй. Откуда знаетъ г. Павловъ, что Мнишекъ славился дружествомъ съ iезуитами болѣе всѣхъ пановъ? Если у г. Павлова есть неизданныя бiографическiя свѣдѣнiя о Мнишкѣ, то не дурно было бы подѣлиться ими со всѣми нами". Да, Самозванца съ Мнишкомъ свели iезуиты; мы дѣйствительно это сказали. Но для того, чтобы знать откуда это, нѣтъ никакой надобности изнемогать въ тщетной погонѣ за новыми, неизданными источниками, а уже вполнѣ довольно не проглядывать однихъ старыхъ, вчитываться пристальнѣе въ тѣ источники, которые давно всѣмъ доступны и сiю минуту у насъ подъ руками.

Начнемъ съ Дневника Марины, который въ этомъ случаѣ болѣе всѣхъ благопрiятенъ г-ну Костомарову. Въ немъ читаемъ слѣдующее: „Князь Константинъ представилъ Димитрiя пану-воеводѣ, а панъ-воевода его королевскому величеству". Тутъ, правда, поименованъ Константинъ Вишневецкiй, а iезуиты не поименованы; но такъ какъ не поименованы же они и при представленiи самому королю, а между тѣмъ черезъ ихъ-то главное содѣйствiе Лжедимитрiй и получилъ къ нему доступъ (чего, безъ сомнѣнiя, не станетъ отрицать и г. Костомаровъ), то ясное дѣло, что эту цитату изъ Дневника Марины не иначе можно понимать, какъ лишь въ общемъ духѣ, а не буквально; въ ней прямаго противорѣчiя нашимъ словамъ, какъ и доказательства словамъ г-на Костомарова, значитъ, еще нѣтъ.

У Петрея читаемъ уже вотъ что: „Воевода Сендомирскій, съ согласія іезуитовъ, обѣщалъ Самозванцу склонить короля Польскаго, папу и другихъ вѣнценосцевъ къ содѣйствію ему людьми, деньгами, всѣми средствами овладѣть прародительскимъ престоломъ и низложить Бориса, если только онъ обяжется уничтожить въ Россіи старинную вѣру. Самозванецъ, изъявивъ согласіе, далъ слово жениться на дочери воеводы Сендомирскаго. Іезуиты радовались отъ всей души и пр.“

Наконецъ, уже вотъ замѣчательнѣйшее свидѣтельство того историка, который о Самозванцѣ почерпалъ разныя свѣдѣнія прямо отъ іезуитовъ, отъ многихъ очевидцевъ и современниковъ Самозванца, отъ самого капитана Маржерета, наконецъ (если это такъ важно для г-на Костомарова), историка, который не былъ въ этомъ дѣлѣ, какъ Маржеретъ или іезуиты, судьей пристрастнымъ. Вотъ что говоритъ Де-Ту: „Іезуиты сначала хранили сіе предложеніе въ глубокой тайнѣ и прежде всего старались убѣдить Римскаго первосвященника помочь имъ въ дѣлѣ столь выгодномъ для утвержденія вѣры и святаго престола, какъ собственною его властью, такъ и ходатайствомъ предъ королемъ и Польскими вельможами. Между тѣмъ познакомили просителя съ Юрьемъ Мнишкомъ, воеводой Сендомирскимъ, сильнѣйшимъ изъ вельможъ королевскихъ; съ нимъ заключенъ былъ тайный договоръ, вслѣдствіе коего царевичъ, по вступленіи на престолъ, обязался жениться на дочери Сендомирскаго, плѣнившей его взоры“. Не ясно-ли послѣ всего, что и тѣ наши слова, которыя г-нъ Костомаровъ, единственно въ цѣломъ трудѣ, заподозрилъ въ произвольности—простой перифразисъ подлинныхъ выраженій, взятыхъ изъ источниковъ современныхъ?

Два слова о собственномъ г-на Костомарова мнѣніи насчетъ Отрепьева и Лжедимитрія, и мы кончаемъ. Если только читатель знакомъ съ идеями г-на Костомарова по этому вопросу, то онъ знаетъ еще и то, что г-нъ Костомаровъ мнѣнія своего не досказываетъ до конца: онъ только намекаетъ на него и даетъ его лишь угадывать, какъ бы въ предчувствіи. Мы находимъ, что г-ну Костомарову даже выгодно его не досказывать, а удерживать въ себѣ лишь на степени смутнаго предчувствія. Дѣло въ томъ, что если г-нъ Костомаровъ захочетъ быть строго-послѣдовательнымъ въ своемъ мнѣніи, то ему грозитъ опасность непремѣнно довести его до абсурда.

Мы сейчасъ разъяснимъ это читателю; но прежде, для незнакомыхъ со всѣми трудностями вопроса о Лжедимитріи, сдѣлаемъ необходимую оговорку. Когда о Самозванцѣ предполагають, что онъ заводился на Москвѣ боярами (а кто же и отвергаетъ теперь это предположеніе, высказанное еще самимъ Годуновымъ?), тогда историку, въ числѣ другихъ обстоятельствъ, необходимо разъяснить, по крайней мѣрѣ, два слѣдующія. Первое, какимъ образомъ родовитые Московскіе бояре кланялись въ ноги Лжедимитрію, вѣнчали его Мономаховымъ вѣнцомъ въ соборѣ и, видимо, недоумѣвали нѣкоторое время: полно, не настоящій ли это Димитрій?... Какимъ это образомъ, если Лжедимитрій былъ и въ самомъ дѣлѣ никто другой, какъ ихъ

собственнаго завода Самозванецъ, ими на Москвѣ приготовленный? Второе: какимъ образомъ случилось и то, что самъ царствовавшій Лжедимитрій— если опять онъ никто другой, какъ на Москвѣ боярами приготовленный Самозванецъ— является потомъ ничуть не сознательнымъ обманщикомъ, а очевидно лицомъ наиувѣреннѣйшимъ въ истинности своего званія: онъ даже считалъ за личное оскорбленіе, когда друзья приступали къ нему по этому поводу съ какимъ нибудь предостереженіемъ, будто тѣмъ еще—какъ это мы сказали въ своей статьѣ—задѣвали самую честь его; или: „онъ смѣло глядѣлъ въ лицо народу, безопасно ходилъ по улицѣ одинъ самъ-другъ", какъ говоритъ г-нъ Костомаровъ. При нашемъ объясненіи Лжедимитрія оба эти обстоятельства разрѣшаются вконецъ самымъ простымъ образомъ; наше объясненіе не только не противорѣчитъ всѣмъ существующимъ на этотъ счетъ указаніямъ источниковъ, а, напротивъ того, примиряетъ собою всѣ взаимныя противорѣчія еще самихъ источниковъ— безъ того необъяснимыя. Боярами заводимый на Москвѣ Самозванецъ былъ, повторяемъ, извѣстный Отрепьевъ. Когда мнимые сообщники простодушныхъ Московскихъ бояръ, т.-е. Литовскіе заводчики, укравъ изъ міра Самозванца-Отрепьева, привели въ Россію собственнаго своего Лжедимитрія— боярамъ оставалось только молча покоряться передъ этимъ *incognito*, а Лжедимитрій съ самаго уже начала не иными и былъ напитанъ о себѣ мнѣніями, какъ тѣми именно, что онъ истинный царевичъ. Кромѣ того, что такимъ простымъ объясненіемъ разгадывается тутъ все дѣло, это объясненіе еще, должно замѣтить, миритъ и всѣхъ нашихъ историковъ. Карамзинъ, напримѣръ, не можетъ, какъ это дѣлаетъ г-нъ Костомаровъ, отвергнуть несомнѣнныхъ историческихъ свидѣтельствъ о самозванствѣ Отрепьева, онъ прямо за него выдаетъ и самого Лжедимитрія, который былъ въ Москвѣ коронованъ; за то у Карамзина вся вторая половина исторіи Самозванца страдаетъ неточностями, грѣшитъ натяжками и невольно скрадываетъ всѣ тѣ черты, въ которыхъ сквозитъ неподдѣльная искренность и, такъ сказать, самовѣріе этого никому невѣдомаго. Г-нъ Соловьевъ не скрадываетъ этихъ чертъ; онъ прямо утверждаетъ, что Самозванецъ сознательнымъ обманщикомъ не былъ; но, оговоривъ, что „историческихъ свидѣтельствъ объ Отрепьевѣ нѣтъ возможности опровергнуть" и не замиривъ этихъ двухъ другъ другу противорѣчащихъ выводовъ, онъ не пошелъ далѣе Карамзина въ точности и въ опредѣлительности образа имъ понимаемаго Самозванца. Карамзинъ, притомъ, видитъ въ Самозванцѣ смѣльчака, въ головѣ у котораго мысль назваться Димитріемъ зародилась совершенно случайно; г-нъ Соловьевъ склоняется къ мнѣнію, что онъ былъ орудіемъ бояръ и подстановленъ ими. Г-нъ Погодинъ, не допуская такого мнѣнія, рѣшительно полагаетъ его орудіемъ іезуитовъ и т. д. Вопросъ о Лжедимитріи представляется колеблющимся у всякаго автора по своему. Наше собственное мнѣніе о Лжедимитріи, какъ легко можетъ теперь прослѣдить и самъ читатель, примиряетъ на самомъ дѣлѣ всѣ подобнаго рода противорѣчія нашихъ историковъ.

Почему же, однако, г-нъ Костомаровъ считаетъ это наше мнѣніе произвольнымъ? Почему—этого мы изъ статьи г-на Костомарова, по истинѣ сказать, не видимъ. А почему мы съ своей стороны, мнѣніе самого г-на Костомарова назвали софизмомъ—это, послѣ всего сказаннаго, съ двухъ словъ объяснится.

Тотъ, кто царствовалъ на Москвѣ подъ именемъ Димитрія (говоритъ онъ) правда заводился на Москвѣ, и заводился въ средѣ боярской; но неправда тò, что будто бы это былъ Отрепьевъ, нѣтъ. Доказательства на это положеніе у г-на Костомарова двоякія; одни тѣже, что и у насъ: царствовавшій на Москвѣ смѣло глядѣлъ въ лицо народу, даже во время бунта на вопросъ: кто ты? отвѣчаетъ: спросите у матери! и т. п. Другія доказательства уже совершенно-лично принадлежатъ г-ну Костомарову. Отрепьевъ, говоритъ онъ, никогда и не думалъ себѣ называться Димитріемъ; это объ немъ и патріархъ, и Годуновъ сказали на-обумъ; существуетъ документъ инока Варлаама, прямо утверждающій, что Гришка Отрепьевъ хвалился быть царемъ на Москвѣ; но Варлаамъ (говоритъ г-нъ Костомаровъ) былъ просто лжецъ, вотъ и все; существуютъ еще показанія множества другихъ лицъ въ этомъ же смыслѣ, но и они были лжецы; неужели это неясно? говоритъ г-нъ Костомаровъ,—всѣ рѣшительно, всѣ они были лжецы—и конецъ дѣлу. Спрашиваемъ по совѣсти самого г-на Костомарова: неужели доказательство такого рода и мнѣніе на немъ построенное, не говоримъ „выдерживаетъ" критику, а неужели оно ея заслуживаетъ? При нашемъ объясненіи Лжедимитрія, бояре, понятно, только потому и кланяются ему въ ноги и ведутъ его на престолъ, что намѣсто своего знакомца-Отрепьева сталкиваются вдругъ лицомъ къ лицу съ какимъ-то *incognito*, и „признавать въ немъ истиннаго Димитрія", „не признавать въ немъ Отрепьева"—тутъ уже оба эти понятія другъ съ другомъ граничатъ. Но пусть тотъ, кто царствовалъ на Москвѣ подъ именемъ Димитрія, былъ и тотъ самый, который заводился на Москвѣ боярами, и не-Отрепьевъ. Тогда кто же онъ? Подумалъ-ли о томъ г-нъ Костомаровъ? Тогда, для того, чтобы ему бояре кланялись въ ноги и вели его на престолъ, притомъ чтобы и самъ онъ еще вѣрилъ въ свою истинность—ему приходится, ни много ни мало, вдругъ превратиться изъ Самозванца въ не-Самозванца, изъ Лжедимитрія въ Димитрія истиннаго; ему придется, ни много ни мало, быть самимъ Димитріемъ настоящимъ, т.-е. тѣмъ царевичемъ, котораго (этого уже никакъ не вычеркнетъ изъ исторіи г-нъ Костомаровъ) весь Угличъ видѣлъ мертвымъ. Вотъ къ чему приводитъ софизмъ г-на Костомарова, если имѣть смѣлость развить его строго-логическую послѣдовательность. Но доказывать, что весь Угличъ бѣлымъ днемъ могъ не распознать трупа, такъ дорогаго ему и цѣлой Россіи, младенца... не абсурдъ-ли это?

Мы увѣрены, что если г. Костомаровъ посмотритъ на свое мнѣніе хладнокровнѣе, то самъ скажетъ, что оно больше чѣмъ сомнительно. Мы увѣрены даже, что, взглянувъ на собственное свое мнѣніе хладнокровнѣе,

г-нъ Костомаровъ не назоветъ и нашего произвольнымъ. Въ нашей исторической замѣткѣ много еще найдется доказательствъ непроизвольности этого мнѣнія, но не въ краткомъ, полемическомъ отвѣтѣ ихъ всѣ высчитывать.

*

Еще о первомъ Самозванцѣ.

Статья Н. И. Костомарова.

Г. Павловъ въ № 6 „Дня" написалъ отвѣтъ на мое возраженіе противъ его статьи: „Правда о первомъ Лжедимитріи". Считаю долгомъ отвѣчать вновь почтенному автору. Мы руководимся не желаніемъ, во что́ бы ни стало, поддержать наши субъективныя воззрѣнія, но стараемся уяснить историческую истину, будучи готовы отказаться отъ всего, что̀ прежде почитали достовѣрнымъ, если только насъ убѣдятъ неоспоримыми доводами.

Во многомъ наши взгляды сходятся со взглядами г. Павлова, а рознимся мы въ слѣдующемъ: 1) Признавая, какъ и г. Павловъ, что іезуиты хотѣли и надѣялись, посредствомъ Лжедимитрія, провести свои стремленія ко введенію католичества въ Россіи, не видимъ достаточныхъ основаній предполагать, чтобъ это лицо было ими же подготовлено для этой цѣли. 2) Раздѣляя съ г. Павловымъ мнѣніе, что Самозванецъ, царствовавшій въ Москвѣ, не былъ Гришка Отрепьевъ, не видимъ доказательствъ, чтобъ послѣдняго подготовляли бояре быть Самозванцемъ.

Относительно перваго вопроса, г. Павловъ отвѣчалъ на мои возраженія слѣдующимъ образомъ.

„Выписавъ наши слова о томъ, что Самозванца съ Мнишкомъ свели іезуиты, г-нъ Костомаровъ дивится и спрашиваетъ, откуда это? Вотъ единственное возраженіе; другихъ возраженій, строго говоря, нѣтъ никакихъ въ замѣткѣ г-на Костомарова; читатель увидитъ, что все остальное, имъ приводимое противъ насъ, или не имѣетъ ровно никакого отношенія къ тому, что̀ мы сказали, или даже служитъ тому подтвержденіемъ".

Г-ну Павлову лучше насъ извѣстно, что̀ можетъ изъ приведеннаго нами служить подтвержденіемъ его мнѣнію; но что многое изъ того, на что́ мы указывали, не относится къ нему, то это едва ли служитъ ему въ пользу. Мы укоряли его мнѣніе въ произвольности, въ недостаткѣ основаній; мы приводили черты событій, представляющихъ дѣло такъ, что оно совершалось внѣ всякаго соотношенія съ теоріею г. Павлова. Дѣйствительно, наши возраженія могутъ быть сведены къ одному вопросу: откуда это? На всякое историческое предположеніе приходится дѣлать такой вопросъ прежде всего. Г. Павловъ говоритъ: „Спросовъ на цитаты мы не боимся; если мы, въ своемъ дидактическомъ изложеніи событія, избѣгали всякихъ ссылокъ и выносокъ, то никакъ не произвольность нашего о немъ мнѣнія была тому причиной. Со стороны тѣхъ, кто незнакомъ съ источниками и не изучалъ непосредственныхъ памятниковъ эпохи—мы лучше хотѣли

подвергнуться обвиненію въ дилеттантизмѣ, чѣмъ въ педантствѣ. Кто, напротивъ того, сотни разъ читалъ и перечитывалъ эти памятники, сличая и провѣряя ихъ другъ съ другомъ, тотъ—надѣялись мы, безъ всякихъ съ нашей стороны указаній, будетъ поминутно видѣть, откуда что мы брали? Въ каждой нашей строкѣ—думали мы—такой желанный цѣнитель будетъ только угадывать знакомыя и презнакомыя для себя строки самихъ памятниковъ, самихъ источниковъ".

Мы не станемъ хвастать, чтобъ сотни разъ перечитывали источники описываемаго г. Павловымъ событія, но читали и изучали ихъ по возможности, и, однако, не могли видѣть въ нихъ того, что увидѣлъ тамъ г-нъ Павловъ; да и мудрено, когда г. Павловъ читаетъ въ источникахъ не однѣ строки, но даже между строками. Вотъ, напримѣръ, что онъ говоритъ:

„Да, Самозванца съ Мнишкомъ свели іезуиты; мы дѣйствительно это сказали. Но для того, чтобъ знать, откуда это, нѣтъ никакой надобности изнемогать въ тщетной погонѣ за новыми неизданными источниками, а уже вполнѣ довольно не проглядывать старыхъ, вчитываться пристальнѣе въ тѣ источники, которые давно всѣмъ доступны и сію минуту у насъ подъ руками. Начнемъ съ Дневника Марины, который, въ этомъ случаѣ, болѣе всѣхъ благопріятенъ г-ну Костомарову. Въ немъ читаемъ слѣдующее: „Князь Константинъ представилъ Димитрія пану воеводѣ, а панъ воевода его королевскому величеству". Тутъ, правда, поименованъ Константинъ Вишневецкій, а іезуиты не поименованы, но такъ какъ не поименованы же они и при представленіи самому королю, а между тѣмъ, чрезъ ихъ-то главное содѣйствіе, Лжедимитрій и получилъ къ нему доступъ (чего, безъ сомнѣнія, не станетъ отрицать и г. Костомаровъ), то ясное дѣло, что эту цитату изъ Дневника Марины не иначе можно понимать, какъ лишь въ общемъ духѣ, а не буквально: въ ней прямаго противорѣчія нашимъ словамъ, какъ и доказательства словамъ г. Костомарова, значитъ, еще нѣтъ".

Мы не видимъ никакого основанія принимать Дневникъ Марины не буквально, а въ какомъ-то общемъ духѣ, котораго, вдобавокъ, не понимаемъ.

Г-нъ Павловъ доказываетъ участіе іезуитовъ въ представленіи Самозванца Мнишку тѣмъ, что они оказали участіе при представленіи того же Самозванца королю, причемъ были также Мнишекъ и Вишневецкій. Спрашиваемъ всѣхъ, есть ли основаніе въ извѣстномъ мѣстѣ при одних лицахъ непремѣнно признавать участіе другихъ лицъ, потому единственно, что послѣднія участвовали въ иномъ мѣстѣ и при новыхъ еще лицахъ? Натяжка здѣсь очевидна съ перваго взгляда. Что такое участіе іезуитовъ при представленіи Самозванца королю? Мы не отрицаемъ содѣйствія (какъ говоритъ г. Павловъ) іезуитовъ въ доставленіи доступа Самозванцу къ королю. Но какъ? Вовсе не такъ, чтобъ, по пріѣздѣ Мнишка въ Краковъ съ Самозванцемъ, іезуиты исходатайствовали у короля свиданіе съ нимъ, а вотъ какъ: Вишневецкій далъ знать королю, что явился человѣкъ, называющій себя Димитріемъ; король совѣтовался съ разными лицами, принять ли его, и въ

томъ числѣ съ іезуитами, и, безъ сомнѣнія, іезуиты совѣтовали принять, ибо разсчитывали, что такое лицо, по своему положенію, будетъ полезно для ихъ намѣреній. Король написалъ Вишневецкому, чтобъ онъ привозилъ къ нему претендента. Вишневецкій поѣхалъ съ Димитріемъ въ Краковъ и на дорогѣ заѣхалъ къ своему тестю, Мнишку, и тамъ замѣшкался, а потомъ уже вмѣстѣ съ Мнишкомъ повезъ его къ королю. Свиданіе Самозванца съ королемъ происходило въ концѣ Февраля или началѣ Марта 1604 г., а о томъ, что требовалъ его къ себѣ король, есть извѣстіе осенью 1603 г.; слѣдовательно, Самозванцу доставленъ былъ доступъ къ королевской особѣ прежде, чѣмъ Мнишекъ познакомился съ Самозванцемъ. Итакъ, если іезуиты доставили Самозванцу доступъ къ королю, то нѣтъ никакого указанія, чтобъ это сдѣлалось при участіи Мнишка. Пріѣздъ Мнишка въ Краковъ съ Самозванцемъ не показываетъ нераздѣльности его поступковъ съ іезуитскимъ въ этомъ случаѣ, и, такимъ образомъ, само собою уничтожается подобіе представленія Самозванца королю съ представленіемъ его Мнишку при посредствѣ Вишневецкаго. Но еслибъ даже Мнишекъ, вмѣстѣ съ іезуитами, доставилъ Самозванцу доступъ къ королю, и тогда не слѣдовало бы отнюдь, чтобъ Мнишку того же Самозванца представили іезуиты. Не значитъ ли такой способъ пониманія источниковъ читать между строками то, чего хочется, и чего въ источникѣ нѣтъ вовсе? Невольно припоминается при этомъ извѣстная сцена въ „Борисѣ Годуновѣ“ Пушкина, гдѣ приставъ заставляетъ въ царскомъ указѣ читать: „изловить и повѣсить“ и когда ему замѣчаютъ, что тамъ сказано только: „изловить“, то блюститель порядка объясняетъ это такъ: „не всяко лыко въ строку пишется; читай: изловить и повѣсить!“

Далѣе г. Павловъ ссылается на Петрея и приводитъ изъ него мѣсто „Воевода Сандомирскій, съ согласія іезуитовъ, обѣщалъ Самозванцу склонить короля Польскаго, папу и прочихъ вѣнценосцевъ къ содѣйствію ему людьми, деньгами, всѣми средствами овладѣть прародительскимъ престоломъ и низложить Бориса, если только онъ обяжется уничтожить въ Россіи старинную вѣру. Самозванецъ, изъявивъ согласіе, далъ слово жениться на дочери воеводы Сандомирскаго; іезуиты радовались отъ всей души и пр.“

Дѣйствительно, такое мѣсто есть у Петрея. Но, вопервыхъ, изъ него не слѣдуетъ, чтобъ іезуиты познакомили Самозванца съ Мнишкомъ, а вовторыхъ, всякое мѣсто изъ историческаго писателя слѣдуетъ разсматриват не иначе, какъ въ связи съ предшествовавшимъ и послѣдующимъ. Предъ тѣмъ Петрей высказалъ понудительную причину, по которой Вишневецкій привезъ Самозванца къ Мнишку: будто Борисъ посылалъ требовать его отъ Вишневецкаго дважды, и Вишневецкій боялся, чтобъ казаки его не застрѣлили, а потому и отправилъ Самозванца къ Мнишку на сбереженіе (derenthalben ist Wesniowecki verursachet worden, ihn zu groesserer Versicherung dem Woywoden zu Sandomir zu schicken). Правда ли это? Посылалъ ли Борисъ къ Вишневецкому? Еслибъ посылалъ, то объ этомъ не преминули бы упомянуть Московскіе бояре въ переговорахъ своихъ съ

Польскими панами. Взглянувши въ статейные списки № 26 и 27 Польскихъ дѣлъ, хранящихся въ Московскомъ архивѣ, г. Павловъ увидитъ, съ какою мелочною точностью бояре выставляли Полякамъ всѣ обстоятельства, которыя показывали, что со стороны Московскаго правительства были употреблены всѣ средства, чтобъ убѣдить Поляковъ выдать вора, назвавшагося Димитріемъ. Они говорятъ же, что къ Острожскому былъ посланъ Аѳанасій Пасынковъ; еслибъ подобное посольство было къ Вишневецкому, то и объ этомъ было бы сказано. Петрей пользовался тѣми разсказами, какіе слышалъ въ Россіи, и, вѣроятно, ему говорили о посольствѣ къ Острожскому, а онъ отнесъ его къ Вишневецкому, по своей ли ошибкѣ, очень возможной для иностранца, или по винѣ тѣхъ, которые ему сообщали, это рѣшить, конечно, трудно. Если въ этомъ событіи у него допущенъ анахронизмъ, то почему же онъ не могъ быть допущенъ и въ повѣствованіи о слѣдовавшихъ за тѣмъ событіяхъ? И дѣйствительно, тутъ не одинъ анахронизмъ. Петрей говоритъ, что Вишневецкій *отослалъ* Самозванца къ Мнишку, тогда какъ извѣстно, что Вишневецкій не отсылалъ его, а самъ привезъ, и вовсе не по той причинѣ, какая у Петрея выставлена, а потому, что ѣхалъ съ Самозванцемъ къ королю и заѣхалъ къ тестю по пути. Но далѣе еще важнѣе обстоятельство. Съ того мѣста, на которомъ остановился г. Павловъ въ своей выпискѣ, слѣдуетъ у Петрея вотъ что: verordneten (die Jesuiten) jhme alssbald zweene praeceptores, die jhn mit allem fleiss in der Paebstlichen Religion unterrichteten... т.-е. приставили къ нему тотчасъ двухъ наставниковъ, которые его очень прилежно поучали папской религіи. Это дѣйствительно было. Но когда? Послѣ свиданія Самозванца съ королемъ. Намъ (какъ и г. Павлову, конечно) извѣстно, что женихомъ Марины Самозванецъ сталъ уже по возвращеніи изъ Кракова, что ясно доказывается и числами ея записи. Мнишекъ только тогда согласился на это, когда увидѣлъ, что называющій себя царевичемъ хорошо обставленъ и можетъ разсчитывать на сильную партію. Петрей говоритъ здѣсь о такихъ событіяхъ, которыя происходили уже послѣ свиданія Самозванца съ королемъ, и относитъ ихъ ошибочно къ раннему времени. Что іезуиты, послѣ поѣздки Димитрія въ Краковъ, руководили имъ и старались всѣми силами сдѣлать его орудіемъ католической пропаганды—это несомнѣнно; но изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, чтобъ іезуиты произвели на свѣтъ это выгодное для нихъ явленіе. Равнымъ образомъ, мы не думаемъ утверждать, чтобъ Мнишекъ не желалъ, съ своей стороны, чтобъ его зять, воцарившись въ Москвѣ, сдѣлался тамъ распространителемъ той вѣры, которую самъ Мнишекъ исповѣдывалъ. Но это еще не побуждаетъ заключать, какъ дѣлаетъ г-нъ Павловъ, будто Мнишекъ отличался дружествомъ съ іезуитами болѣе другихъ пановъ, и, на этомъ основаніи, строить мнѣніе, будто Самозванецъ былъ предуготовленное орудіе іезуитовъ. Всякій католикъ, даже врагъ іезуитовъ, долженъ былъ радоваться, слыша о возможности распространить въ Россіи католическую вѣру. Замойскій ничуть не отличался дружествомъ съ іезуитами, не только не раздѣлялъ ихъ намѣреній окатоличить Русскій

народъ, но гласно не одобрялъ Брестъ-литовской церковной уніи; всегда, по принципу свободы совѣсти и убѣжденій, стоялъ за права некатолическихъ подданныхъ Рѣчи Посполитой, и, однако, сказалъ, что отдалъ бы половину жизни, еслибъ некатолики въ Польшѣ и Литвѣ могли добровольно соединиться съ Римско-католическою вѣрою. Мы, по крайней мѣрѣ, чистосердечно сознаемся, что радовались бы болѣе, нежели чему бы то ни было на свѣтѣ, еслибъ услышали, что въ какой-нибудь сосѣдней намъ странѣ распространяется православіе; но это не даетъ никому права считать насъ въ дружествѣ со всѣми, которые о томъ стараются. Такъ и всякій католикъ, если онъ честно и искренно былъ преданъ своей вѣрѣ, долженъ былъ въ то время радоваться, что претендентъ на Русскій престолъ оказываетъ расположеніе къ католичеству, даже вовсе не будучи въ большой дружбѣ съ іезуитами. И о Мнишкѣ можно сказать, что если многія черты его жизни и показываютъ въ немъ католика, то нѣтъ основаній считать его состоявшимъ въ дружествѣ съ іезуитами болѣе другихъ пановъ. Очень можетъ быть, что онъ дѣйствительно былъ ихъ другомъ (но ужъ никакъ не болѣе другихъ пановъ, ибо мы можемъ, если понадобится г. Павлову, назвать нѣсколько такихъ, о которыхъ дѣйствительно сохранились свѣдѣнія, показывающія ихъ дружбу съ іезуитами), но этого мы пока не знаемъ, по недостатку біографическихъ матеріаловъ.

Наконецъ, г-нъ Павловъ ссылается на Де-Ту. Этотъ писатель прямо говоритъ, что Самозванца познакомили съ Мнишкомъ іезуиты. Но что же? Мы спросимъ: Де-Ту есть-ли такой писатель, который заслуживаетъ того, чтобъ его извѣстіе принимать преимущественно предъ извѣстіями другихъ источниковъ? Почтенный собиратель историческихъ свѣдѣній о своемъ времени пользовался писанными сочиненіями и изустными разсказами, но, говоря о событіяхъ въ странахъ отдаленныхъ, не имѣлъ возможности ни повѣрить, ни обсудить справедливости того, что сообщали ему. Мѣсто, приводимое г. Павловымъ, заимствовано, по всей вѣроятности, изъ сочиненія Петра Упсальскаго, который писалъ о нашемъ Самозванцѣ сообразно тому представленію, какое составилось объ этомъ лицѣ и объ относящихся къ нему событіяхъ вообще у его соотечественниковъ - Шведовъ; оттого у Де-Ту есть такія извѣстія, какія попадаются у Шведа Шаума: например, о пожарѣ, который будто бы сдѣлали въ Угличѣ въ то время, какъ убили Димитрія, а также и объ участіи іезуитовъ при самомъ появленіи Самозванца. Но, чтобъ принять это извѣстіе Де-Ту предпочтительно предъ всѣми другими, надобно или все сочиненіе Де-Ту считать самымъ достовѣрнѣйшимъ изъ всѣхъ вообще источниковъ, какіе мы имѣемъ о Самозванцѣ, или же доказать справедливость этого мѣста другими свидѣтельствами. Но первое невозможно, вопервыхъ, потому, что самъ г. Павловъ, конечно, намъ укажетъ въ сочиненіи Де-Ту ошибки относительно Русской исторіи; а вовторыхъ потому, что объ эпохѣ Самозванца осталось довольное число актовъ, писемъ и записокъ такихъ лицъ, которыя ближе были къ событіямъ, чѣмъ почтенный Французъ, написавшій такую исторію, которая вообще гораздо

драгоцѣннѣе для науки по изложенію происшествій Французской исторіи конца XVI вѣка, чѣмъ по тѣмъ даннымъ, которыя относятся къ отдаленнымъ отъ Франціи землямъ. Второе сдѣлать, по нашему мнѣнію, еще менѣе возможно; потому что всѣ близкіе къ событіямъ источники, когда только говорятъ о появленіи Самозванца у Мнишка, приписываютъ Вишневецкому устройство знакомства претендента съ воеводою Сандомирскимъ, не говоря объ іезуитахъ. Г. Павловъ говоритъ, что его нельзя обвинять въ произвольности, потому что у него „простой перифразисъ подлинныхъ выраженій изъ источниковъ современныхъ“. Да не угодно-ли, г. Павловъ, мы наберемъ всевозможнѣйшихъ извѣстій изъ источниковъ современныхъ и составимъ такую исторію, въ которой только и будетъ, что простой перифразисъ подлинныхъ выраженій изъ источниковъ современныхъ и не будетъ тѣни правды? Развѣ это не произвольность?

Мы замѣчали г. Павлову, что Вишневецкій былъ панъ православной вѣры и если о священникѣ, который исповѣдывалъ Самозванца и которому послѣдній открылся, большая часть говоритъ, что онъ былъ православный, а нѣкоторые называютъ его католикомъ, то, конечно, слѣдуетъ принимать справедливость перваго извѣстія. Г-нъ Павловъ на это говоритъ: „Слѣдуетъ ли даже ставить вопросъ о православіи или неправославіи, подобныхъ Вишневецкимъ, тогдашнихъ пановъ, сегодня еще православныхъ, завтра уніатовъ—къ вечеру того же дня усердныхъ католиковъ! Священникъ, исповѣдывавшій Самозванца у Вишневецкаго, говоритъ г-нъ Костомаровъ, во многихъ варіантахъ сказанія, называется священникомъ православной вѣры. Хорошо, по крайней мѣрѣ, что г. Костомаровъ не отвергаетъ того, что въ нѣкоторыхъ онъ дѣйствителвно называется священникомъ Латинской вѣры. Но послѣднее, говоритъ г. Костомаровъ, произошло отъ незнанія. Нѣтъ, отвѣчаемъ ему съ большею основательностью, послѣднее вѣрно, а вотъ первое-то показаніе даже не отъ незнанія могло произойти, а очень сознательно и умышленно“.

Что касается до личности Константина Вишневецкаго, то гдѣ г-нъ Павловъ, спрашиваемъ мы, нашелъ, что онъ былъ уніатомъ, а потомъ католикомъ? Если г. Павловъ этими словами вообще хотѣлъ очертить только Польско-русскихъ пановъ того времени, то такая характеристика менѣе всего прилична именно той эпохѣ, о которой идетъ дѣло. То было время, когда досада, возбужденная насильственнымъ введеніемъ Уніи и нарушеніемъ древняго права свободы совѣсти, искусственно возбуждала православную ревность въ тѣхъ (дѣйствительно многихъ) панахъ, которые безъ того были бы холодны къ своей вѣрѣ. Еще живъ былъ Острожскій, хотя престарѣлый и дряхлый, но бодрый духомъ настолько, что поддерживалъ упорство въ своихъ (по крайней мѣрѣ возмужалыхъ) единовѣрцахъ. О Вишневецкихъ мы знаемъ, что они умерли въ православной вѣрѣ. Что же касается священника, то хотя г. Павловъ и увѣряетъ, что отвѣчаетъ съ большею основательностью за вѣрность того, что этотъ священникъ былъ Латинской вѣры, но его одного увѣренія для насъ недостаточно, тѣмъ болѣе, что

нашихъ лѣтописей и хронографовъ, которые называютъ этого священника попомъ Греческой вѣры, нельзя заподозрить въ какой-то злонамѣренной умышленности, а о латинствѣ этого священника говорится только въ нѣкоторыхъ спискахъ хронографовъ, и какъ? Приводится Варлаамово показаніе и снабжается разными вставками, а въ числѣ этихъ вставокъ и латинство попа, исповѣдывавшаго Самозванца.

Все это нами приведено только для того, чтобъ доказать безосновательность мнѣнія, будто бы іезуиты свели Самозванца съ Вишневецкимъ, а потомъ съ Мнишкомъ, отличавшимся, какъ говоритъ г. Павловъ, дружествомъ съ іезуитами болѣе всѣхъ пановъ. Мнѣніе это у г. Павлова приводится для подтвержденія другаго, болѣе главнаго, именно, что Самозванецъ подготовленъ заранѣе іезуитами и притомъ такъ, что самъ вѣрилъ искренно въ свое царственное происхожденіе. Другихъ доказательствъ у г. Павлова нѣтъ. Наше главное и важнѣйшее возраженіе противъ него—это неимѣніе достаточныхъ данныхъ, на которыхъ должно бы опираться его мнѣніе. Вопросъ нашъ стоитъ въ такомъ положеніи, что не намъ приходится опровергать г. Павлова, а ему предоставить доводы голословнаго своего предположенія, и недостатокъ этихъ доводовъ служитъ ему полнымъ опроверженіемъ. Что касается моего собственнаго мнѣнія о Гришкѣ, то оно совсѣмъ не субъективное мое воззрѣніе, а выводъ изъ источниковъ, и я считаю долгомъ повторить вкратцѣ то, что говорилъ прежде, предоставляя г. Павлову опровергать меня, если угодно и сколько угодно.

Чтобъ Гришка подготовлялся боярами на Димитрія—на это нѣтъ никакихъ доказательствъ. Поставимъ себя въ тѣ дни, когда только что появился Самозванецъ. Въ Москвѣ возникъ слухъ, что онъ Гришка Отрепьевъ. Источникъ этого слуха указанъ патріархомъ Іовомъ въ его окружной грамотѣ. Трое бродягъ-*воровъ* показали, что они знали Гришку на дорогѣ изъ Москвы въ Украйну и въ Кіевѣ; они прибавили, что онъ ушелъ изъ Кіева и у Вишневецкаго назвался Димитріемъ. Ни одинъ изъ нихъ не говорилъ, чтобъ видѣлъ его тогда, когда онъ уже назвался Димитріемъ; ни одинъ не объяснилъ: откуда онъ знаетъ, что тотъ, кто во дворѣ у Вишневецкаго назвался Димитріемъ, есть именно Гришка Отрепьевъ, а не кто-нибудь иной; никому изъ нихъ Гришка не объявлялъ прежде о своемъ намѣреніи сдѣлаться Димитріемъ. Слѣдовательно, то, что говорили они о самозванствѣ Гришки, была только или ихъ догадка, или слухъ; вѣрнѣе первое, потому что, въ послѣднемъ случаѣ они, вѣроятно, указали бы, кто имъ сообщилъ объ этомъ. На какомъ же основаніи патріархъ и иже съ нимъ повѣрили голословному показанію бродягъ? Это объясняется патріаршею грамотою: Гришка Отрепьевъ былъ чернокнижникъ, знался съ бѣсами; за это угрожали ему казнью—онъ бѣжалъ. Этихъ качествъ, по тогдашнимъ понятіямъ, было достаточно, чтобъ принять на вѣру показаніе бродягъ; самозванство казалось преступленіемъ, наиболѣе сроднымъ такимъ лицамъ, которыя знакомы съ бѣсами: вѣдь и вообще успѣхъ Самозванца въ послѣдствіи объясняли именно содѣйствіемъ бѣсовъ, которымъ онъ продалъ

свою душу за царствованіе въ Москвѣ. Грянула патріаршая грамота, и стали проклинать Самозванца подъ именемъ Гришки Отрепьева. Вотъ все, сколько намъ извѣстно, на чемъ оперлось въ началѣ мнѣніе о томъ, что Гришка Отрепьевъ былъ Самозванецъ. Все прочее и въ томъ числѣ Варлаамова челобитная—произведеніе послѣдующаго времени, уже послѣ убіенія Самозванца. Не считаемъ нужнымъ вдаваться въ разборъ извѣстій о Гришкѣ Отрепьевѣ, составленныхъ въ послѣдствіи, чтобъ не навлечь со стороны г. Павлова укора о томъ, что мы говоримъ ему то, въ чемъ онъ и такъ съ нами согласенъ. Конечно, г. Павловъ не можетъ вѣрить ни Варлаамовой челобитной, потому что не считаетъ царствовавшаго подъ именемъ Димитрія Гришкой, ни лѣтописнымъ сказаніямъ о томъ, будто Гришка, еще до побѣга изъ Москвы, называлъ себя царевичемъ: потому что, еслибъ такъ было, то объ этомъ не преминули бы упомянуть патріархъ въ своей окружной грамотѣ и бояре въ своихъ переговорахъ съ Польскими панами; но патріархъ и бояре не знали за нимъ другихъ преступленій, кромѣ чернокнижества и знакомства съ бѣсами. Считаемъ лишнимъ теперь разсматривать подробно всѣ эти сказанія, потому что намъ пришлось бы повторять сказанное уже въ нашей брошюрѣ „Кто былъ первый Лжедимитрій?“ Что Самозванецъ привелъ съ собою Гришку—это также не субъективное наше воззрѣніе: объ этомъ говоритъ очевидецъ-Маржеретъ, объ этомъ говорятъ и наши источники; но послѣдніе прибавляютъ, что тотъ, кого Самозванецъ показывалъ за Гришку, былъ иной. Послѣднему извѣстію мы не довѣряемъ, вопервыхъ потому, что тѣ, которые сообщаютъ его, не могутъ согласно показать, кто былъ тотъ, кого Самозванецъ показывалъ за Гришку; одни говорятъ, что то былъ—инокъ Пименъ, другіе—инокъ Леонидъ; вовторыхъ, потому что, признавъ Самозванца Гришкою (а г. Павловъ не считаетъ его Гришкою), уже необходимо приходилось объяснять явленіе дѣйствительнаго Гришки такимъ способомъ, что подъ именемъ Гришки подставленъ другой. Напротивъ, мы считаемъ болѣе сообразнымъ съ здравою критикою послѣдовать Маржерету и признавать лицо, которое Самозванецъ выдавалъ за Гришку—дѣйствительнымъ Гришкою. Самозванецъ дѣлалъ это, конечно, для того, чтобъ видѣли всѣ, что онъ не Гришка и не имѣли сомнѣнія въ томъ, что онъ самъ настоящій царевичъ; а какъ Самозванецъ имѣлъ полный успѣхъ и былъ признанъ настоящимъ Димитріемъ, и признаваемъ былъ цѣлый годъ подъ этимъ именемъ, то не вытекаетъ ли изъ этого прямая необходимость принять, что мѣра, взятая имъ, была удовлетворительною, и всѣ видѣли въ показываемомъ Гришкѣ дѣйствительнаго Гришку, а объясненіе подставки, вмѣсто Гришки инаго монаха—возникло послѣ, когда надобно было сгладить противорѣчіе, мѣшавшее утвердиться мнѣнію, что царствовавшій и низверженный былъ Гришка?

Г-нъ Павловъ говоритъ, будто я признаю Самозванца твореніемъ боярской партіи въ Москвѣ и считаю его искренно увѣреннымъ въ своемъ царственномъ происхожденіи. Дѣйствительно, прежде мы такъ думали, раздѣляя отчасти взглядъ г. Соловьева; но отысканіе важнаго источника

въ автографахъ Императорской Публичной Библіотеки заставило насъ измѣнить такое воззрѣніе. Объ этомъ была уже напечатана довольно подробная статья въ „Голосѣ"; повторять сказанное нѣтъ нужды.

Г-нъ Павловъ говоритъ: „Г. Костомаровъ мнѣнія своего не досказываетъ до конца; онъ только намекаетъ на него и даетъ его лишь угадывать, какъ бы въ предчувствіи. Мы находимъ, что г. Костомарову даже выгодно его не досказывать, а удерживать въ себѣ лишь на степени смутнаго предчувствія. Дѣло въ томъ, что если г. Костомаровъ захочетъ быть строго послѣдовательнымъ въ своемъ мнѣніи, то ему грозитъ опасность непремѣнно довести его до абсурда". Далѣе г. Павловъ поясняетъ, что этотъ абсурдъ— признаніе Самозванца настоящимъ Димитріемъ.

Я не встрѣчалъ и теперь не встрѣчаю научной необходимости, наводящей на результаты, которые выгодно было бы, въ какомъ бы то ни было отношеніи, не досказывать; а намеки и подозрѣнія г. Павлова вовсе неумѣстны въ ученомъ спорѣ, касаясь ошибочно предполагаемаго имъ въ моемъ черепѣ, а не высказаннаго моими словами, мнѣнія. Царствовавшій подъ именемъ Димитрія могъ быть просто отличнымъ актеромъ, по собственному убѣжденію, превосходно разыгравшимъ роль добраго государя, увѣреннаго въ своемъ царственномъ происхожденіи. Сценическое дарованіе, при сильномъ успѣхѣ, зависящемъ отъ совпаденія благопріятныхъ внѣшнихъ обстоятельствъ, можетъ, Богъ знаетъ до какой степени, поднять силы человѣка. Чтό удивительнаго, если, усвоивъ себѣ роль царевича Димитрія, онъ скоро сроднился съ нею до того, что она сдѣлалась его природою? Чтό удивительнаго, если этотъ великій актеръ при жизни сумѣлъ надуть и провести и Московское государство, и Польшу, и самихъ архиплутовъ іезуитовъ, а по смерти до сихъ поръ продолжаетъ надувать почтенныхъ историковъ, и въ томъ числѣ г. Павлова? Хорошо еще, что недолго царствовалъ, а то не такой еще пыли напустилъ бы въ глаза нашимъ изслѣдователямъ!

*

Отвѣтъ г-ну Костомарову на статью его „Еще о первомъ Самозванцѣ".

Наша историческая замѣтка „Правда о Лжедимитріи" удостоилась вторичнаго нападенія со стороны г-на Костомарова. На первое мы уже возразили въ свое время, въ шестомъ нумерѣ „Дня"; теперь вторичное нападеніе на статью „Правда о Лжедимитріи" явилось въ 56-мъ нумерѣ „Голоса", какъ отвѣтъ на то наше возраженіе. Замѣчательно, чтò въ этомъ второмъ разборѣ нашего мнѣнія о Самозванцѣ г-нъ Костомаровъ окончательно не говоритъ ничего такого, чтό служило бы къ его опроверженію. Замѣчательно также, что тутъ говорится многое, уже въ совершенное опроверженіе того, чтò такъ еще недавно развивалъ г-нъ Костомаровъ

въ своей докторской диссертаціи, въ извѣстной брошюрѣ: „Кто былъ первый Лжедимитрій“. Намъ весьма лестно, что наше мнѣніе о Самозванцѣ нашло себѣ строгаго цѣнителя въ такомъ знатокѣ Русской исторіи, какимъ мы привыкли считать г-на Костомарова. Но мы не можемъ не жалѣть, что собственныя историческія убѣжденія почтеннаго профессора по этому предмету оказываются такъ шатки.

Вотъ что̀ говорилъ г-нъ Костомаровъ въ своей докторской диссертаціи, что̀ поставлено даже въ числѣ семи тезисовъ, какъ окончательный выводъ изъ глубокихъ его изысканій: „Димитрій былъ орудіе враждебной Борису партіи, хотѣвшей низвергнуть родъ его, а Богданъ Бѣльскій былъ однимъ изъ главныхъ лицъ этой партіи“. Въ мѣстѣ соотвѣтствующемъ этому тезису, на страницѣ 48-й самого изслѣдованія, читаемъ: „На основаніи всѣхъ упомянутыхъ здѣсь обстоятельствъ, мы признаемъ Самозванца твореніемъ боярской партіи, враждебной Борису. Борисъ былъ въ этомъ убѣжденъ и когда ожидаемый давно и не дававшій ему покоя призракъ царевича Димитрія отозвался въ Польшѣ и началъ существовать подъ этимъ именемъ, Борисъ не задумался сказать боярамъ: „Вотъ, наконецъ, что̀ вышло! Я вижу, откуда онъ идетъ; вотъ она измѣна и крамола князей и бояръ; знаю, это ваше, ваше дѣло; вы хотите погубить меня“. „Bussov, 27“.

Само по себѣ это вѣрно и оправдывается вполнѣ исторіей: бояре заводили Самозванца; ими заводимаго Самозванца мы даже знаемъ по имени: Григорій Отрепьевъ. Но такъ какъ г-нъ Костомаровъ отвергалъ, что боярами заводимый Самозванецъ былъ именно Отрепьевъ; такъ какъ онъ отвергалъ еще, что Польскіе заводчики, укравъ изъ міра Отрепьева, выпустили въ міръ потомъ иного Самозванца, никому невѣдомаго (заводъ іезуитовъ); такъ какъ, словомъ сказать, г-нъ Костомаровъ отвергалъ наше объясненіе Лжедимитрія: то мы, въ 6-мъ нумерѣ „Дня“ (если помнитъ читатель) и предложили г-ну Костомарову разрѣшить два вопроса. Эти два вопроса, повторимъ опять, такъ существенны въ исторіи Лжедимитрія, что ихъ обойти нельзя; но и таковы они еще, что если не принять именно нашего объясненія Самозванца, то и разрѣшить ихъ не будетъ возможности. Мы предложили г-ну Костомарову разъяснить два пункта. Первое: какимъ образомъ родовитые Московскіе бояре кланялись въ ноги Лжедимитрію, вѣнчали его Мономаховымъ вѣнцомъ въ Соборѣ и, видимо, недоумѣвали нѣкоторое время: полно, не настоящій-ли это Димитрій? Какимъ это образомъ, если Лжедимитрій былъ и въ самомъ дѣлѣ никто другой, какъ ихъ собственнаго завода Самозванецъ, ими на Москвѣ приготовленный? Второе: какимъ образомъ случилось и то, что самъ царствовавшій Лжедимитрій, если опять онъ никто другой, какъ на Москвѣ боярами приготовленный Самозванецъ, является потомъ ничуть не сознательнымъ обманщикомъ, а очевидно лицомъ наиувѣреннѣйшимъ въ истинности своего званія?

Какъ же теперь отвѣчаетъ на это г-нъ Костомаровъ? Выпишемъ съ буквальною точностью. „Г-нъ Павловъ говоритъ, будто я признаю Самозванца твореніемъ боярской партіи въ Москвѣ и считаю его искренно

увѣреннымъ въ своемъ царственномъ происхожденіи. Дѣйствительно, прежде мы такъ думали, раздѣляя отчасти взглядъ г-на Соловьева (выше, однако, мы видѣли, что это еще взглядъ и Бориса Годунова!); но отысканіе важнаго источника въ автографахъ Императорской Публичной Библіотеки заставило насъ измѣнить такое воззрѣніе. Объ этомъ была уже напечатана довольно подробная статья въ „Голосѣ"; повторять сказанное нѣтъ нужды". Вотъ отвѣтъ г-на Костомарова по первому пункту. Ну, что-жъ? Если отвергнуть несомнѣнную историческую истину, что бояре на Москвѣ заводили Самозванца, то и обстоятельство, что бояре потомъ охотно кланялись ему въ ноги, можно уже будетъ, пожалуй, объяснить самымъ безцеремоннымъ образомъ. Въ цѣлой массѣ источниковъ Лжедимитріева царствованія нѣтъ еще, можетъ быть, другаго, болѣе ничтожнаго и менѣе важнаго, чѣмъ этотъ „важный источникъ", напечатанный въ „Голосѣ" г-мъ Костомаровымъ; всѣ источники, касающіеся Лжедимитрія, разъ они идутъ со стороны Польско-іезуитской, вообще говоря, большой важности не представляютъ и никакого вѣроятія не заслуживаютъ; но не въ этомъ дѣло. Дѣло въ томъ, что если боярскій на Москвѣ заводъ Самозванца отвергнуть, то и въ самомъ дѣлѣ становится легко объяснить, почему бояре потомъ ему кланялись въ ноги. Что это легко, съ этимъ нельзя не согласиться! Такъ какъ бояре не готовили Самозванца, то и не знали его; а такъ какъ они его не знали, то почему бы имъ потомъ и въ самомъ дѣлѣ не принимать его за настоящаго царевича? Прежде, принимая Самозванца за орудіе бояръ и за „ихъ твореніе", г-нъ Костомаровъ стоялъ ближе къ исторической истинѣ; но, не принимая нашего объясненія, не умѣлъ ничѣмъ самъ объяснить, почему бояре потомъ вѣрятъ въ его истинность? Теперь, и безъ нашего объясненія, г-нъ Костомаровъ разъяснилъ это послѣднее обстоятельство: бояре, говоритъ онъ, вовсе и не думали заводить никакого Самозванца; значитъ, они должны были всякаго принять за истиннаго царевича. Такъ; но какою же дорогою цѣной купилъ себѣ г-нъ Костомаровъ этотъ дешевый способъ упразднить наше объясненіе и сдѣлать его ненужнымъ! Теперь, какъ мы видимъ, почтенный профессоръ вынужденъ отказываться отъ самаго вѣрнаго и наиболѣе историческими фактами оправданнаго тезиса своей докторской диссертаціи, т.-е. что „Самозванца заводили на Москвѣ бояре"; теперь, на перекоръ своему изслѣдованію, онъ долженъ утверждать противное, т.-е., что бояре никогда никокого Самозванца не заводили! Не то, впрочемъ, важно, что этотъ новый тезисъ г-на Костомарова находитъ противорѣчіе въ его собственной диссертаціи, а важно то, что новый тезисъ будетъ въ полномъ противорѣчіи съ мнѣніемъ Бориса Годунова, которое засвидѣтельствовано Буссовымъ и оправдывается всею біографіей Гришки Отрепьева!

Но если такъ безцеремонно разрѣшаетъ свои историческія сомнѣнія г-нъ Костомаровъ по первому пункту вопроса о Лжедимитріи, то при второмъ пунктѣ безцеремонность эта превосходитъ уже всякое вѣроятіе. Пусть бояре смѣшивались въ мысляхъ, подступая къ Лжедимитрію, и при-

нимали его за истиннаго царевича оттого только, что сами никогда никакого Самозванца не заводили; но почему же самъ Лжедимитрій вѣрилъ въ свою истинность, самъ-то еще всѣхъ и магнетизировалъ, такъ сказать, своимъ собственнымъ самовѣріемъ? Онъ былъ „отличный актеръ", отвѣчаетъ на это г-нъ Костомаровъ. „Сценическое дарованіе, при сильномъ успѣхѣ, зависящемъ отъ совпаденія благопріятныхъ внѣшнихъ обстоятельствъ, можетъ, Богъ знаетъ до какой степени, поднять силы человѣка. Что̀ удивительнаго, если, усвоивъ себѣ роль царевича Димитрія, онъ скоро сроднился съ нею до того, что она сдѣлалась его природою? Что̀ удивительнаго, если этотъ великій актеръ при жизни сумѣлъ надуть и провести и Московское государство и Польшу, и самихъ архиплутовъ-іезуитовъ; а по смерти до сихъ поръ продолжаетъ надувать почтенныхъ историковъ, и въ томъ числѣ г-на Павлова? Хорошо еще, что недолго царствовалъ, а то не такой еще пыли напустилъ бы въ глаза нашимъ изслѣдователямъ!"

Прелесть такого объясненія, кажется, понятна, безъ всякихъ коментаріевъ; возражать на это было бы излишне. Мы сдѣлаемъ еще только два, по возможности краткихъ, замѣчанія—и кончаемъ.

Единственное возраженіе, если помнитъ читатель, сдѣланное намъ г-мъ Костомаровымъ, касалось вопроса: точно-ли Самозванца съ Мнишкомъ свели іезуиты, и точно-ли Мнишекъ славился дружествомъ съ іезуитами? „Откуда это?" спрашиваетъ насъ г-нъ Костомаровъ. Мы ему указали, откуда это. Хотя довольно было бы самыхъ простыхъ соображеній, что не такіе паны, какъ гетманъ Жолкѣвскій и прочіе, не приставашіе къ темной интригѣ, паны высокаго личнаго характера, а именно паны въ родѣ Мнишка, мелкодушные и ничтожные интриганы, славившіеся охотою поправлять свои разстроенныя дѣла всякими позволенными и непозволенными средствами, такіе именно паны были по преимуществу на руку іезуитамъ, удивительнымъ мастерамъ достигать небесныхъ цѣлей земными путями... Но мы этимъ не удовольствовались. Мы привели подлинную выписку изъ Де-Ту: „Іезуиты сначала хранили сіе предложеніе въ глубокой тайнѣ и прежде всего старались убѣдить Римскаго первосвященника помочь имъ въ дѣлѣ столь выгодномъ для утвержденія вѣры и святаго престола, какъ собственною его властью, такъ и ходатайствомъ предъ королемъ и Польскими вельможами; между тѣмъ познакомили просителя съ Юрьемъ Мнишкомъ, воеводой Сендомирскимъ, сильнѣйшимъ изъ вельможъ королевскихъ; съ нимъ заключенъ былъ договоръ и пр.". Ясно, такимъ образомъ, что слова наши представляли простой перифразъ подлинныхъ выраженій и что г-ну Костомарову поэтому-то и было совѣстно задаваться своимъ вопросомъ: откуда это? Но то теперь и за досаду стало г-ну Костомарову, что слова наши, передъ которыми онъ ставилъ вопросъ: откуда это, эти слова дѣйствительно оказываются перифразомъ. „Да не угодно-ли, г-нъ Павловъ,—разражается негодованіемъ почтенный профессоръ—не угодно-ли, мы наберемъ всевозможнѣйшихъ извѣстій изъ источниковъ современныхъ и составимъ такую исторію, въ которой только и будетъ

что простой перифразъ подлинныхъ выраженій изъ источниковъ современныхъ и не будетъ тѣни правды?“ Такъ какъ вопросъ обращенъ къ намъ лично, то мы и вынуждены безъ отвѣта его не оставить. Итакъ, намъ этого вовсе не угодно; говоря, что статья наша „Правда о Лжедимитріи“ представляетъ въ цѣлыхъ періодахъ лишь кристаллизацію подлинныхъ выраженій, мы потому-то и прибавляли: „тщательно между собою сличенныхъ“, что знали всю ихъ относительную неважность безъ такой провѣрки, безъ такого тщательнаго сличенія. Къ сожалѣнію однако, самъ г-нъ Костомаровъ въ своемъ отвѣтѣ уже приводитъ въ исполненіе ту совершенно-лишнюю для насъ проблему, которою, думали мы, онъ такъ только похвалился. Когда г-нъ Костомаровъ утверждаетъ, что Гришку Отрепьева самъ Лжедимитрій привелъ съ собою въ Москву; когда онъ говоритъ, что монахъ, заключенный въ Ярославлѣ и величавшій себя Гришкой Отрепьевымъ, воистину былъ Отрепьевъ; когда, наконецъ, въ подтвержденіе этого онъ ссылается на слова Маржерета: тогда г-нъ Костомаровъ, дѣйствительно, уже не дѣлаетъ ничего другаго, кромѣ того что осуществляетъ на дѣлѣ свою любимую проблему. Онъ именно приводитъ наилучшій образецъ того, какимъ образомъ можно своему слушателю представить „простой перифразъ подлинныхъ выраженій изъ источниковъ современныхъ, и не будетъ тѣни правды“. Григорій Отрепьевъ въ подлинномъ видѣ существовалъ въ Москвѣ при царствовавшемъ Лжедимитріи!? Ярославскій монахъ и былъ тотъ подлинный Григорій Отрепьевъ!? Не говоримъ уже „тщательно всѣ источники, касающіеся Лжедимитріева царствованія“, но довольно было бы внимательно просмотрѣть XI-й томъ Карамзина и примѣчанія къ нему, чтобы не сдѣлать такой первоклассной ошибки.

Читатель, можетъ быть, помнитъ также, что невозможность допущенія іезуитовъ въ домъ къ князю Вишневецкому г-нъ Костомаровъ доказывалъ православіемъ этихъ князей; на догадкѣ объ ихъ чрезвычайно-ревностномъ православіи не допускалъ онъ, по крайней мѣрѣ, того, что священникъ, исповѣдывавшій больнаго Самозванца въ домѣ Вишневецкаго, былъ іезуитъ. Мы отвѣчали г-ну Костомарову, что о православіи или неправославіи Вишневецкаго у насъ и помину не было; а что священникъ, исповѣдывавшій Самозванца въ его домѣ, былъ Латынецъ—это несомнѣнно видно изъ многихъ источниковъ. Г-нъ Костомаровъ не отрицаетъ того, что священникъ, дѣйствительно, во многихъ сказаніяхъ показывается Латинскимъ; но почему-то теперь онъ еще сильнѣе настаиваетъ на своемъ, что Вишневецкіе были горячо и ревностно преданы православію. „О Вишневецкихъ мы знаемъ, что они и умерли въ православной вѣрѣ“, говоритъ г-нъ Костомаровъ. Зачѣмъ это нужно? Какъ мы не говорили, что Вишневецкіе при жизни исповѣдывали католичество, православіе или лютеранство, также точно ни разу не выражали сомнѣнія и на счетъ того, въ какой вѣрѣ они умерли? Помнится, мы ограничили наше возраженіе по этому поводу въ слѣдующихъ словахъ: „Слѣдуетъ-ли даже ставить вопросъ о православіи или неправославіи подобныхъ Вишневецкимъ тогдашнихъ

пановъ, сегодня еще православныхъ, завтра уніатовъ, поутру уніатовъ—къ вечеру того же дня усердныхъ католиковъ?“ Кажется, ясно.

Спрашивается только, имѣли-ли мы право на такую ясность въ выраженіи недовѣрія къ горячей будто бы ревности къ православію тогдашнихъ Польско-Русскихъ пановъ?

Г-ну Костомарову кажется, что не имѣли. „Если“, говоритъ онъ, „г-нъ Павловъ этими словами вообще хотѣлъ очертить только Польско-Русскихъ пановъ того времени (въ началѣ г-нъ Костомаровъ зачѣмъ-то полагаетъ, что лично на Константина Вишневецкаго мы тутъ посягали), то такая характеристика менѣе всего прилична именно той эпохѣ, о которой идетъ дѣло; то было время, когда досада, возбужденная насильственнымъ введеніемъ Уніи и нарушеніемъ древняго права свободы совѣсти, искусственно возбуждала православную ревность въ тѣхъ панахъ, которые безъ того были бы холодны къ своей вѣрѣ. Еще живъ былъ Острожскій, хотя престарѣлый и дряхлый, но бодрый духомъ настолько, что поддерживалъ упорство въ своихъ (по крайней мѣрѣ возмужалыхъ) единовѣрцахъ“.

Мы сейчасъ объяснимъ читателю, что значутъ эти таинственныя слова въ скобкахъ о возмужалости единовѣрцевъ, которыхъ Острожскій удерживалъ въ православіи. Но прежде всего дадимъ убѣдительный отвѣтъ г-ну Костомарову на то, что мы имѣли полное основаніе заподозрить преданность православію со стороны Польско-Русскихъ пановъ именно „той эпохи, о которой идетъ дѣло“, того времени, о которомъ г-нъ Костомаровъ такъ восторженно восклицаетъ: „то было время и пр.“. Сліяніе Западно-Русскаго шляхетства съ шляхетствомъ Польскимъ именно въ это-то время и происходило! Вотъ какъ оплакиваетъ отъ лица православной церкви извѣстный Мелетій Смотрицкій погибель въ латинствѣ лучшихъ родовъ Западно-Русскихъ, въ своемъ знаменитомъ сочиненіи „Ѳриносъ“, изданномъ въ 1610 году.

„Гдѣ теперь и другіе также неоцѣненные камни моего вѣнца, славные роды Русскихъ князей, мои сапфиры и алмазы—князья Слуцкіе, Заславскіе, Збаражскіе, Вишневецкіе, Сангушки, Чарторыжскіе, Пронскіе, Рожинскіе, Солотерецкіе, Головчицкіе, Коширскіе, Масальскіе, Горскіе, Соколинскіе, Лукомскіе, Пузыны и другіе безъ числа? Гдѣ вмѣстѣ съ ними и другіе роды, древніе, именитые, сильные роды славнаго по всему міру силою и могуществомъ народа Русскаго,—Ходкѣвичи, Глѣбовичи, Кишки, Сапѣги, Дорогостойскіе, Воины, Воловичи, Зеновичи, Пацы, Халацкіе, Тышкевичи, Корсаки, Хрептовичи, Тризны, Горностаи, Бокѣи, Мышковскіе, Гурки, Сѣмашки, Гулевичи, Ярмолинскіе, Челненскіе, Калиновскіе, Кирдеи, Заборовскіе, Мелешки, Боговитыни, Павловичи, Сосновскіе, Скумины, Поцѣи и другіе?...“. Это, повторяемъ, думано и писано Мелетіемъ Смотрицкимъ если не въ 1610 году, то еще ранѣе; но объ этой эпохѣ и говорили мы, когда совѣтовали г-ну Костомарову не обращать большаго вниманія на православіе или неправославіе Польско-Русскихъ пановъ для доказательства того, что входъ въ ихъ дома былъ будто бы затруднителенъ іезуи-

тамъ. Къ крайнему своему огорченію, быть можетъ, замѣтитъ г-нъ Костомаровъ, что въ этомъ длинномъ перечнѣ именъ, отпавшихъ отъ православія, помянуты и Вишневецкіе; но, повторяемъ, сами мы, какъ прежде, такъ и теперь, не дѣлаемъ изъ этого никакого важнаго вопроса.

Читатель, думаемъ, вполнѣ видитъ теперь, много-ли правды въ словахъ г-на Костомарова, что наша общая характеристика Польско-Русскихъ пановъ „менѣе всего прилична именно той эпохѣ, о которой идетъ дѣло". Это видно будетъ и до конца, когда мы разъяснимъ еще, почему г-нъ Костомаровъ, говоря, что князь Острожскій удерживалъ въ православіи своихъ единовѣрцевъ, прибавляетъ въ скобкахъ: „по крайней мѣрѣ возмужалыхъ". Дѣло въ томъ, что въ эпоху, о которой идетъ рѣчь, т.-е. въ то самое время, какъ явиться Лжедимитрію у Вишневецкаго, уже собственные сыновья князя Острожскаго не были православные, а перешли въ католичество. Когда въ Кіевѣ, въ 1604 году, жаловались князю Острожскому на Григорья Отрепьева (котораго самъ князь прежде знавалъ у себя въ Кіевѣ), что онъ, Григорій, сталъ водиться съ Латинскими монахами, скинулъ съ себя иноческое платье и „бысть отметникъ и законопреступникъ православныя сущія христіанскія вѣры", тогда „и князь и всѣ его дворовые люди говорили: здѣся-де земля, какъ кто хочетъ, да тотъ въ той вѣрѣ и пребываетъ. Да князь же говорилъ: сынъ-де мой, князь Янышъ, родился во христіанской вѣрѣ, а держитъ Ляшскую вѣру, и мнѣ-де его не уняти". (Акт. II, № 64).

*

Послѣсловіе.

Позволивъ себѣ приложить къ «Правдѣ о Лжедимитріи» критическія замѣтки г-на Костомарова, мы считаемъ себя вдвойнѣ правыми передъ памятью покойнаго профессора. Слѣдовало, по правилу *audiatur et altera pars*, или вовсе умолчать объ этой полемикѣ или привести ее цѣликомъ. На первое мы не рѣшились по слишкомъ большой извѣстности г-на Костомарова; на второе по счастію испросили согласіе отъ него лично. Зимою 1877 года встрѣтились мы съ Николаемъ Ивановичемъ въ Москвѣ, въ Училищѣ Живописи и Ваянія, на квартирѣ извѣстнаго секретаря Совѣта этого Училища (онъ состоитъ въ этой должности и сейчасъ, когда пишутся эти строки) Льва Михайловича Жемчужникова, гдѣ былъ тогда и третій землякъ ихъ обоихъ, г-нъ Кулишъ. Тутъ и заявилъ нашъ славный противникъ о «полнѣйшемъ» согласіи съ своей стороны на перепечатку его критическихъ замѣтокъ—о которыхъ шла тогда и идетъ теперь рѣчь—въ случаѣ изданія «Правды о Лжедимитріи» въ пополненномъ видѣ.

Намъ памятны два другіе отзыва по поводу нашего изслѣдованія о Самозванцѣ; жаль было бы умолчать о нихъ: оба принадлежатъ

хорошо-извѣстнымъ Русскимъ людямъ, одинъ Ю. Ѳ. Самарину, другой—М. П. Погодину.

Авторъ книги *объ іезуитахъ* и знатокъ ихъ неисчерпаемой литературы, Ю. Ѳ. Самаринъ, по поводу «Правды о Лжедимитріи», подтверждалъ съ своей стороны, что еще Поссевинъ, потерпѣвъ неудачу въ извѣстной попыткѣ склонить Ивана Грознаго къ папской вѣрѣ, уже тогда высказывалъ дальновидныя предположенія о возможности ввести Унію въ Россіи, подстроивъ для того Самозванца. Переспрошенный на этотъ счетъ И. С. Аксаковымъ, съ которымъ я подѣлился слышаннымъ, Ю. Ѳ. Самаринъ категорически подтвердилъ намъ обоимъ, что мысль о возможности ввести Унію въ Россіи, подстроивъ для того Самозванца, была дана іезуитамъ самимъ Поссевиномъ и что на это есть прямыя доказательства въ ихъ литературѣ.

Въ связи съ этимъ, нельзя не привести еще нѣсколько новыхъ выписокъ изъ Церковной Исторіи митрополита Платона, въ дополненіе къ тѣмъ, что ужъ были приведены въ «Правдѣ о Лжедимитріи». Вотъ первая: «О семъ всемъ имѣется самаго іезуита Поссевина книга на Латинскомъ языкѣ, съ описаніемъ всего того, которая печатная книга и находится въ библіотекѣ Виѳанской Семинаріи. Любопытный можетъ оную прочесть, гдѣ описано нѣсколько іезуитомъ Россійское государство въ тогдашнемъ состояніи... Также не оставилъ іезуитъ предложить способы, какими можно папскую вѣру ввести въ Россію. А между прочими надежнѣйшимъ почитаетъ, чтобы молодыхъ людей изъ Россіянъ какимъ-нибудь образомъ привлекать въ Литву въ іезуитскія школы и, тамъ ихъ обучивъ и напоивъ своимъ духомъ, надежно чрезъ нихъ ученіе папское разсѣвать и укоренять... Іезуитамъ въ Польшѣ сія выдумка Поссевинова конечно была извѣстна». Вотъ другая выписка о томъ же: «Первый царь Іоаннъ Васильевичъ по несчастію открылъ папѣ и іезуитамъ свободный входъ въ Россію, вздумавъ его просить, чтобъ онъ склонилъ Польскаго короля Стефана Баторія съ нимъ примириться. Для чего начались съ папою переписки, и онъ прислалъ для сего іезуита Антонія Поссевина, который и учинилъ миръ, весьма невыгодный для Россіи, обманывая царя Іоанна Васильевича, а во всемъ хитро держа руку Польскаго короля. Сей іезуитъ покушался царя Іоанна привести къ принятію вѣры папской, но въ семъ не успѣлъ; однако испросилъ позволеніе іезуитамъ ѣздить въ Россію. Іезуитъ Поссевинъ выдалъ книгу и напечатанную, въ которой предлагаетъ разные способы, какъ въ Россію ввести Латинскую вѣру. Между прочими способами выхваляетъ и сей, чтобъ молодыхъ отроковъ Россійскихъ дворянъ, какимъ-либо образомъ, уловлять, дабы они у нихъ въ Польшѣ и

въ Вильнѣ обучались наукамъ, гдѣ ихъ наиболѣе расположить къ папской вѣрѣ, а чрезъ нихъ-де можно будетъ и въ Россіи успѣхи въ томъ учинить, да и уповаетъ, что сей способъ есть надежный и ожидаетъ недолговременнаго тому исполненія». И вотъ наконецъ третья выписка: «Сіи частыя изъ Рима посылки особливо начались отъ времени іезуита Антонія Поссевина, который и Швецію мутилъ, и въ Россіи злоковарный миръ составилъ, и что-то, яко нѣкіимъ духомъ, конечно нечистымъ, восторгнутый, о будущемъ Россіи превращеніи, которое скоро послѣдовало, предвѣщалъ, какъ-то изъ собственныхъ его словъ въ изданномъ отъ него печатномъ сочиненіи примѣчательно. Онъ въ сочиненіи томъ, описывая Россіи обыкновенія и обряды, разные выдумываетъ способы, какъ ввести въ Россію Латинскую вѣру, и, не знаю почему, обнадеживаетъ себя въ томъ успѣть; особливо надежду свою утверждаетъ на томъ, что склонился дворъ Россійскій принимать посольства отъ папы; а подъ симъ-де средствомъ удобно успѣть свои намѣренія въ дѣло произвесть. Да и былъ, видно, уже умыселъ; ибо іезуитъ такъ пишетъ (читай о семъ его сочиненіе по латыни, изданное въ Кельнѣ 1587 году): Non inutile aliquando foret, si vel superstite hoc principe, vel altero mitiore, aut fortassis Catholico succedente, id, de quo agitur inter quosdam Christianos reges, constitueretur».

Прибавить надо къ тому, что, упомянувъ о скоромъ исполненіи Поссевиновыхъ предсказаній и о томъ, что его выдумка въ Польшѣ, конечно, была извѣстна, митрополитъ Платонъ заключаетъ: «Да и самъ онъ Поссевинъ еще въ живыхъ былъ, да и жилъ въ самое сіе общее разгромности начало и произведеніе; ибо онъ уже умеръ 1611 года, какъ показываетъ Гофмановъ Лексиконъ».

Что касается М. П. Погодина, то онъ самъ извѣстными разсужденіями «Имѣлъ ли Борисъ Годуновъ участіе въ убіеніи Димитрія» и «*Нѣчто объ Отрепьевѣ*», позволилъ себѣ противорѣчить Карамзину. Немудрено, поэтому что къ «Правдѣ о Лжедимитріи» онъ отнесся съ большимъ сочувствіемъ. Часто имѣвъ случай пользоваться его бесѣдами, я засталъ его одинъ разъ *«какъ нельзя болѣе кстати»*, по его собственному выраженію. «Я повторяю зады», сказалъ онъ, «перебираю что накопилось новаго за это время по Русской Исторіи и что я давно отложилъ себѣ для провѣрки. Вы меня застали какъ разъ за статьей, которую пишу по поводу вашего изслѣдованія о Самозванцѣ». Разговоръ пошелъ не о томъ, о чемъ даже подцензурными строками сказано было довольно ясно въ «Правдѣ о Лжедимитріи»; а обо всемъ, о чемъ тогда по необходимости было умолчано и что угадывалось развѣ между строкъ. Тема общеизвѣстна! Это трагически-роковая дилемма Бориса Годунова: быть ему обвинен-

нымъ заднимъ числомъ въ покушеніи на Димитрія—разъ появился Самозванецъ? Быть ему еще обвиненнымъ потомъ вдвойнѣ, въ виду дальнѣйшихъ обстоятельствъ, съ канонизаціей Углицкаго младенца и возведеніемъ на престолъ Романовыхъ включительно?

«И что̀ такое сдѣлалось съ Николаемъ Михайловичемъ? Словно попритчилось!... Рѣшительно не понимаю!...» неожиданно кликнулъ мой собесѣдникъ. Я даже растерялся отъ такого внезапнаго обращенія, не вдругъ понявъ, что дѣло идетъ о *незабвенномъ исторіографѣ.* И Погодинъ разсказалъ слѣдующее: «Пріѣзжаю я тогда въ Петербургъ. Это было какъ разъ наканунѣ выхода десятаго тома его исторіи. Разумѣется, былъ въ Петербургѣ—пошелъ съ поклономъ и къ Николаю Михайловичу. Такъ онъ самъ мнѣ говорилъ: Радуйтесь! Скоро теперь прочтете мой новый томъ, и Борисъ Годуновъ оправданъ! Пора наконецъ снять несправедливую охулку». Я, съ восхищеніемъ отъ всего слышаннаго, поѣхалъ назадъ въ Москву и, понятно, съ какимъ нетерпѣніемъ ждалъ выхода книги. Когда наконецъ получилъ ее, со страхомъ и трепетомъ приступилъ къ чтенію. Подхожу къ страницамъ о происшествіи въ Угличѣ. Читаю и глазамъ не вѣрю. Все навыворотъ тому, о чемъ самъ онъ мнѣ говорилъ съ такимъ восхищеніемъ. Что̀ за перемѣна произошла съ нимъ послѣ того, не понимаю. И вотъ десятки лѣтъ прошли съ тѣхъ поръ, а я всякій разъ, какъ перечитываю этотъ заколдованный томъ, слышу—какъ сейчасъ звучатъ они у меня въ ушахъ—слышу тогдашнія его слова. Не могу забыть, не могу и объяснить... Загадка для меня».

Я осмѣлился возразить на это, что особенной загадочности въ томъ нѣтъ: тутъ не Карамзинъ виноватъ, а виновата цѣлая эпоха. У тогдашнихъ, не то Русскихъ, не то космополитически-безнародныхъ, полурусскихъ людей, величавшихъ себя со лже-классическою жеманностью и псевдо-академической важностью «цивилизованными патріотами», не было да и не могло быть настоящей вѣры въ Святую Русь. Вчера еще это были, во дни Екатерины, отчаянные Волтерьянцы; они же подъ старость, на закатѣ Александровыхъ дней, становились ревностными учениками графа де-Местра; мораль чисто-іезуитская была тогда у насъ въ цвѣту. А когда нѣтъ живой свободной вѣры въ то̀, чего «стѣны адовы не одолѣютъ», тогда то и охраняютъ съ удвоенной ревностью лишь внѣшнюю кажущуюся легитимность, соблюдаютъ только цѣлость герба и печати всякихъ казенныхъ формъ.

Я увѣренъ—сказалъ я въ заключеніе—что если Карамзинъ, въ своемъ десятомъ томѣ, прежде написалъ одно, а потомъ напечаталъ другое, тутъ некого винить: это имъ сдѣлано вполнѣ добровольно. Въ рѣшительный мигъ на него напала нерѣшительность, вотъ и

всё. А разгадку такой нерѣшительности даетъ онъ самъ, ёще въ 1803-мъ году, въ своей извѣстной статьѣ: *Историческія воспоминанія и замѣчанія на пути къ Троицѣ.* Упомянувъ о палаткѣ; «гдѣ погребена фамилія Годуновыхъ» и обо всемъ что связано съ этимъ именемъ, онъ разсуждаетъ такъ: «Русскому патріоту хотѣлось-бы сомнѣваться въ семъ злодѣяніи... Что если мы клевещемъ на сей пепелъ, если несправедливо терзаемъ память человѣка, вѣря ложнымъ мнѣніямъ, принятымъ въ лѣтопись безсмысліемъ или враждою?» И однакожь на чемъ вдругъ останавливается Карамзинъ? Вотъ его слова: «Но что принято, утверждено общимъ мнѣніемъ, то дѣлается нѣкотораго рода святынею; и робкій историкъ, боясь заслужить имя дерзкаго, безъ критики повторяетъ лѣтописи».

Мой собесѣдникъ не возражалъ, а ужъ малѣйшее посягательство на Карамзина обыкновенно приводило его въ волненіе, и онъ сейчасъ-же останавливалъ.

Именно такъ—продолжалъ я, ободренный его молчаніемъ—именно безъ критики писалъ Карамзинъ весь этотъ мелодраматическій разсказъ о «душевномъ гладѣ, коимъ томился Борисъ». У него въ исторіи—кто-жъ этого не знаетъ? обыкновенно къ каждой строкѣ цѣлые десятки ссылокъ въ примѣчаніяхъ, и непремѣнно всѣ цитаты сличены и провѣрены! А здѣсь, какъ нарочно, чуть началась мелодрама о душевномъ гладѣ, и пошли цѣлыя страницы безъ ссылокъ; если же коегдѣ и встрѣчаются примѣчанія - смотришь! именно, по его собственному выраженію, «историкъ безъ критики повторяетъ лѣтописи»! И какія лѣтописи! Напримѣръ Морозовскую, которую самъ тутъ же обзываетъ баснословною. Онъ вдругъ пишетъ: «Годуновъ высыпалъ золото, велѣлъ извергу ѣхать въ Угличъ... Вмѣстѣ съ нимъ пріѣхали въ Угличъ сынъ его Данило и племянникъ Никита Качаловъ». А между тѣмъ, какъ извѣстно, никто тогда нарочно *ad hoc* не ѣздилъ въ Угличъ; всѣ поминаемыя лица находились уже тамъ съ самаго начала. Они находились тамъ съ 1584-го года, то-есть съ самой кончины Грознаго, когда исполнили только царскую духовную объ отдачѣ Углича въ удѣлъ Димитрію и когда всѣми дѣлами распоряжались старшіе того времени бояре, и Борисъ Годуновъ еще ничего не значилъ. Справьтесь хоть въ «Повѣствованіи о Россіи»! Ужъ тамъ-то тщательно собраны и свѣрены всѣ цитаты подлинныхъ источниковъ. И нигдѣ тамъ не упоминается о позднѣйшемъ подсылѣ въ Угличъ поминаемыхъ лицъ. Покрайней мѣрѣ, собственно о Никитѣ Качаловѣ прямо и категорически заявлено, что онъ прибылъ въ Угличъ вмѣстѣ со всѣмъ домомъ Нагихъ, въ 1584-мъ году.

— «Ахъ что вы мнѣ напомнили!» прервалъ меня Погодинъ. «Когда Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ издавало сводъ Арцыбашева, въ это самое время я и былъ секретаремъ; изданіе «Повѣствованія о Россіи» лежало на мнѣ. Помню, какую подняли тревогу изъ-за того мѣста, гдѣ описывалось 15-е Мая 1591-го года! Задержали было всю книгу. Пришлось перепечатывать листъ. Который листъ напечатанъ и вставленъ теперь—это ужъ другой. Настоящій, съ текстомъ самого Арцыбашева, былъ отобранъ и уничтоженъ. Я только сохранилъ себѣ на память одинъ экземпляръ и потомъ вклеилъ его у себя въ книгахъ. Любопытно сейчасъ же взглянуть на него, перечитаемъ вмѣстѣ съ вами». И маститый историкъ заковылялъ къ своимъ полкамъ и шкапамъ съ книгами, долго въ нихъ рылся и—какъ это почти всегда бываетъ, когда ищутъ спѣшно—не нашелъ.

Весь этотъ разговоръ по поводу «Правды о Лжедимитріи», главнымъ образомъ, вызванъ былъ слѣдующими строками: «Нельзя довольно надивиться и ходу послѣдующихъ обстоятельствъ; всѣ они сложились именно такъ, чтобы скрыть изъ виду прежде заводчиковъ, а потомъ укрывателей Самозванцева дѣла, и совершенно замели ихъ слѣдъ». Пора, наконецъ, дополнить неполноту этихъ строкъ.

Святъ Углицкій младенецъ въ памяти народа и пребудетъ истинно-свѣтлымъ торжествомъ самое освященіе его памяти изъ рода въ родъ во вѣки вѣковъ, пока чтится Русское имя въ мірѣ. Іезуитамъ хотѣлось, чтобъ мы наругались надъ его памятью, и они намъ привели своего Самозванца. Каемся, мы поклонились ими приведенному Самозванцу и совершили угодное имъ поруганіе неповиннаго младенца. Но вся Россія, какъ одинъ человѣкъ, и почувствовала на совѣсти тяжкій грѣхъ—всенародный Русскій грѣхъ, когда, поклонясь ихъ *лжому* Димитрію, тѣмъ самымъ мы богохульно осквернили ничѣмъ неповинную Углицкую могилу. И когда мы свергли ихъ «прелестника, смутившаго міръ», когда мы развѣяли самый пепелъ его «на Литву», откуда онъ пришелъ: тогда священною обязанностью стало для насъ, напротивъ того, поднять и цѣлыми соблюсти драгоцѣнные останки самого того, чьё имя было воровски украдено на обманъ міру и—какъ расчитывали наши враги, да не удалось!—въ соблазнъ даже будущимъ вѣкамъ. Понятно послѣ того, какимъ новымъ блескомъ для очистившейся народной совѣсти засіяла оправданная Углицкая могила! Тогда Латыне вновь клеветали на насъ и на неё, приписывая тогдашнему Русскому царю и народу свой собственный, весьма для нихъ обычный, а у насъ даже немыслимый и несбыточный грѣхъ: propter rationes politicas canonisare homines profanos. Шуйскій, съ честью перенеся останки неповиннаго младенца изъ Углича на Москву, въ

одно и тоже время—не надо забывать этого—воздалъ честь и поруганной могилѣ Годуновыхъ. Народная совѣсть мерзила тогда всѣми неправдами, содѣянными отъ прихода лжаго Димитрія, вѣнчавшагося въ Успенскомъ соборѣ заразъ и короной, и съ Мариной. Если-бы Французы, легкомысленный и хвалящійся подчасъ невѣріемъ народъ, тяготясь преступленіемъ противъ Людовика XVI, беатизировали и канонизировали его, то, конечно, такое ихъ національное движеніе было-бы всѣмъ понятно,—оно еще понятнѣе тутъ. Можно ли не понимать, какъ тяготилась и мучилась Русская народная совѣсть, какъ нуждалась она очиститься передъ поруганною и оклеветанной Углицкой могилой именно освященіемъ и осіяніемъ ея изъ роды въ роды на память—послѣ той позорной коронаціи Лжеца въ Успенскомъ соборѣ? Народная совѣсть и дѣйствительно очистилась съ тѣхъ поръ на всѣ же предбудущіе вѣка признаніемъ святости этой могилы и этихъ останковъ,—тѣмъ болѣе, что установленіе праздниковъ и канонизація (какъ ихъ понимаютъ Латинскіе монахи) и такое же повидимому празднованіе и освященіе въ народной памяти Русью чтимыхъ событій и людей, не совсѣмъ одно и тоже. Что касается до взводимаго на насъ грѣха, будто «Suiscius, propter suas rationes politicas, curavit canonisare et in martires inscribere Demetrium principem»: то это или простое непониманіе и незнаніе всѣхъ обстоятельствъ дѣла, какъ именно и когда именно и ради чего именно Шуйскій воздалъ честь Углицкой могилѣ, или (если все это знаютъ) намѣренная на него клевета.

Свято и непорочно въ Русской исторіи и другое событіе, прекратившее, напослѣдокъ, всѣ смуты отъ Самозванцевъ и замирившее все государство: избраніе на престолъ Михаила Ѳедоровича Романова. Если Александръ Македонскій, на вопросъ, кому послѣ него царствовать? умирая, далъ отвѣтъ *достойнѣйшему*, и историки всѣхъ вѣковъ восхищаются такимъ отвѣтомъ: то еще прекраснѣе отвѣтъ всего Русскаго народа въ 1612-мъ году. Вопросъ былъ тотъ же: кому царствовать? а отвѣтъ другой: *невиннѣйшему*. Дивятся иные, почему не избрали князя Пожарскаго, освободителя Москвы? Почему не кого-либо изъ Рюриковичей? Такіе запросы могутъ входить въ голову, когда опускаютъ изъ виду необходимость на первомъ планѣ нравственнаго запроса и выдвигаютъ такъ называемыя практическія соображенія на первый планъ. Но удивительнѣе было бы, еслибъ, въ связи съ нравственною правотою, еще даже и по практическимъ соображеніямъ, избрали тогда другаго, а не того, кого избрали. Всенародный голосъ указалъ на Михаила Ѳедоровича Романова: это былъ, по первой женѣ Ивана Васильевича (тогда еще не Грознаго), памятной царицѣ Настасьѣ Романовнѣ, ближайшій родственникъ царя Ѳедора Ива-

новича, кѣмъ пресѣклась Московская династія; это былъ еще и не вступавшій въ свѣтъ юноша, укрытый на все время смутъ въ монастырѣ. Отецъ его, Ѳедоръ Никитичъ, хвалившійся нѣкогда, еще при царѣ Борисѣ, наканунѣ появленія Самозванца: «увидите, каковъ я вскорѣ буду!» зналъ ли онъ, что Русскій народъ оцѣнитъ всего болѣе *«невинность»* въ его сынѣ?

Итакъ, оба упоминаемыя событія, и освященіе въ народной памяти Углицкаго младенца, и избраніе на престолъ Михаила Ѳедоровича Романова, совершены изъ самыхъ чистыхъ человѣческихъ побужденій, и въ обоихъ случаяхъ порывъ народа былъ единодушный. Но гдѣ людскія дѣла, тамъ и людскіе толки; а гдѣ они, тамъ и не безъ кривотолковъ. Какъ святость Углицкаго младенца, такъ еще и святость избранія на престолъ Романовыхъ, на первыхъ же порахъ, естественно, повели къ вящему осужденію памяти трагически-несчастнаго Бориса со всѣмъ его родомъ. Какъ прежде заводчикамъ, такъ теперь и укрывателямъ Самозванцева дѣла, было выгодно всячески клеветать на Бориса; всѣмъ имъ безъ исключенія это было на руку во всѣхъ отношеніяхъ, и своимъ, и чужимъ. И никому изъ нихъ не надо было даже дѣйствовать лично или по крайней мѣрѣ на свой собственный страхъ. Нѣтъ, довольно было для этого дать ходъ естественной человѣческой слабости валить грѣхъ на падшаго и величать побѣдившаго; стоило только предоставить свободу дѣйствія самымъ дурнымъ и низменнымъ инстинктамъ человѣческой природы, и дѣло дѣлалось само собою. Тогда-то и составилась, съ тѣхъ поръ и утвердилась, сказочная легенда о Смутномъ Времени.

Все смутное время, со всѣми его проклятыми подробностями, эту истинную Божью кару за множайшіе грѣхи множайшихъ поколѣній, мрачившихъ исторію Московскаго государства съ самаго начала, еще со временъ лютой татарщины до такой наконецъ эпохи, какова, была эпоха многолѣтняго владычества Ивана Грознаго—свести все это на простую легенду о честолюбцѣ.... показалось такъ просто. Зрите, говорятъ наивные лѣтописцы и исторіографы, *безъ критики повторяющіе лѣтописи*, зрите!... народился честолюбецъ, умертвилъ одного за другимъ всѣхъ наслѣдниковъ престола, воцарился самъ; сталъ тогда угнетать и невинныхъ бояръ, имѣвшихъ право на престолъ больше его,— а Богъ и наказалъ честолюбца со всѣмъ его родомъ. Даже сына его, виновнаго тѣмъ однимъ, что черезъ него честолюбецъ мечталъ имѣть потомство, явно наказалъ самъ Праведный; ибо Ѳедоръ Борисовичъ умеръ поносною смертью «удавленіемъ тайныхъ удовъ, кои суть вмѣстилище сѣмени къ продолженію рода». Честолюбецъ погибъ;

а всѣ тѣ, коихъ онъ гналъ, просіяли славою небесною и земною. Вотъ и разрѣшеніе смутнаго времени. Повидимому, на что̀ проще?

Но не такъ просто совѣсти человѣка примириться съ безсовѣстностью своею, а кольми паче совѣсти цѣлаго народа. Что̀ иное и церковь того или другаго народа, какъ—прежде всего—не его же передъ Богомъ всенародная совѣсть? Ничто другое, собственно говоря, сама исторія каждаго народа. Такъ, по крайней мѣрѣ, повелось у насъ. Исторію своего государства и исторію своей церкви никогда одну отъ другой не отдѣлялъ и не отдѣляетъ Русскій народъ, даже не понимаетъ возможности ихъ отдѣленія. Можетъ быть, другіе народы и умудрились сложить свою исторію иначе, умудряются въ томъ и до сихъ поръ; намъ эта мудрость не дается.

Потому-то, можетъ быть, въ Русской Исторіи болѣе, чѣмъ во всякой другой, ни одна вкравшаяся завѣдомая ложь, ни одинъ нераскаянный грѣхъ, не одно умышленное и сознательное отступленіе отъ правды не отпускаются даромъ, а мстятся въ цѣлыхъ вѣкахъ. Мстится намъ еще и до сихъ поръ, даже въ концѣ XIX-го вѣка, неправда Русская, содѣянная въ началѣ XVII-го вѣка; мстится тамъ, гдѣ имѣющіе очи чтобъ видѣть и уши чтобъ слышать не видятъ и не слышатъ, даже и не подозрѣваютъ, что это она самая, все она и «послушествуетъ свидѣтельство ложно». Она мстится даже до сегодня, и будетъ еще мстится, пока, напослѣдокъ, въ сознаніи хотя будущихъ поколѣній правда объ этой неправдѣ доищется сама себя въ конецъ.

Н. М. Павловъ.



